

№1 РЕМ 2004 ЧЕ ШАН

Литературно-художественный
и краеведческий
журнал

Экран проталин

Морозов лютость подрастеряна:
Владенья - к Северу скукожились.
Весны и маслениц мистерии
Текут расплавленными рожами.
— Оковы не страшат морозовы:
✓ Наш выбор - таянье, цветение!
Проталины в бинтах березовых
Путь покаяний, омовения.
Научный элемент в открытии. -
Как пёреход к иным галактикам,
Где солнцё, перелетной птицею,
В живой проталинке окатится
И путь укажет откровения -
— Экран проталин в то мгновение.

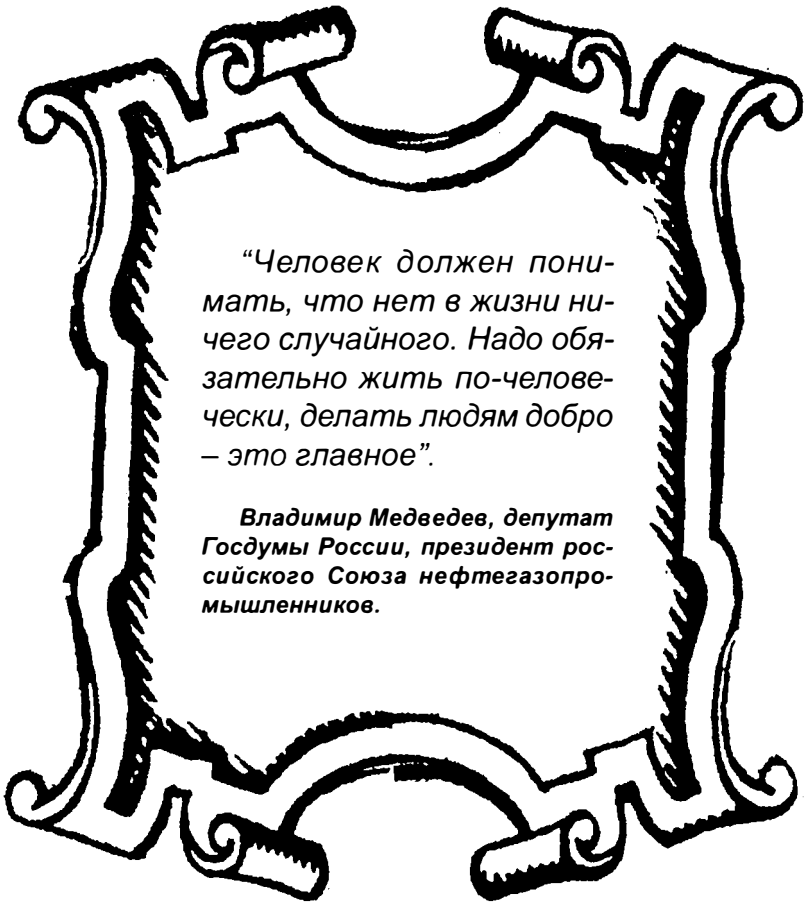

№ 1

ЧЕРЕМШАН

2004 г.

Литературно-художественный и краеведческий журнал
Димитровградского отделения Ульяновской писательской
организации Союза писателей России
(Издается с сентября 1998 г.)

“Человек должен понимать, что нет в жизни ничего случайного. Надо обязательно жить по-человечески, делать людям добро – это главное”.

*Владимир Медведев, депутат
Госдумы России, президент
российского Союза нефтегазопро-
мышленников.*

РУКОВОДЯЩИЕ ОРГАНЫ ПИСАТЕЛЬСКОГО ОТДЕЛЕНИЯ,
избранные общим собранием 12 сентября 2003 г.

Совет Писательского отделения:

Гордеев В.Л. - председатель, член Союза писателей России.

Каширова Р.И. - член Союза писателей России.

Ларин Е.С. - член Союза писателей России.

Слюняев П.В. - кандидат в члены Союза писателей России.

Слюняев С.В. - руководитель Клуба молодых литераторов,
зам. редактора журнала "Черемшан".

Ревизионная комиссия Писательского отделения:

Смольников Д.Е. - председатель, кандидат в члены
Союза писателей России.

Касимов Ф.Д. - член Союза писателей России.

Степанова Л.М. - кандидат в члены Союза писателей России.

Редактор журнала Валерий Гордеев

Над номером работали:

Фотохудожник - **В.Зиновьев**

Дизайн и верстка - **Н.Рябовой**

Корректор - **Р.Соколова**

Художник - **Г.Генераленко**

Компьютерная обработка снимков - **В.Стрюčkова**

Лицензия: ЛР № 030267 от 7.05.97 г. Литфонда России

ПОДАД

"МЕЛЕКСО"

Редакция извещает о том, что с согласия авторов
их произведения временно публикуются на
безгонорарной основе.

© "Черемшан" 2004
ISBN 5-85658-028-1

**Материалы журнала "Черемшан" размещены на страницах тольяттинского
сервера в Интернете: "Toline". На сайте: www.catalog.toline.ru.**

Адрес редакции: 433510, Ульяновская обл., г. Димитровград,
ул. Юнг Северного флота, 107.

Сдано в набор 10.03.04. Подписано в печать 25.03.04. Формат 60х90/16. Печ. л. 7,0.
Печать офсетная. Тираж 300 экз. Заказ № 2152. **Цена свободная.**

Отпечатано в Димитровградской типографии: ул. Юнг Северного флота, 107.

К димитровградцам — с любовью!

В сентябре 1998 года в свет вышел первый номер первого городского литературно-художественного и краеведческого журнала "Черемшан".

За прошедшие 300 лет до этого события — ни мелекесцы, ни димитровградцы и подумать не смели о выпуске своего журнала...

Сначала не было в городе достаточных литературных сил на это неприподъемное дело. Потом, когда появилась своя творческая интеллигенция, люди, способные грамотно и художественно выражать на бумаге свои мысли и думы, — советская действительность уже не позволяла свое мнение иметь, тем более публично выражать свои свободололюбивые, "вредные" коммунистической морали мысли...

И только, когда город "переполнился" литературно одаренными людьми и факт этот во всей его полноте осознал Второй Глава города — Владимир Алексеевич Паршин, — журнал смел иметь место в жизни и свободной, суверенной России, и в нашем Димитровграде.

За эти шесть лет наш "Черемшан" стал не только ярким и творческим событием в Поволжье (именно наш примером стали выходить в свет журналы в Ульяновске, Сызрани, Тольятти, Энгельсе, альманах в Отрадном), вокруг "Черемшана" собралось крепкое, многочисленное, талантливое сообщество лучших представителей димитровградской литературы, массово потянулось к слову, русскому языку, к умению мыслить большое количество особо одаренных, осознавших себя в литературе молодых людей: рабочих, ученых, студентов, школьников. В городе стали проводиться литконкурсы, фестивали поэзии, встречи с читателями. Димитровградцы прочно вошли в орбиту победителей российских и региональных литконкурсов. Но, самое главное, в городке, где привыкли гордиться именами известных в стране писателей, выходцев из Димитровграда, но давно уехавших, в поисках признания, в столице, родилось свое, жизнеспособное писательское отделение Союза писателей России. Сегодня в нем — уже девять членов главного творческого Союза России!

Но — жизнь разительно разменна на всякого рода трагические события. Новое градоначальство, на словах, с февраля 2001 года, когда состоялась первая городская Конференция творческой интеллигенции, посвященная именно нашему "Черемшану", декларировало абсолютную поддержку развивающейся в городе литературной общестvenности и журналу...

В 2001 году в свет вместо ежемесячного (в городе огромен запас уже созданных димитровградцами художественных и исторических произведений) журнала, — мы получили только... три номера его. В 2002 году — два. В 2003-м — ни одного! Причем, дело ставится так, что в этом виноваты сами писатели, нищенский бюджет города и ... всех подряд, только не бюрократов.

Но, Бог милостив к людям творческим... радением Второго в истории Мелекесса Главного города — ныне депутата городского Совета В.А.Паршина были найдены подлинные патриоты родного края. Они оказали воспомоществование писателям, молодым литераторам, особо одаренным детям — в свет вышел ОЧЕРЕДНОЙ номер "Черемшана". Наш и ваш журнал, сгусток мысли димитровградцев, хранитель родной речи, слова русского. Земной поклон людям добрым, землякам и интеллигентам русским!

Поскольку в данном издании НЕ принимает участия горадминистрация, естественно, что ее упоминание в проекте — просто смешно. Потому "Черемшан" ныне постарается обойтись только своими силами. Теперь в культурной столице Поволжья "Черемшан", пока самостоятельный и только ПИСАТЕЛЬСКИЙ и ЧИТАТЕЛЬСКИЙ.

С любовью ко всем вам,

редактор Валерий Гордеев.

Наши юбиляры

Обстоятельства и чиновничья коррупция - не позволили нам вовремя поздравить всех литературных юбиляров и отметить все памятные даты в году прошедшем. Сегодня мы исправляем это негодное дело и виноватимся перед всеми нашими коллегами этим человеческим долгом...

2003 год был богат на юбилейные даты. В год 305-летия Мелекесса-Димитровграда мы отметили:

-155 лет тому назад в нашем посаде появился известный ученый-лесовод, а в последствии революционер-народоволец, публицист и писатель Николай Шелгунов. В 2004 году ему исполняется 180 лет.

-190 лет со дня рождения известного русского писателя, нашего земляка Владимира Соллогуба.

-150 лет исполнилось еще одному нашему земляку, проживавшему в Мелекессе крестьянскому поэту Спиридону Денисову.

-120 лет прошло с того дня, как в Мелекесском районе появился, жил и работал, будущий крупный русский прозаик Дмитрий Григорович, умерший 105 лет назад.

-100 лет тому назад впервые в имени своих родственников в селе Бригадировка и в Мелекессе побывал известный советский писатель Алексей Толстой, которому в 2003 году исполняется 150 лет со дня рождения.

-100 лет назад в нашем посаде появился начинающий литератор Саша Скобелев, известный в советской литературе под именем Александра Неверова. Здесь он обрел и нового друга, ценителя своих сочинений, ставшего потом тоже известным писателем – Федотом Яровым (Комаров).

-85 лет исполнилось со дня пребывания в нашем городе, ставших позднее известными советскими писателями, - Ярослава Гашека, Александра Серафимовича (участника событий происходивших в нашем крае в 1918 году отраженных им в рассказе "В теплушке");

Артема Веселого (Николай Кочкуров), работавшего редактором мелекесской уездной газеты "Знамя коммунизма", которому в 2004 году будет 105 лет. А погиб он – 65 лет назад.

-80 лет исполнилось Ибрагиму Нуруллину – уроженцу наших мест, известному татарскому ученому, просветителю, писателю, творившему в Казани.

-Нам не следует забывать и о днях памяти. 50 лет, как не стало классика карело-финской литературы, лауреата многих литпремий – Тобиаса Гуттари. В 1942-1944 годах он находился в эвакуации в нашем городе, работал в редакциях местных газет.

-30 лет в этом году "стукнуло" Василию Стрючкову. Он молод, талантлив, упорен в творчестве. У него может быть большое будущее. Дерзай, наш Василь!

Наиболее близкие нам литературные даты – это юбилеи наших товарищей.

-100 лет исполнилось первой чувашской поэтессе, классику чувашской литературы – Анисии Васильевне Княгиной, известной в советской литературе под псевдонимом Васся Анисси. Все ее основные произведения написаны в Новой Малыкле и Мелекессе. Она одной из первых в нашем городе стала членом Союза писателей. В честь нее на улице имени М.Тореза, на доме, где последние годы жила писательница, установлена мемориальная доска.

-Всего 40 лет исполнилось бы в 2003 году талантливому прозаику, поэту, переводчику, исполнителю своих произведений, члену Союза писателей России, победителю в литературном семинаре молодых литераторов страны, лауреату международного музыкального конкурса – Вячеславу Первушину, - погибшему от рук бандитов год назад.

-Мы рады поздравить с 75-летием нашего автора, краеведа и публициста, исследователя тем о русском экспедиционном корпусе времен первой Мировой войны и служения наших земляков отечеству в рядах военно-морского флота – Геннадия Александровича Комарова.

-Поздравляем с 55-летием нашего товарища, прозаика и сказочника, члена Союза писателей России Александра Федоровича Никонова, желаем ему новых творческих удач, новых книг и здоровья!

-С 30-летием поздравляем мы и молодого димитровградского поэта, члена городского писательского отделения Павла Слюняева. Желаем ему стать маститым и известным писателем, покорять Парнас новыми строками его прекрасных стихов...

- 65 лет исполнилось нашему товарищу по ДПО - Виктору Сысоеву, прозаику, баснописцу, переводчику.

- Мы поздравляем с юбилеем члена ДПО, очеркистку, путешественницу, милую, но мужественную женщину и литератора Римму Долодаренко.

-Свой юбилей отметит в июле 2004 года известная поэтесса и журналистка А.Г.Белова. Мы от всей души поздравляем нашу Александру с этой датой!

-65 лет в феврале отметил поэт В.Н.Манухин, получивший их рук главы города "Толковый словарь".

-Юбилейная дата у Е.Сорри, неординарного литератора, известной под этим псевдонимом у городских читателей, Примите, Екатерина Рудольфовна наши искренние поздравления.

- 25-ти летний юбилей и у одного из победителей городского литконкурса - Дениса Трудникова. Верим, Денис, что впереди у тебя - интересное и большое творчество!

- 20 лет назад трагически погиб от рук бандитов самый талантливый поэт нашего времени и города Дмитрий Лескин. Перестало биться его сердце... Но осталась память о несостоявшемся большом мастере Слова, его редкие строки, его неповторимый глас.

-Учредительница писательского отделения в Димитровграде, нашему бессменному "финансисту" Наталии Догадиной исполняется всего-то 30 лет. С юбилеем тебя, Наташа!

МЕЛЕКЕСС, ГОД 1918

ОЧЕРК

Этот очерк писался в 2003 году, а сбор материалов к нему шел более 25 лет. Мне хотелось воскресить не только действительные реальные страницы из жизни мелекесцев, но и многие неприглядные действия моих героев, имена людей, ставших давно уже "навозом, на котором произрастала революционная действительность". Так кто же, по мнению и личному желанию недоучек-революционеров, скрытых наркоманов, психов, сифилитиков и маньяков, - был этим "навозом"? Чтобы это узнать, нужно обратиться к году 1918-му.

85 лет тому назад:

- был убит русский генерал и патриот России под номером первым Л.Г. Корнилов;
- было разогнано, с позором для разгонявших, первое всенародное и свободно-избранное на законную власть – учредительное собрание;
- был образован Мелекесский уезд (район) уже в условиях гражданской войны;
- была образована законная и свободная Поволжская республика под руководством единственного законного на то время – и по сегодня – Самарского комитета членов учредительного собрания России;
- была восстановлена Русская армия в ее лучших традициях и на принципе добровольности – Народная армия Комуча, установившая законную власть и в уезде;
- был совершен беспрецедентный мятеж Главкома большевистских войск против самих большевиков М. Муравьевым в Симбирске;
- была кровавая расправа над русскими патриотами армией и чекистами от коммунистического Интернационала, что вызвало новую – крестьянскую (чапанную) войну и в нашем уезде.

Все это – было. Всем этим событиям уже 85 лет.

1. ДОЛОЙ НЕМЕЦКИХ ШПИОНОВ

*"Однако никто из нас не знает,
что ожидает нас, быть может
в ближайшем будущем..."*

Барон Петр Врангель

85 лет назад – 31 марта 1918 года не стало одного из величайших сынов – патриотов России, Главнокомандующего Русской армией, генерала Лавра Георгиевича Корнилова. Осколок снаряда от бесприцельного, шального выстрела пушки с красных позиций, оборвал жизнь этого человека. Так с его смертью почти бесславно закончился освободительный Ледяной поход Русской армии против большевизма.

Этот нелепый, казалось бы, эпизод в судьбе военачальника, - явил собой два символических события: исполнив божественную миссию на земле, в пике своей славы и воинского успеха, пал на поле брани русский генерал Корнилов; уходом своим от мирских забот и радения за землю русскую, Православную, - он знаменовал и начало конца всего Белого дела на Руси.

Это отчаянье, предвидение своей судьбы, судьбы России высказал в своих дневниках настоящий герой гражданской войны, один из лучших корниловских военачальников Михаил Гордеевич Дроздовский: "Только смелость и твердая воля творят большие дела. Только непреклонное решение дает успех и победу. Будем же и впредь, в грядущей борьбе, смело ставить себе высокие цели, стремится к достижению их с железным упорством, предпочитая славную гибель позорному отказу от борьбы..."

Нам остались только дерзость и решимость. Россия погибла, наступило время ига. Неизвестно на сколько времени. Это иго горше татарского".

Эти горькие страшные страницы из истории братоубийственной войны в России разворачивают перед нами жуткие картины наступавшего тогда ига. Полковник А.В.Туркул так описывает гибель под хутором Грязнушкин своего первого командира полка Жебрак-Русакевича:

"В поле, где только что промчался бой, на долине, заросшей жесткой травой, утром мы искали тело нашего командира полковника Жебрака. Мы нашли его среди тел десяти офицеров его верного штаба.

Командира едва можно было признать. Его лицо, почерневшее, в запекшейся крови, было разможено прикладом. Он лежал голый. Грудь и ноги были обуглены. Наш командир был, очевидно, тяжело ранен в атаке. Красные захватили его еще живым, били прикладами, пытали, жгли на огне. Его запытали. Его сожгли живым. Также запытали красные и многих других наших бойцов".

Ну, скажите: можно ли было простить большевистским отрядам, вошедшим в том же апреле 18-го в Екатеринодар, (и переименовавшем город в Краснодар) – надругательство над телом великого воина Л.Корнилова?

Труп его выкопали из могилы. Раздели до исподнего. Привязали к лошади и целый день таскали по городским улицам, заставляя краснодарцев испражняться на тело русского генерала. В конце-концов подвесили его вверх ногами на дереве, а бродячие собаки обгладывали ему лицо и руки...

Даже последнего покая – могилки – не оставили на русской земле большевики ее верному сыну, всю свою военную жизнь пролившему кровь за отечество...

А может быть белая Русская армия являла собой кучку отшельников? Может быть остальной народ России ратовал за большевистский рай на земле и не считал это игом?

Вот еще одно свидетельство Туркула, беспристрастно рассказывающее о первых часах пребывания дроздовцев в отбитом у большевиков Ростове-на-Дону:

"Выслай вперед разведку, я с несколькими офицерами вошел в собор. Нас обдало теплотой огня и дыхания, живой теплотой огромной толпы молящихся. Все лица были освещены снизу, таинственно и чисто, свечами. Впереди качались, сияя, серебряные хоругви: крестный ход только что вернулся. Слева архиерей в белых ризах возгласил:

-Христос воскрес!

Молящиеся невнятно и дружно выдохнули:

-Воистину...

Мы были так рады, что вместо боя застали в Ростове светлую заутреню, что начали осторожно пробиваться вперед, чтобы похристосоваться с владыкой. А на нас сквозь огни свечей смотрели тяжелые глаза, округленные от изумления, даже от ужаса. С недоверием смотрели на наши офицерские погоны, на наши гимнастерки. Никто не знал, кто мы. Нас стали расспрашивать шепотом, торопливо. Мы сказали, что белые, что в Ростове Дроздовский. Темные глаза точно бы потеплели, нам поверили, с нами начали христосоваться...

Ростовцы пришли нас поздравлять на вокзал. Здесь были пожилые люди и седые дамы, были девушки в белых платьях, только что от заутрени, дети, молодежь. Нам несли в узелках куличи и пасхи...

В мерцании огня все это было как сон. Тут же, на вокзале, к нам записывались добровольцы, и рота наша росла с каждой минутой.

В два часа ночи на вокзал приехал Дроздовский. Его обступили, с ним христосовались. Его сухощавую фигуру среди легких огней и тонкое лицо в отблескивающем пенсне я тоже помню, как во сне. И как во сне, необычайном и нежном, подошла не нему маленькая девочка. Она как бы сквозила светом в своем белом праздничном платье. На худеньких ручках она подала Дроздовскому узелок, кажется с куличом, и внезапно, легким детским голосом, замирающим в тишине, стала говорить нашему командиру стихи. Я видел, как дрогнуло пенсне Дроздовского, как он поблел. Он был растроган. Он поднял ребенка на руки, целуя маленькие ручки..."

И еще одно бытовое свидетельство:

"Недели через две в нашем полку начались свадьбы. Что ни день, то свадьба. За три недели стоянки в Новочеркасске, у нас было сыграно более пятидесяти свадеб. Мы породнились со всем городом. Какой простой, человеческой могла бы быть наша мирная жизнь на русской земле, если бы большевики не потоптали всю русскую жизнь..."

Бывший главком Русской армии генерал Михаил Васильевич Алексеев сказал как-то историческую фразу:

"К началу смуты в Русской армии было до четырехсот тысяч офицеров. Самые русские пространства могли помешать им всем прийти на мой призыв. Но если придет только десятая часть, только сорок тысяч, уже это создаст превосходную новую армию, в которую волеется тысяч шестьдесят солдат. А стотысячной Русской армии достаточно, чтобы спасти Россию!"

Во всех успехах и в поражении Белого движения – был один особый отряд. Соединение бесстрашных профессиональных военных, людей обреченных судьбой, осознающих это, добровольно пошедших на такую жертвенность. Это были люди, беззаветно верившие генералу Л.Корнилову. Любившего его, не предавшие ни разу его идеалов, его памяти имя им – корниловцы. Ядро их составляли те, кто прошел со своим кумиром знаменитый Ледовый поход. Кто плакал горько и искренне у его могилы, кто составил самое решительное звено Белого движения. Они шли первыми в бой на красные позиции, наводя страх и ужас одним своим появлением. Они прикрывали в войсках генерала Слащева отход и исход Русской армии из России до последнего патрона, последнего парохода, последнего беженца.

Это их, захваченных на обрывистом крымском берегу в окопах, безжалостно топили в Черном море десятками тысяч чекистские отряды Белы Куна и Землячки...

Русские генералы... Это особая статья и особая история России. От декабристов – до вождей Белого движения, фронтов в Великой Отечественной... Лавр Георгиевич Корнилов особой "генеральской" статью не отличался. Маленький, юркий, жилистый, порывистый, с монголоидным лицом. Но он был умен и расчетлив, образован и удачлив. Лидер по характеру. Окопный военачальник. Командир – отец, брат и друг солдатам. Великолепное генштабовское образование. Все звенья служебной лестницы – от ротного звена - до разведывательного управления Генштаба. Он знал в совершенстве более десятка языков. Служил в Сибири, Средней Азии, в Польше, Прибалтике. Был тайным военным агентом в Кашгарии и Персии. Военным атташе в Китае. Вождем-полководцем стал в первую Мировую войну, командуя, начиная с дивизии – армией и фронтом под началом у главкомов Алексеева и Брусилова. Единственный

Главкомандующий Русской армией, организатор Белого движения, генерал Лавр Корнилов.

из генералов в Российской истории, попав в плен к немцам, бежал, вновь воевал на фронте.

Став Главнокомандующим Русской армией, он вел себя совершенно независимо по отношению к невежественным указаниям Временного правительства. Предвидел большевистское иго и жизнь свою положил в борьбе против власти интернационалистов-пролетарцев за Русь православную, за русский народ.

Очевидно, предвидя исход революционных событий в России, знал не хуже генерала Алексеева расстановку сил в армии, ее дислокацию и специфику огромной страны, еще в августе 1917 года Корнилов разослал по всей стране сотни офицерских команд (из числа раненых, ограниченно годных к дальнейшей фронтовой службе) из числа преданных и доверявших лично ему людей. Приказ был отдан такой: "корниловцы" должны были укрепить на местах – в районах их проживания - уже созданные офицерские союзы. Войти в контакт с действующими партийными ячейками монархистов, кадетов, националистов, эсеров. Вербовать, формировать, воспитывать и обучать ополченские формирования из вольноопределяющихся, гимназистов и студентов, демобилизованных фронтовиков, женщин-доброволок. Эти формирования становились второй, тайной армией Корнилова на просторах всей России, где тыл и фронт скоро начали меняться местами, а театры боевых действий напоминали хитросплетение нитей ткацких, слоеный пирог в огне гражданской войны. И кто знает, как сложилась бы история России, - не случись в судьбе Корнилова случайного осколка от снаряда...

Можно только предположить, к чему стремился главоверх в своих далеких замыслах, и как могла меняться ситуация. Вспомним, - 360 тысяч офицеров за созданным в западных и южных областях России внутренним фронтом гражданской войны. На трети территории государства сконцентрированы войска Русской армии, части большевиков, фронтовые подразделения немцев, румын, чехословаков, венгров, англичан, французов, турок. Тысячи самостоятельных отрядиков и банд разношерстного партийного отребья, жаждущие сепаратизма: поляки, молдаване, финны, грузины, армяне...

А в тылах этой несущицы – полная неразбериха и хаос! Но Корнилов предвидел, что его Добровольческой армии – основному боеспособному костяку Белого движения – необходим, прежде всего плацдарм - он и повел соратников на Дон, на Кубань, восток Украины, дабы создать здесь Южную Российскую Империю. А укрепившись, искоренив большевизм, можно было стягивать к сильному центру остальные "пораженные" районы страны. Управлять ими посредством уже созданных в августе 17-го офицерскими союзами и ополчением, готовыми по единой – корниловской команде открыть тысячи местных фронтов, получать поддержку из юга России, от Корнилова.

Но история, как известно, не имеет сослагательного наклонения. И все было – так, как было...

Единственно, что нам остается, это помянуть тех корниловских воспитанников, которые сгинули в нынешней истории, не предав ни дела своего вождя, ни его памяти. Иго, установившееся за ними в России, сделало все, чтобы нам не осталось ни могил, ни имен, ни памяти по этим русским офицерам, воинам, патриотам.

По крупицам собираем мы сегодня документы, заметки, факты, фамилии, фотографии тех, кто именовал себя гордо русскими офицерами генерала Корнилова, кто исполнял его волю, долг перед отчеством и в нашем городе. Свидетельствует сподвижник Л.Г.Корнилова генерал Лукомский: "На Волгу – в Нижний Новгород, Казань, Самару, Царицын и Астрахань – были командированы офицеры с целью организовать там противобольшевистские силы и постараться, поднять восстание против большевиков, захватить в свои руки эти пункты".

Образовались: "Комитет спасения Родины и революции" в Оренбуржье, возглавляемый казачьим атаманом А.Дутовым. В Самаре – Союз офицеров и Гарнизонное военное совещание под руководством полковника Генштаба Н.Галкина,

"Забулакская республика" в Татарии, Правительство партии "Алаш" в Башкирии, в Уральске казачье правительство генерала В.Толстова, Симбирске – военное командование полковника М.Муравьева...

Произошли восстания в Ярославле, Рыбинске, Муроме, Саратове, где главную роль играли офицеры-корниловцы. В Царицыне власть перешла в руки партии анархистов. В Самаре анархисты, максималисты, эсеры и офицерство руководили губисполкомом, в их руках был губвоенкомат.

Уже в мае 1917 г. был образован Поволжский эсеровский центр: от Казани – до Астрахани, в него вошли Пензенская и Тамбовская губернии. В эсеровское правительство Поволжья вошли видные члены ЦК партии: Д.Донской, Ф.Федорович, М.Веденяпин, К.Буревои, П.Климушкин, В.Фортунатов, И.Брушвит, полковники – М.Муравьев и В.Лебедев.

Естественно, что большевики такое положение в центре России не могло устраивать. Как мог смириться В.Ленин и его сподвижники с тем, что даже в родном городе Ильича – Симбирске прошедшие выборы в Учредительное собрание дали большевикам только 19,5 % голосов, что только 10 декабря 1917 года там была, вроде бы, установлена Советская власть? Что в марте 1918 года проэсеровский уездный Совет в посаде Мелекесс принял постановление о запрещении огульных хлебозаготовок и сорвал главную акцию – Продовольственную политику большевиков?

Что в Бузулуке большинство голосов в городском Совете было за ленинцами, а в уездном Совете их не было вовсе?

Но вот – судьба! Пал генерал Корнилов. В стане Белой армии растерянность и безвластие. Резко притормаживается помощь со стороны стран Антанты. Из центра срочно к Самаре перебрасываются ударные отряды балтийских краснофлотцев, бронепоезда, бронемашины, орудия. Л.Троцкий отдает приказ о формировании частей из интернационалистов. Появляются под Казанью чувашские и татарские социалистические полки, под Оренбургом – мусульманский легион, немецкий и венгерский батальоны, из военнопленных сформируются интернациональная бригада имени Карла Маркса, "Самарский коммунар" – сводный отряд из 900 человек которого – половина были венграми, югославами, немцами. Организован Пензенский чехословацкий революционный полк, Социалистический отряд имени III-Интернационала – из военнопленных Австро-Венгерской Империи, Самарская Южно-Славянская коммунистическая группа войск (болгары, поляки, сербы, хорваты).

И вся эта армия чужестранцев, которым – до известного места – все российские проблемы, которая почти не говорит по-русски, - готовится для беспощадного удара по внутренней "контрреволюции". Большевики вооружались, отрабатывали приемы и методы борьбы со всеми несогласными с красной идеологией, с собственным народом. Интересно, что уже в 1917 году мелекесский уком партии посылает в Петроград с особым заданием В.Тараканова и В.Кисина, чтобы привезти в посад... оружие.

Уже через месяц из арсеналов Казани они вывезли в Мелекесс 500 винтовок кавалерийского образца, пулеметы системы "Кольт" и 350 тысяч патронов... К тому времени в посаде было около 20000 жителей – это же по 175 пуль на каждого из них уже было изготовлено мелекесскими большевиками!

Уже в марте 1918-го посадскую большевистскую власть пробует на крепость отряд бывшего штабс-капитана И.Акимова. Двое суток Мелекесс находился на осадном положении. Бой шел с дружинниками-красногвардейцами Шмидта уже на посадских улицах. И только подошедшая со стороны Ставрополя-на-Волге подмога, заставила Акимова ретироваться. Так началось в Поволжье знаменитое Чапанное восстание. Народной армией крестьян-чапанов командовал тоже бывший русский офицер, капитан А.Долинин – житель села Ягодное. Народным гневом полыхнули Самарская, Симбирская губернии, Пенза и Уральская область, часть Татарии. Не последнюю роль сыграли народные бунты в свержении Советской власти, а точнее – власти большевиков в мае-июле 1918 года.

К сожалению, и совершенно понятно, история коммунистического периода в СССР почти не сохранила нам имен и портретов героев Белого движения. Патриотов и верных сынов России. О событиях, происходивших в те годы в Мелекесе, сохранились лишь немногие свидетельства участников и очевидцев.

В.Тараканов вспоминал, что однажды "Черносотенцы" Мелекесса (а к ним он относил кадетов, монархистов, членов Союза офицеров и Михаила-архангела, даже эсеров) сорвали большевистский митинг 17 июня 1917 года в Народном доме. Они выступали под лозунгом "Долой предателей Родины!"

Позднее, - вспоминал большевик Кисин, - ответную акцию провели посадские коммунисты, затеяв потасовку с офицерами-корниловцами, проводившими формирование женского батальона. Даже дошло до захвата большевистского лидера Я.Пискалова фронтовиками, но обошлось только дракой с рабочими, без стрельбы.

Во время молебна на посадской площади в честь очередного наступления Русской армии, вновь возникла потасовка непримиримых противников. Иван Ларин вспоминал, что рабочим не понравились лозунги: "Долой немецких шпионов!" и "Боже, царя храни!" Потому, де, льяннички из большевистской ячейки, пошли грудью на офицеров. Но – лукавит мемуарист. Рабочие посада вовсе были не так однородны своей "красной массой". Льяннички поддерживали РСДРП(б); мукомольщики – партию меньшевиков; кожевники – эсеров... Оттого, после молебна, льянничкам знатно, "по-фронтовому" намяли бока...

Но, как самый жестокий акт со стороны "корниловцев", любили коммунисты со стажем вспоминать, как отвалтузили офицеры по заголенным задницам "красных дам", переодетых монашками: Миюсову, Каштанову, Гунерлак...

А дело в том, что эти раскрепощенные революцией посадские девицы-демократки, переодетшись в христовых невест (чем уже оскорбили чувство православных) и тайно проникли шпионить на заседание Союза офицеров. Где и были раскрыты. Думается, что поступили с ними посланцы Корнилова более чем гуманно...

Можно помянуть сегодня тех, кто честью, присягой, долгом и совестью остались верны своему главоверху всею гражданскую войну, ибо самая малая часть их ушли позднее за генералом П.Врангелем и адмиралом А.Колчаком в эмиграцию. Остальные уже нашли свой славный конец на бескрайних полях сражений в России, были казнены или замордованы чекистами "железного" Дзержинского.

Самарское руководство офицерскими соединениями в губернии состояло из генерала Тыртова, полковников Галкина и Познанского. В нашем уезде известны отряды капитанов Долинина, Акимова, Богутинского, прапорщика Спиридонова... В числе патриотов России были и посадские интеллигенты: Урядинский, Спиридонов, Марковы, Сироткин, Авдеевы. Следует здесь же помянуть продолжавших дело Корнилова воинов чапанного движения: Чилина, С.Пекарского, Сурова, Мызгалова, Михайлина, Новаковых, Клушкина. А рассказ о них – это уже другая история, по другому поводу.

II. "БЕЗ ПУЛИ ВАМ НЕ ОБОЙТИСЬ..."

"...Мать, родившая и воспитавшая Ленина, тоже по справедливости должна в какой-то мере быть ответственной за дела сего сверхпалача."

Василий Шульгин

5 января 1918 года большевики, во главе с В.Лениным, захватившие к тому времени фактическую власть в России, - разрешили открывать первое заседание Учредительного собрания, делегаты которого и должны бы были решить вопрос об этой власти. Им такое право дали на самых в то время демократических выборах на местах сами народы новой России.

Дело осложнялось тем, что союзнические партии, под руководством РСДРП(б), уже имевшие в руках центральные властные структуры, аппарат, вооруженные силы,

опору в губернских центрах и огромное желание – править народом, – на всенародных выборах в истинно народный орган власти – Учредительное собрание – получили менее 25 % голосов доверия. Правые (кадеты, монархисты, националисты) собрали 14 %. А вот правые эсеры, в союзе с меньшевиками, завоевали особое доверие народа – более 60 %. Следуя логике демократии, – они и должны были составить новые властные органы, взять правление страной в свои руки.

Да не тут-то было! Большевики, – самопровозглавившие себя партией и властью трудового народа, не могли согласиться с тем, что народ этот, исключая его сознательную часть – пролетариев – власть над собой им даровать не пожелал. Поэтому, в нарушение всяческих человеческих норм и любой юрисдикции, председатель ВЦИК – Янкель Свердлов решительно отстранил от ведения собрания старейшего депутата эсера С.Шевцова... Когда же собрание не подчинилось диктатору большевиков, Ф.Раскольников зачитал ленинскую декларацию о том, что Учредительное собрание встало “поперек дороги рабочему и крестьянскому движению” и большевики покинули зал. За ними – левые эсеры. В этом хаосе П.Дыбенко передал матросу Железнякову приказ Ленина закрыть собрание и разогнать всех из зала!

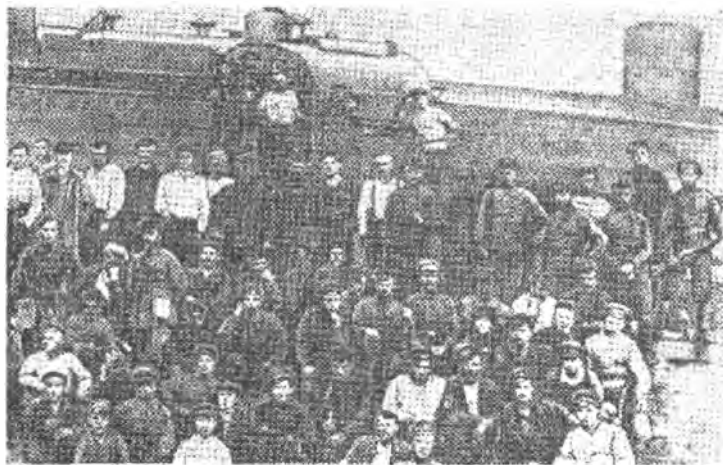
Так тачалась гражданская война. Если говорить о законности властей того времени в России, следует помнить, что отречение от трона Николая II было в пользу его брата Михаила. Затем поправка – в пользу сына царевича Алексея, при котором регентом назначался опять-таки Михаил. В свою очередь Михаил, отрекаясь от власти, назначил всенародные открытые выборы в Учредительное собрание, а дума назначила переходное, до собрания, Временное правительство Керенского. Вот на этом-то любая законность и кончается.

В октябре 17-го большевики совершили вооруженное восстание, низложили Временное правительство. А в ноябре выборы в Учредительное собрание состоялись. И правительство Ленина не ставило под сомнение этот факт, как и то, что власть в России должна была законно перейти его депутатам. Что же стало в январе, – мы уже знаем.

Но в жизни все гораздо сложнее. Можно разогнать собрание, не дав возможности и места для его работы, но как быть с непокорными депутатами, которых народ наделил законными полномочиями на власть? Только уничтожать. А сам народ – “не так проголосовавший и не тем власть поручивший”? Тоже должен быть уничтожен или запуган до смерти! Так оно и состоялось. Учредительное собрание, его делегатов и их выборщиков большевики загнали в подполье, заставили сооружаться против себя, а затем, объявив контрреволюцией, принялись методично уничтожать. Первые очаги сопротивления бандитски изууродованной власти были созданы эсерами уже в феврале 18-го. К ним примкнули кадеты. Поддержали монархисты и русское офицерство. Мы уже знаем о походах генерала Корнилова на Дон и Кубань. Одновременно сопротивление, в невооруженном пока виде, началось во всей Волге, на Урале. Здесь эсеры имели неоспоримое большинство почти во всех местных Советах депутатов, на которые большевики старались опираться. Ленинские сторонники по несколько раз под разными предлогами тасовали состав местных Советов, производили перевыборы, но перевеса для себя добиться так и не смогли. Вот тогда-то и появились на местах карательные структуры власти, состоящие поголовно из большевиков, формально проголосованные на рабочих митингах – исполкомы Советов, революционные комитеты, ревсоветы. А с этим народ уже мириться не мог. Тем более, что главным направлением их работы стало продовольственное ограбление крестьянства и всеобщая социализация имущества граждан. Вот в этой обстановке двоевластия (если не трое-четверовластия) – и началось всеобщее ЗАКОННОЕ сопротивление большевизму. А началось еще в марте – с нашей, Самарской губернии. В Самару, где легально на местном уровне действовали эсеровские Советы и их поддерживало большинство населения, съехались депутаты разогнанного Учредительного собрания, избранные не только от этой губернии. Сначала до 50 человек, а к июню 1918-г уже более 100.

Именно здесь произошло целевое объединение социалистов: (социал-революционеры, социал-демократы (меньшевики), октябристы, народные социалисты, анархисты) и правых сил: монархисты, сторонники военной диктатуры, конституционные демократы и националисты. Такой "сплав" позволил - при поддержке извне - вооруженных отрядов Оренбургского казачьего правительства атамана Дутова и Уральского казачьего правительства генерала Толстова - низвергнуть большевистскую власть. Самару с боя взяли при поддержке чехословацкого корпуса военнопленных, стоявшего в составах на железной дороге от Пензы до Владивостока и не пожелавшего по требованию большевиков разоружаться.

4 июня 1918 года была взята приступом Самара, а с нею - власть в Среднем Поволжье, позднее на Урале, в Сибири, на Дальнем Востоке (а до этого на юге России - вплоть до Орла) перешла, по сути, к законному правительству. В нашем регионе она стала называться: Комитетом членов Учредительного собрания (Комуч).

Бронепоезд Полупанова "Свобода или Смерть" перед отправкой на боевые позиции Симбирск - Бузульма.

85 лет прошло с того июня 1918 года. И, воскрешая события того времени в истории посада Мелекесса, нужно иметь в виду и те временные, подчас специально сделанные искажения, чтобы разобраться в относительной истинности их. С 1851 года, момента создания Самарской губернии, посад Мелекесс входил в ее состав. И, хотя географически целесообразно уездным центром здесь был Ставрополь-на-Волге (ныне Тольятти), этот городок-крепостица по всем экономическим показателям и социальному развитию уступал нашему посаду. Волостной центр Мелекесс был бурно развивающимся, вторым после Самары по населению, деловому, торговому, промышленно-финансовому значению городом. Губернии были упразднены лишь в 1928 году с созданием Средневолжской области (центр - Самара). И впервые Мелекесс вошел в подчинение Ульяновского округа. И этот было толково. Посад наш к тому времени был более связан с Симбирском - Ульяновском. Ведь даже путь до него был вдвое короче, что до Самары, с прямым железнодорожным сообщением. А вот уездным, а потом районным центром Мелекесс стал на 10 лет раньше. С падением в июне 1918 года Самары, затем Ставрополя волжского, естественно, что и губернская и уездная власти большевиков переместились в наш город. И он официально был объявлен уездным центром. Причем, такого не происходило в дальнейшем, когда власти эти, включая и мелекесскую, бежали последовательно: в Симбирск, Казань, Москву, Саратов,

Покровск, - нигде более не образовывали они уезды или губернии...

Примечательно, что и новая власть Комуча не стала "перечить" в этом большевикам и упразднить мелекесский уездный статус, придавая тем самым законность данного решения. А власть законная в посаде Мелекесс была восстановлена 15 июля 1918 г. Это число очень важно, потому, что до сего дня существовала как бы неверная трактовка событий. Все официальные (советские) источники, воспоминания большевиков и даже "Хроника событий в Мелекессе-Димитровграде (XVII – XX в.в.)", изданная в 1998 г, называют дату "захвата Мелекесса чехословаками" – 18 июля. Т.е. очень "выгодную" советской пропаганде подтасовку – три дня, да в нашу пользу!

Исследуя этот вопрос, я задался целью – узнать какой же это был день недели. И вот в одной из работ, посвященных Мелекессу историком из Самары (а он работник архива и документальности его работ нет оснований не верить) узнаю: что "18 июля в четверг посад заняли чехи".

Сразу вспоминаются мемуары старой большевички А.Алексеевой, публиковавшиеся в местной прессе. С женской дотошностью, большой образованностью по тем годам, и ответственностью комиссара почт и телеграфа Мелекесского уезда, она описывает бегство из города большевистского ревкома, по заданию которого она работала. **"Вечером в воскресенье... мы сели в специальный поезд и покинули Мелекесс...** На разъезде "Лес" Аблов решил с группой товарищей вернуться в город, чтобы взять там заложников". Аблов убыл, а все уездное правительство до утра ждали их возвращения из Мелекесса на разъезде под Бряндино.

Затем я обратился к цитатам из дневника мелекесского гимназиста Ю.Букина, хронологически фиксировавшего события тех дней; от 15 июля 1918 г.: "Утром в 6 часов проехали чехи, завязался бой... Большевики были разбиты, а чехи вошли в город. Наступил большой праздник". Бой, очевидно, был с группой Аблова, расстреливавшей заложников.

Итак, если 18-е было четвергом, а воскресенье приходилось на 14 июля, то Мелекесс был освобожден от Советской власти **в понедельник 15 июля**. Да, 2 дня с боями под Бряндино и Чердаклами, под прикрытием бронепоезда Полупанова ревком, красновардейские дружины, семьи и сторонники большевиков двигались к Симбирску. 17 июля они прибыли туда. Но в это время Мелекесс то был уже свободным!

Это в своих воспоминаниях и дневнике подтверждают А.Алексеева и Ю.Букин. Алексеева пишет о том, что они не просто садились в поезд, а "отряд отступал с боями, у больницы его обстреляли из пулемета... повстанцы стреляли и со стороны винного склада", а между ул. Василевской и кладбищем (почти у вокзала) были окопы последней обороны красновардейцев, прикрывающих спецсостав. И вот в этот уже ошестинившийся праведным огнем Мелекесс (интересно, кто это были?) решает вернуться с группой красновардейцев Е.Аблов. Уже на разъезд "Лес" ему донесли, что в посаде (и это в воскресенье вечером!) организовано временное управление городом, куда вошли: бывший глава посада К.Марков, врач Ривенский, член посадской Управы Иванов и управляющий Марковской конторой Кашаев. Это за ними, чтобы они не могли произвести репрессий против оставшихся в Мелекессе семей большевиков, ходили "на охоту" абловцы. Нужно признать, что несмотря на боестолкновение утром 15-го, "охота" была успешной. На разъезд красновардейцы привели с собой Кашаева и офицеров Полякова, Грязнова, Бакаева (не они ли гнали ревком 14-го вечером из посада?). А вот бывшего главу Мелекесса, престарелого К.Г.Маркова, скорее всего в эту ночь расстреляли (об этом есть косвенное свидетельство в воспоминаниях младшего брата Аблова – Виктора, бывшего среди "охотников"). Дневник Ю.Букина фиксирует уже события понедельника. После боя: "Стала свобода в полном смысле этого слова. Чехи были встречены хорошо. В пользу их устраивали концерты, благотворительные сборы, произносили торжественные речи, кричали "Ура!". И это в советском Мелекессе? Где по воспоминаниям ленинцев, любили большевиков?

Буквально по факту, по крупице приходится "высеивать" из различных источников и воспоминаний имена тех наших земляков, кто радостно встречал приход законной власти – Учредительного собрания, кто позже сложил голову в борьбе с большевистской диктатурой. И первыми, несомненно, в этом ряду стоят К.Г.Марков, Кашаев, Грязнов, Поляков, Бакаев, Ривенский, Иванов. Я сомневаюсь, что они сумели уйти от революционного возмездия и красной пули, вряд ли кому нибудь из них удалось уйти на чужбину...

Хроника борьбы за родной наш посад Мелекес любопытна и поучительна. Первые кружки, организации социал-демократов появились у нас в конце XIX века, приблизительно в 1895-1897 гг. Причем "зараза" эта социалистическая шла в основном от переселенцев третьей волны, разночинной интеллигенции: петрашевцев, народовольцев, михайловцев... Известно, что один из видных социалистов-шестидесятников XIX века, друг и соратник А.Михайлова (народоволец, конспиратор, подпольщик-террорист) - Н.В.Шелгунов начинал свою ученую и литературную карьеру лесоводом в Мелекесе. Сюда он приехал из Петербурга.

Позднее в посаде поселилась семья саратовцев Голубевых. Глава ее Василий Акимович был бухгалтером посадской Управы и заведовал общественной библиотекой, а в 1917-м недолго исполнял обязанности городского головы. А вот жена его (как и ее родственники) явно увлекалась социал-демократической идеологией. В 1898 году на короткое время в Мелекесе появляется, скрываясь от преследования, после разгрома в Екатеринбурге подпольной большевистской типографии, член ЦК РСДРП(б) Мария Моисеевна Эссен – сестра Анны Моисеевны Голубевой. Она, наверное, была самой знаменитой фигурой, среди посещавших за все время наш Мелекес. С 18-ти лет в революционной борьбе. Соратница Стасовой, Луначарского, Ленина. В 1905 г. руководила подготовкой боевых организаций в Петербургском комитете РСДРП(б), одна из первых "искровок", сестра А.М.Эссена (боевик по кличке "Бур"), сноха старой большевички Н.Л.Розенберг-Эссен. Работала в России, на Украине, в Белоруссии, Грузии, Швейцарии, Германии, Франции, Швеции, Финляндии. Была хорошо известна жан-дармскому управлению под фамилией Уварова, Дашина, по кличкам "Сокол", "Шикарная" и "Зверь".

Последнюю кличку, по понятным причинам, любил сам. В.Ленин. Часто он не скрывал даже своего отношения к их с Крупской сожительнице в Женеве, любил уединяться с ней парках и на озере, заставляя мучиться и страдать жену, ласково приговаривая: "Как поживаешь мой "зверек?" - имея в виду М.Эссен...

Сталинские репрессии, очевидно по этой же причине, не коснулись Марии Моисеевны. Она была членом Тифлисского совдепа, после революции – заведомом ЦК компартии Грузии. В Москве руководила Госиздатом им. Ленина, Институтом партийной журналистики.

Следя нашей теме, хочу отметить два факта из биографии старого, испытанного борьбой воина-большевички, политкаторжанки со стажем: первое – то, что впервые М.Эссен была арестована именно в Мелекесе, нашей полицией. Второе – то, что у сестры ее Анны был сын от первого брака – пасынок Голубева, а звали его Александр. По фамилии его отца – Хмельницкий...

Если перечислить далее, то окажется, что Абловы были из Симбирска, Матвеев – из Саратова, Я. Пискалов, хоть родом из Чердаклинского района, революционное воспитание, как и И.Ларин, получал в Азербайджане, где верховодили Шаумян, Микоян, Сталин, Камо, Берия...

Хочу сказать, что размеренно налаженная, почти патриархальная жизнь в Мелекесе, где обживались волжские казаки, чуваша, казанские татары, елабужские крестьяне, не всколыхнулась, когда с Камы, Чусовой, из Устюга сюда пришла вторая волна переселенцев-староверов. Они тоже основательно устраивались, умело торговали, богатели, по-божески относились к кормившимся возле них согражданам. Социал-

революционного нашествия демократов ленинской ориентации наш посад уже не выдержал.

Работа местных социал-демократов активизировалась с появлением в наших местах Абловых, Пискалова, Ларина, – сведения о первой "маевке", проведенной ими на Лесной горке отрывочно. Известно, что организовал ее студент Николай Аблов. С ним же были братья Прокофьевы, учитель Агафонов, врач Чебуркин. Из трех Прокофьевых – рабочим можно назвать только Николая. Павел был конторщиком, Александр – учителем грамоты.

Доблестная мелекесская полиция, сумевшая изловить в посаде саму Эссен-"Звезру", и здесь оказалась на высоте. Аблову пришлось бежать за границу, Агафонов после мордобоя в полиции, заболел и умер. Остальным социалистам тоже досталось "на орехи".

Лишь с появлением в 1910 г. в Мелекессе Пискалова, социалисты сумели более-менее организовать в кружок "Больничная касса" на льнопрядильной и ткацкой фабрике (кстати, с тех пор фабрика и стала гнездом большевиков, опорой их в нашем посаде). Сюда уже кроме Прокофьевых вошли Пискалов, Межевов, Глухов, Лукин, Косов, Бабаев, Ф.Топталин, П.Топталин (сын), Можелов, учитель Чембавцев. Многого, правда, они не добились выдвинули только Пискалова в выборщики на губернское собрание по выдвижению кандидатов в IV Государственную думу. А вскоре главарь их бежал от полицейского надзора из Мелекесса – в Самару.

В Мелекессе он появился вновь только в 1916 году. Вот здесь уже можно говорить о настоящей ячейке большевиков. Вернулся, дезертировавший с фронта, студент-недоучка Евгений Аблов. Был привлечен к работе социалистов фельдшер Александр Козлов. С ними были те же братья Прокофьевы, Н.Земин, Н.Юсов, М.Артемьев, Ф.Курносов, К.Бакаев, В.Кисин, М.Микосова – всего 20 человек.

Неудивительно, что на фоне поголовного хлебопашества вокруг посада, в городке верх держали социалисты-революционеры (эсеры) самая массовая партия в России. Были кадеты. Мукомолы в основном поддерживали меньшевиков. Солдаты-фронтовики проповедовали анархизм. Купечество и офицеры-фронтовики были монархистами и организовались под черным национальным русским флагом в "Союзе Михаила-архангела"... Естественно, что на этом общественно-политическом фоне ходу большевикам не было. Не было и той люмпенской (пролетарской) среды, где бы они могли вербовать своих сторонников. Рабочий Мелекесс был городом мастеровых.

И только в феврале 17-го, после свержения монархии, при разгуле почти анархической свободы, стала пополняться большевистская организация посада, появилось и много заезжих социал-демократов: Г.Кульков, С.Осипов, Львов, Б.Тришин, П.Андреев, Н.Эшенбах, В.Шмидт, А.Алексеев...

Распоясались они до такой степени, что есть воспоминания В.Аблова, где он с гордостью говорит о своем отце в этот период. Старик Н.Аблов, не вынеся "омерзительных физиономий "держиморд" оказался-возле полицейского участка, а когда оттуда вышел пристав (!), сорвал с него красную повязку. Гуманные власти только два дня продержали главу семейства Абловых в каталажке.

И с особым восторгом описывает Виктор Николаевич прямо-таки матерный разговор своего брата – лидера посадского Совета – с престарелой дамой, дворянкой Тресвятской "помещицы из усадьбы Немировича-Данченко", которая если имела отношение к "прославленному организатору Малого Художественного театра... то позорила его имя". Уж тем, что жаловалась на мужиков, разоривших ее имение, захвативших дом, порубивших сад...

Уж в октябре 17-го, мы знаем, сколько оружия завезли в посад Тараканов и Кисин. И стрелять из него пришлось...

19 февраля 1918 года в Мелекессе против большевиков и их политики уже поднял мятеж начальник продовольственной милиции уезда Родников и его отряд, осуществ-

лявший в уезде принудительный отбор хлеба у крестьян по приказу совдепа, попытался овладеть Мелекесом. Два дня в городе и пригородах шли бои. Потом подоспела помощь из Симбирска: два взвода пехоты и кавалерийский эскадрон. Мятежникам пришлось скрываться в лесах. И еще в феврале-апреле 1918 г. военная помощь Мелекесу и его новой власти оказывалась ТРИЖДЫ. А это уже говорит об организованном и планомерном сопротивлении коммунистам-ленинцам. В конце-концов в посаде было введено ВОЕННОЕ положение. Образована военная коллегия из 5 членов партии. А главное, - был создан регулярный красногвардейский отряд. Сюда же были стянуты боевые дружины из Хмелевки, Рождественский отряд, был вооружен отряд из германских военнопленных моряков под командой Рено Пашенко.

Нужно сказать, что к тому времени только еще начиналось формирование регулярной рабоче-крестьянской армии. Все воинские соединения, отряды, красногвардейские дружины на территориях Самарской и Симбирской губерний действовали разрозненно. Не было единых штабов, армия большевиков была полупартизанской. Но, не смотря на это, тем более в условиях открытой оппозиции и полного неприятия решений и легитимности правительства В.Ленина делегатами Учредительного собрания, большевики вовсю готовились к вооруженному столкновению, как с контрреволюционными силами (Белая армия Л.Корнилова, "Союз возрождения" и "Национальный центр" - полуподпольные формирования Б.Савинкова) так и против своих "попутчиков в революции" - левых эсеров и их сторонников в Учредительном собрании.

Потому помощь Мелекесу приходила от ближайшего кадрового воинского формирования - Симбирской группы войск, куда территориально входил и посадский отряд. Командовал этой группой войск сначала симбирский губвоенком, левый эсер К.Иванов. Но, как оказалось, он был другом и соратником мятежного главкома Восточного фронта М.Муравьева и поддержал его в июньском мятеже. Говорят, что Иванов всячески тормозил формирования частей РККА, потому что был заменен на Пугачевского, при котором политкомиссаром находился большевик В.С.Певзнер...

К этому времени, пока еще не стих радостно-победный и ехидный смех В.Ленина, когда ему рассказали, как Дыбенко и Железняков разгоняли "Учредиловку", делегаты избранного народом органа настоящей государственной власти объявили большевикам гражданскую войну. О том, на сколько это было серьезно, можно судить по тому, что в марте 18-го Ленин и его правительство срочно покинули Петроград, обосновавшись в "провинциальной" Москве, укрывшись за кремлевскими стенами.

Раз уж т.н. действующая власть, оккупировав провинцию, утверждает свое верховенство над всей, еще не подчиненной России, то почему бы не образовать противовес ТАКОЙ власти. И он образовывается. В Поволжскую эсеровскую республику срочно выезжают депутаты Учредительного собрания, в основном - эсеры.

Так к маю 1918 года возникает еще один центр, но уже законной власти в России - в Самаре. Здесь собираются не только депутаты Учредительного собрания от Самары, но и от Симбирска, Саратова, Царицына, Казани, Нижнего Новгорода, Твери, Екатеринбурга, Уфы. Естественно, что в Поволжье определяется двоевластие, - причем, поддержку в массах имеют учредиловцы. Кроме уже известных имен: П.Климушкина, Б.Форнутанова, И.Брушвита, И.Нестерова, В.Вольского, - следует назвать: И.Майского (Ляховецкого) - с конца 20-ых - высокопоставленного ленинского и сталинского дипломата, меньшевика - П.Маслова, В.Алмазова, Д.Ракова, П.Белозерова, В.Абрамова, М.Воденяпина, Е.Лазарева, М.Гендельмана, Е.Яшнова, Роговского, В.Оболенского, В.Пепеляева, П.Герасимова... К июню 1918-го - они составили почти 50 % Учредительного собрания.

Председатель Самарского губкома Валериан Куйбышев метался как в лихорадке. И без вооруженных наступлений противников большевиков, власть мирно и законно перетекала в руки "Учредилочки", к эсерам. Они целиком занимали многие организации, военкоматы, советы. Куйбышев противопоставлял им митинги, будоражившие

рабочие и солдатские массы в Самаре. Большевики мастерски владели ораторским искусством, методом подтасовки фактов, управлением психологией толпы, умением сулить сказочную жизнь в коммунизме.

Но вот один только пример, как массы воспринимали этих ораторов. Когда Куйбышев выступал в мелекесском Народном доме, один из пробившихся от дверей крестьян дернул за рукав человека в военной форме:

-Слышь-ко, хто ж такой этот краснобай?

-Куй-бы-шев, - по слогам пробормотал солдат.

-Вот, голова! – возмутился крестьянин, - И без тебя хорошо вижу, что он хрен из бывших, - зовут-то его как?

Мастеровые мелекесских механических мастерских, наверное, фотографировались в последний раз перед тем как их жизни были брошены в горнило гражданской войны...

Советская власть – от Пензы до Владивостока рухнула враз в конце мая 1918 года. Виной тому стал приказ наркомвоенмора Л.Троцкого о разоружении нескольких дивизий чехословацких легионеров-военнопленных, двигавшихся в эшелонах по Транссибу в порты на Тихом океане, чтобы оттуда уплыть во Францию, на замену русских экспедиционных корпусов, сражавшихся с немцами в Европе. Чехословаки оружие большевикам сдавать отказались и начали захватывать все города по пути следования их эшелонов. Бывший командующий Поволжской группой войск чехословаков генерал (а в то время – поручик) С.Чечек в своем Докладе на собрании общества участников Волжского движения, в Праге, 17 июня 1928 года вспоминал:

"24 мая командир I-ой дивизии Чехословацкого корпуса генерал Коломенский отказался от командования и покинул Пензу. Я, пользуясь мандатом Чехословацкого Временного исполнительного комитета, вступил в командование дивизией".

28 мая пала Пенза. Пала без боя. Чехословаки двигались к Самаре. Мост через Волгу в районе Сызрани обороняли красногвардейцы. После нескольких артиллерийских залпов чехословаки вступили с большевиками в переговоры. И премостья, и сама Сызрань пали без боя. Почти бескровно были захвачены мосты у Самары. Уже 4 июня 1918 года все советские большевистские организации покинули Самару и отступили к Симбирску. Вот здесь и начинается боевая история нашего Мелекесса.

В посаде во главе самарских беженцев были В.Куйбышев и, присланный из центра "навести порядок" Н.Подвойский. Их главный штаб располагался в летней резиденции головы посада К.Г.Маркова. До тех пор, пока дом не сожгли повстанцы. А.Алексеева вспоминает, что 4 июня, когда она получила сообщение о падении Самары и восстановлении там законной власти Комитета Учредительного собрания, ее руководитель – начальник почтово-телеграфной конторы Проскурин не мог скрыть радости и убежал извещать своих единомышленников. Уже 5 июня в городе раздались набатные раскаты колоколов, народ спешил собраться на площади, но красногвардейцы встретили их залпами из винтовок. 6 июня на улицах посада был недолгий бой. Это наши местные патриоты пытались ударить по большевикам изнутри, не дожидаясь чехословаков. Силы пока были не равны и отряд самаро-симбирско-мелекесских партийцев рассеял мятежников. Называется и несколько имен мятежников: Лабынцев, Палалеев, Алексеев, Василий и Александр Пасецковы. И уточняется, что это были сыновья состоятельных людей Мелекесса. Рассеять-то рассеяли... Но в ночь на 8 июня штаб Куйбышева и дом Марковых запылали и выгорел дотла. Помню, еще в 60-е годы прошлого века мы ходили в парк мелькомбината и искали в бурьяне основательнейший каменный фундамент этой летней резиденции. Можно было найти и остатки поколотой мра-

морной лестницы фасада здания. По эти остаткам было видно, что здание было большим...

С приходом большевистского руководства Самарской губернии в Мелекесс началась почти поголовная мобилизация против наступающего врага. А врагом были, конечно же не чужаки-чехословаки, с которыми справились бы быстренько, а избранные народом члены Учредительного собрания. Вина их состояла, по словам В.Ленина уже в том, что они не признали законной властью тех, кто совершил в октябре 1917-го государственный переворот. И тем уже – ужасной.

В Мелекессе шли обыски, аресты "состоятельных" людей, в уезде спешно забирали хлеб у крестьян и отправляли в Центр, в банках паковали валютные запасы и ценности, жгли документы...

Всё благо, которое досталось посадку, приютившему губернии власти коммунистов, – стало объявление ими Мелекесса уездным городом, так как Ставрополь-на-Волге тоже был покинут большевиками. Уже 13 июня над этим городком появилась авиация, сформированной в Самаре Народной армии. А 15-го с Волги был высажен офицерский десант с буксирного парохода и пассажирских судов. Без боя они вошли в городок. А бывшие его "правители" уже были в Мелекессе.

В советской историографии события тех дней, что касаются происходившего в Мелекессе, описаны скудно. И может сложиться впечатление, что все приехавшие в наш посад партийные бонзы так кучей здесь и сидели, дожидаясь, когда Мелекесс от них освободит Народная армия.

Нет, это далеко не так. Скажем, В.Куйбышев 7-8 июня был в Симбирске, где совещался с местными товарищами из губкома партии. А вот с 4-10 июля он уже в Москве, на V съезде Советов, на отчете перед Лениным за Самару. И, если А.Алексеева вспоминает, что 14-го после обеда он напутствует отступающих красногвардейцев Мелекесса, то 17 июля в Симбирске следует приказ РВС республики о назначении Куйбышев политкомиссаром в армию к Тухачевскому...

Возвращаясь к интересующей нас дате – 14 июля, – следует отметить, что именно в этот день в Мелекессе Куйбышев назначил (не будучи армейским начальником!) "командиром Мелекесско-Бугурусланской группой войск Алеева, а политкомом группы Васянина". Хотя, лично мне кажется, здесь произошла просто опечатка. О каком Бугуруслане может идти речь, если городок это давно уже был захвачен войсками казачьего атамана А.Дутова? Потому, видимо, речь может идти о более локальном районе или направлении – Мелекесско-Бугульминском.

Интересна и телеграфная переписка красных командиров того периода!

14 июля в 12 часов 10 минут командарм Тухачевский отдает приказ Пугачевскому о взятии станции Погрузная и освобождении ее от белочехов. Иными словами, - 14 числа в 40 верстах от Мелекесса уже стоят войска Народной армии, а в посадке начата эвакуация...

17 июля Тухачевский доносит в Казань (в штаб фронта) о том, что части Симбирской группы войск продолжают отход от Мелекесса (не на основании ли этой телеграммы был взят официальный срок падения Мелекесса – 18 июля?). А по источникам мелекесских большевиков-ветеранов следует, что и наш эшелон с Мелекесским отрядом и бронепоезд Полупанова 17-го были уже в Симбирске и размещались: военн-обязанные в Киндяковке, гражданские и руководители – в полуподвале Дома юности. Совершенно идиотски выглядит телеграмма-приказ Тухачевскому и другим командармам - из штаба Восточного фронта с требованием: "...энергичнее двинуть правые группы на юг в район железной дороги Мелекесс-Бугульма". Из текста-приказа, посланного из Казани в 21 час 20 минут следует, - что штаб фронта совершенно не владеет обстановкой, ибо уже 22 июля пал Симбирск и началось паническое бегство войск в красную Казань, а оттуда до Нижнего Новгорода...

15 июля 1918 года в Мелекессе была восстановлена законная власть. Власть,

если это приемлемо к тем условиям, была коалиционной. Город брал сводный отряд штабс-капитана П. Степанова. В нем были, как чехословацкие подразделения, так и офицерские роты Народной армии. Всего: 6000 штыков и сабель, 46 орудий, 160 пулеметов, 6 пароходов на Волге.

Здесь нужно сделать отступление и сказать, что в Чехословацком корпусе войск было несколько дивизий и среди них, в полковом звене, было немало офицеров Русской армии. Поволжской группой войск командовал С. Чечек. Курганской – генерал Я. Сыровы, Западно-Сибирской – генерал Р. Гайда (Гендель), штабной работой ведал генерал М. Р. Штефанек. Представителем ЧСК в Самаре был Фишер, в Пензе командовали Мадек и Ленфелат. Среди военных руководителей были: Кадлец, Клецанда, Я. Индра, В. Фундачек, Ребенда (начальник горнизона ЧСК в Самаре) и т.д. Но русские офицеры тоже внесли свой вклад в победу над большевиками. Князь, генерал В. Голицин, М. Дитерихс – генерал-лейтенант (будущий Воевода Приморской земской рати), геральд-лейтенант В. Каппель (главком Восточного фронта у Колчака), генерал Хорошхин, полковник (затем генерал-лейтенант) С. Войцеховский.

Вот о нем следовало бы сказать отдельно. Вслед за С. Чечекон он принял командование Пензенской дивизией, затем Поволжской группой войск ЧСК. А на ее основе формировал Народную армию Комуча.

СЕРГЕЙ НИКОЛАЕВИЧ ВОЙЦЕХОВСКИЙ (1883-1948 г.г.)

Родился недалеко от Мелекесса в семье помещика Уфимской губернии. Отец его в молодости тоже был русским офицером. Дворянин. После военного училища и недолгой полковой службы С. Войцеховский блестяще заканчивает полный курс Николаевской Академии Генштаба. Участник I Мировой войны. Подполковник. Начальник штаба 1-й чехословацкой дивизии. Один из организаторов мятежа ЧСК против большевиков.

После отступления Народной армии, командует Челябинской группой войск, затем группой войск на уфимском направлении, 2-м Уфимским корпусом. В июле 1919 г. назначается Верховным правителем России адмиралом А. Колчаком – командующим 2-й армией, а при отступлении войск Сибирской Директории от Омска, – командующим войсками Директории, вплоть до озера Байкал.

После разгрома Сибирской Директории, некоторое время служит в частях атамана Забайкальского казачьего войска Семенова. Впоследствии эмигрировал в Чехословакию...

Это его подразделения 15 июля в 6 часов утра вошли в Мелекесс, где были встречены радостными жителями, оркестрами, молебном. Очень хотелось бы знать, кто были эти люди, наши предки, хорошо осознававшие уже, что несла им диктатура пролетариата?

История сохранила лишь немногие времена. Это – лидер эсеровской организации в Мелекессе Кочкуров, кадет – учитель гимназии Урядинский, священник В. Сокольский, литератор Ф. В. Яблонский (псевдоним Булатов), директор ремесленного училища А. Н. Гордеев, телеграфист Стрелков, дочь петроградского хозяина заводов и жена расстрелянного большевиками генерала Русской армии Е. И. Турчевская, хозяин одной из мелекесских мельниц Крылов, хлебопеки А. Приданкин, Г. П. Белоногов, фотограф И. Г. Букин, жена русского офицера Ильина и еще тысячи свободных граждан посада Мелекесс...

Если большевистский совдеп находился в нашем городе в доме купца Масленникова, то комендатура Народной армии разместилась на Ново-Соборной улице. Комендантов в Мелекессе было двое: чехословацкий прапорщик П. Турза и русский поручик Гладилин. Мы не знаем, к сожалению, кто из мелекесских граждан составил гражданское управление посадом. Те люди, о которых говорилось выше, которые уже вечером 14-го приняли на себя эти хлопоты, были убиты или пленены красными. А сегодня можно только с уверенностью назвать представителя Самарского Комуча в Мелекессе – прапорщика Бочкарева.

Жизнь начала понемногу налаживаться. Еще бы не восторженно приняли мелекесцы правительственную программу Комуча, если в ней гарантировалось: главен-

ство политической, законодательной, исполнительной, судебной и военной властей. Сама же эти власти называли себя скромно ПЕРЕХОДНЫМИ – до нового созыва Учредительного собрания в России по системе “четырёххвостки”: прямые, тайные, равные и всеобщие выборы!

Сразу же в Поволжье, освобожденном от большевистской диктатуры были восстановлены демократические свободы: слова, прада граждан на самоуправление; был вновь объявлен не десяти, а 8-часовой рабочий день; созыв рабочих профсоюзов и всекрестьянского съезда; возврат собственности хозяевам; разрешение на частную торговлю и, главное, - хлебом по свободной цене; восстановление в правах городских дум, земских управ и собраний...

Вот возвращать, правда, хозяевам было пока нечего. Все ценное большевики успели изъять и вывезти. По свидетельствам старожилов еще за две недели до освобождения Мелекесса была остановлена льнопрядильная и ткацкая фабрика – оплот большевизма в посаде. Рабочих заставили размонтировать оборудование и станки. Были наглухо испорчены паровые машины. Запасные части и основные узлы попрятали по колодцам, закопали в ямы. Работами эти с большим энтузиазмом руководил главный механик **Петр Осипович Саможевский**.

Недолго, всего полгода, подержалась в Поволжье власть Комуча. Но значение самого факта его существования неоценимо.

1. Хотя и вооруженное, но восстановление законного правления в России стало фактом, что с большевизацией страны можно и нужно бороться, что народ в массе своей был ПРОТИВ коммунизации и диктатуры одного класса над всеми остальными.

2. В России после абсолютного монархического, а затем диктаторского управления, стало возможным коалиционное управление идеологически-разных политических движений на основе договоренностей и взаимотерпения друг друга.

3. Сближение различных между собой политических, экономических и социальных программ, дало такой сплав надежности жизни, что люди поверили в подлинную народность власти Комуча.

4. Установление правления Комуча в сердцевинной России и отвлечение на себя главных сил правительства Ленина, позволило организовать и мобилизоваться всем антибольшевистским силам на Дону, Кубани, в Крыму, на Украине, в Прибалтике, Беломорье, на Урале, в Сибири, в Забайкалье и на Дальнем Востоке.

5. Пример Комуча – локальной победы и локального управления на данной территории, вызвал оживление подобной работы правительств во многих краях и регионах России.

6. Лучшие патриоты Родины, сторонники демократии и народовластия, националисты и интернационалисты сошлись воедино на всенародное Вече и в ополчение против одного, но смертельного своим космополитизмом жесточайшего врага российских народов.

7. Основа этой борьбы – Народная армия Комуча стала основой и опорой военного сопротивления ленинским интернациональным военным ордам еще на три года. Вновь почувствовали воинское единение, боевой дух, силу оружия все те солдаты и офицеры Русской армии, среди которых после гибели Корнилова, Каледина, Алексеева было полное замешательство.

Интересно, что почин командарма Тухачевского – призыв в РККА бывших царских офицеров (подневольно!), - рухнул уже 29 июля 1919 года. На фронте начался массовый переход офицеров и солдат-фронтовиков на сторону Народной армии. И только жесточайшими репрессивными методами: расстрелами, забранием семей в заложники, - наркомвоенмору Л.Троцкому удалось это бегство прекратить. Или, вернее сказать, загнать процесс внутрь организма, ибо, служа в РККА, русские офицеры долго еще гадли красным штабам, срывая многие операции, воплощая свою ненависть к большевизму в подпольное сопротивление.

Объективно, есть и другая сторона деятельности Комуча, которая стала основой его недолговечности и поражения. Это полярность мировоззрений руководящих кадров данного правительства. Как мы уже знаем, - "главную роль" в этом действии играли члены партии социалистов-революционеров. Их просто было большинство, в том числе и в поддержке народом. Однако, их программа была очень близка большевистской. Она отражала классовый подход к будущему переустройству России. И, если ленинцы делали ставку на рабочих, матросов, то эсеры, не отрицая такого подхода, - ставили все же на крестьянство. И те, и другие практически не учитывали интересов представителей буржуазии, дворянства, интеллигенции, деловых кругов.

И, хотя вдохновитель и лидер Комуча Климушкин говорил, что: "мы избрали этот третий путь объединения творческих сил России", - разногласия нарастали снизу.

Мы уже говорили о партиях-соратниках. Грубо это выглядело так:

- лагерь социалистов – эсеры, меньшевики, октябристы, энесы, сионистская трудовая партия (не путать с Бундом!), стоящая в оппозиции большевикам, алашординцы и более мелкие организации и фракции;

- лагерь монархистов – конституционные демократы (кадеты), "Правый центр", "Союз русского народа", "Тактический центр", "Национальный центр", "Союз защиты родины и свободы" и т.д.

Кроме них была еще третья сила. Национально ориентированные русские люди. Это – "Палата Михаила Архангела", "Союз Черного орла и землепашцев", "Союз офицеров Русской армии".

Вот от этих и пошел первый раскол. Недовольные свободомыслием и излишней народностью Комуча, уже в августе 1918 года предпринимают решительные действия по антисоциализации Поволжья. В Самаре раскрыт подпольный право-офицерский заговор, организацией его руководит сын управляющего военными заводами губернии поручик Злобин. Дело замяли, выводов не последовало.

Следом были уличены в заговоре уже более крупные фигуры: члены Комуча – полковник Н.Галкин и депутат Б.Фортунатов. Шума было, естественно, больше. После чего недовольные офицеры стали "эмигрировать" из Поволжской Народной армии В.Каппеля в Сибирь к Колчаку. Вскоре за ними последовал и сам командующий.

ВЛАДИМИР ОСКАРОВИЧ КАППЕЛЬ (1883-1920 гг.)

Генерал-лейтенант В.О.Каппель.

Из Самарских дворян. После военного училища и службы в войсках, закончил полный курс Академии Генштаба. Участник I Мировой войны. Полковник. Сторонник Комуча. Командовал группой войск в Народной армии. Командир Московской группой войск, командующий Поволжской Народной армией. Уехал в армию Колчака, где был командиром 9-го Волжского корпуса (бывшая Самарская группа войск), 1-м Волжским ударным корпусом (в него входили 1-я Самарская, 3-я Симбирская, 13-я Казанская стрелковые дивизии). Генерал-лейтенант, в мае 19-го командующий Западной армией. Командующий группой войск прикрытия во время отступления Сибирской армии к Иркутску. Главкомандующий Восточным фронтом и Сибирской армией. Погиб в боях под Иркутском, ведя войска на выручку адмирала Колчака 25.01.20 г.

Следует отметить, что Владимир Оскарович несколько раз был в Мелекессе, особенно в период боев под Казанью и при отступлении его корпуса из-под Симбирска в октябре 1918 г.

К августу 1918 г. территория, на которую распространялась законная власть – Комуча, располагалась с севера от Саранска до Оренбурга на юге. И с запада – от Пензы – до Миасса на востоке. Правда, особенно в пограничных районах это был

"слоеный пирог" – в территорию Комуча вклинивались районы, контролируемые частями РККА. Потому освободительные бои Народной армии и Чехословацкому корпусу пришлось вести и с фронта, и с тыла, и внутри освобожденной территории. В Оренбуржье генерал Дутов с переменным успехом вел бои с интернациональными частями главкома красных Г.Зиновьева, и не мог столкнуть этот фронт далее Актюбинска. По Южному Уралу рейдовали войсковые группы В.Блюхера и И.Каширина, проникая глубоко в тылы Уфимской группировке Народной армии. Со стороны Саратова атаковали на два фронта: на Самару и на Уральск части главкомов Яковлева и Вацетиса. Особенно успешно действовала здесь 4-я Особая армия (поочередно возглавляемая – С.Загуменным, А.Ржевским, Т.Хвесиным), а в ее составе – 25-я дивизия В.Чапаева.

От Пензы и Алатыря уже ощутимо давили вновь формируемые части успешного командарма – 1-ой М.Тухачевского. Под Казанью упрямо держали фронт коммунистические интернациональные части И.Вацетиса, под контролем самого наркомвоенмора Л.Троцкого. С севера рейдовала дивизия В.Азина. Глубоко в порядки Комуча уже "вонзилась" 1-я Пензенская пехотная дивизия Воздвиженского. Причем, среди названных руководителей войск РККА только сам нарком Л.Троцкий не имел боевого опыта и военной подготовки.

Наоборот же, в Народной армии были командиры добротной подготовленности, имеющие опыт боевых действий, но... хронически не хватало солдатских масс, снаряжения, вооружения. Сначала армия была добровольной и, если у генералов Дутова и Толстова казачьи части были развернуты по штатам военного времени, а самим казакам не вновь воевать, то в обычных стрелковых и кавалерийских частях был недокомплект. Просчет партии эсеров, считавших себя "крестьянской партией", был очевиден: ни зажиточные хозяева, ни тем более бедняки, – не торопились мобилизовываться. Хотя и немало потерпели от властей большевистских.

Но слишком короток был срок, примененный к ним диктатуры пролетариата, чтобы всерьез прочувствовать на своей шкуре продовольственный, социальный, политический террор. Кроме того, декабря, обескровленная тремя годами Мировой войны, только-только пришла к мирному труду, пополнению запасов.

Оттого, уже в августе 1918 года Комуч вынужден был прибегнуть к силовой и всеобщей мобилизации в Народную армию. А от призыва – до обученного бойца – должно пройти, как минимум, три месяца подготовки. Немногочисленные полки Нарармии уже "растворялись" в массе войск РККА. Растягивая фронт, не могли уже сдерживать эти массы, огневую мощь. Все искусство таких полководцев, как С.Войцеховский, В.Каппель, М.Дитерихс, А.Дутов, В.А.Кутин, В.Болдырев, К.Сахаров, Бакич, Ватин, Геллер, Денисов, Корчаков, И.Попов, адмирал Старк, Тонких, М.Ханжин, Г.Щепихин, Г.Белов – было бессильно без пополнения войск, вооружением, техникой.

Перелом наступил в августе под Казанью. Все уперлось в переправу под Свияжском. Об упорности красных говорят и такие факты: наркомвоенмор Троцкий приказывал в отступающих с позиции полках расстреливать каждого 10-го! В тылу появились чекистские заградотряды с пулеметами. Здесь же началась массовая мобилизация в РККА бывших офицеров. Из Балтики – посуху – перетасили в Волгу несколько эсминцев. Красный флот вел непрерывный огонь по Казани. Ярость эта была понятна: 6 августа Народная армия захватила в Казанском банке золотой запас России. В руках Комуча оказалось 500 т золота на сумму в 664984357,63 рубля. К сожалению, истратить на нужды борьбы с большевизмом эти деньги не удалось. 10 сентября войска Троцкого ворвались в Казань. А золотой запас пришлось отправлять за Урал...

Не особенно активно вели себя в бою и чехословаки. Они не горели желанием воевать в России, потому их дивизии цепко держались за свои эшелоны и железную дорогу, ведущую в порты Тихого океана.

С усилением в Сибири временного правительства окраины, создание в тылу у самарцев еще и Уфимской директории, – усилились разногласия среди депутатов Уч-

редительного собрания, между представителями разных партий. Известно высказывание колчаковского предсовмина В.Пепеляева: "Учредительное собрание это – настоящего, полубольшевистского состава!"

Разногласия дошли до того, что был создан отдельно Уральский Комуч, охватывающий Прикамье. На разделительной линии даже строились таможенные посты. Если в Самаре, верх держали эсеры, в Прикамье – всех было понемногу, то в Сибири власть прибрали к рукам явные монархисты.

Деполитизированные генералитет и офицерство, в основе своей составляли партию КВД (куда ветер дует), ударились в разгул, грабежи, бессмысленную жестокость по отношению к населению, свары меж собой.

Следует отметить и главный поражающий фактор в Белой России: это поголовная автономизация территории, яростное сепаратистское движение, не желавшее ничьей власти над собой. Башкирия и часть Казахстана превратились в территорию мусульманской "Алаш-орды". Атаман Анненков в Семиречье провозглашал "Сибирскую автономию казачьей крестьянской России". Появились отдельные Амурская и Забайкальская области (атаманы - Калмыков и Семенов). Дальневосточная республика генерала Хорвата. В Симбирске поднял мятеж левый эсер М.Муравьев и объявил создание Поволжской республики. И эта идея очень пришлась по душе Самарскому Комучу. В Екатеринбурге и Ижевске последовательно образовывали Волжско-Камскую и Уральскую республики. Вслед за ними объявилось Калмыцкое войсковое правительство у стен Царицына. Дутов желал Южно-уральскую казачью автономию. А генерал Толстов – просто Уральскую казачью вольницу в Прикаспии. Средняя Азия делилась на Туркестан (красные), Закаспий (белые, эсеры и интервенты) и Амударьинский отдел (казаки, туркмены-джунаидовцы и младохивинцы). На северо-западе вовсе работали правительства генералов Юденича, Миллера и кадета Чайковского. В Финляндии спешно вооружал национальную армию Маннергейм. В Крыму – территория Югоссии. В Киеве и Львове – вильна Украина. В Гуляй-поле – махновская автономия. В Приднестровье – правление атамана Григорьева. Муравьев создал "Одесскую советскую республику". В Харькове и на Донбассе – свои областники. На Дону Краснов и Романовский отстаивают "свою территорию". На Кубани Науменко – свою. В Терской области – свой атаман Вдовенко. Горская республика – у Бичерахова. Приангарье – у Гришина-Алмазова. Дагестан – у Гоцинского. А еще "автономии" в Коканде, Фергане, Оше...

И вот это "лоскутное одеяло" из осколков бывшей империи предстояло соединять в одно целое полотнище – чего? Советской России, Сибирской Директории, Конституционно-монархической Конфедерации, Содружества Социалистических Народных Автономий?

Ответа на этот вопрос, пожалуй, дать не мог никто.

Наверное, стоит уже для убедительности еще перечислить фамилии тех, кто в одно или иное время становился лидером такой "автономии": полковник Федичкин, кадет Граве, "командующий", капитан Юрьев (Ижевск); генерал Попов, квартирмейстер Розендель, Марков-2-й, В.Рычков, чех Ребенда в Казани; генералы Анненков, Красильников, Андогский, Апушкин, полковники Акинтьевский, Глухарев, Антонович, Захватов – у Колчака; мелкие ханы и "правители": Алиханов (Чечня), Агаев (Астрахань), Алексеев (Ош), Бутенко (Манчжурия), Богаевский (Дон), Бай-Булак-Балахович (Эстония, Польша), Бермонт-Авалов (Прибалтика), Гаубиц (Асхабад); Гордеев (Ташкент), Глазенап (Вильно), Гамов (Хабаровск), Дитерихс (Владивосток), Драценко (Астрахань), Джунковский (Анджан), Зайцев (Хива), Зыков (Нарва), Иванов-Ремнов (Пишпек), Колесников (Китай), Колмыков (Благовещенск), Краковецкий (Новониколаевск), Унгерн и Казгаранди (Монголия), Лайдонер (Эстония), Мадритов (Краснодар), Мастерков (Фергана), Май-Маевский (Харьков), Миллер (Архангельск), Монстров (Фергана), Ораз-хан Сердар (Геоктепе), Орлов (Симферополь), Тундутов (Калмыкия), Мада-

мин-бек (Памир), Фостиков (Сев. Кавказ), Хазар-Хан (Хазарский - в Кизыл-Атреке), Шиллинг (Новороссийск), Шильников (Даурия), Лебедев (Сызрань)...

Полковник А.П.Перхуров в 1922 г. на суде, перед расстрелом. Руководил мятежом в Ярославле, служил у Колчака.

К ним можно прибавить фамилии членов Комуча Прикамского края В.Бузанова, Н.Евсеева, А.Корякина, мятежника в Якутии Чумикале, на Тамбовщине – полковника Эктова, всплески бунтов Беретти, Шмонина, Третьякова, Долинина, Штенгеля, Ямады, Мелентьевича, Медоловича, таежные войны староверов-никонианцев, Растролина, Горшкова, Гурова, Знаменского и т.д.

Главное: неоспоримо, что, несмотря на заведомый проигрыш, бесперспективность, политическую наивность, иногда – дурость, - большевики с 1918 по 1920 год получили непотушимое пожарище локальных войн практически в каждой российской губернии, каждом районе. Мятежники были наивны – они осознавали, что обречены на провал своих планов и смерть. И все же шли на этот смертельный бой во имя родины, во имя справедливости, против узурпации власти кликой нерусей Ленина.

III. ПАДЕНИЕ ПОСАДА

“Всем русским военным начальникам – о пресечении деятельности бывших членов Самарского Комитета членов Учредительного собрания:

...пресекать преступную работу вышеуказанных лиц, не стесняясь применить оружие...”

Из приказа № 56 Верховного Правителя России, адмирала Русского флота Колчака А.В.

“Пусть 90 % русского народа погибнет лишь бы 10 % дожили до мировой революции”

Из письма В.Ленина в бельгийскую газету “Суар”.

Итак, июль 1918 года. Власть Комитета Учредительного собрания в Самаре пока распространяется от Белорецка – до Нижнего Новгорода. От Актюбинска – до Перми. Но нас, естественно, интересует локальный район – Мелекесский уезд. 15 июля он вошел в состав “Поволжской республики”. В Бугульму, Нурлат, Ставрополь, Мелекес, Чистополь и Симбирск пришла новая власть. Взятие – или освобождение? Как оценивать эти успехи Комуча, Народной армии, ЧСК? Чуть ли не 100 лет нам с детского сада навязывали одно мнение. Одну идеологическую версию. Одни факты советской историографии. Ибо другое (оборотная сторона) было не опубликовано, запрещено. Оттого и анализ этих событий был невозможен. Ныне – завеса молчания и “прятки” прорвана. И мы можем хотя бы сравнивать, думать, сопоставлять.

После падения Ставропольского района и Самары, все боевые действия свершались в основном по линии Бугульма – Мелекес. Узловые пункты красные удерживали путем концентрации своих отрядов и бронегрупп. Пытаясь таким образом прикрыть тотальный вывоз в центр банковских ценностей, продовольствия, вооружения, продукции стратегического характера.

Мелекесский уезд пал 16 июня. Не весь. Со стороны Ставрополя – до Лебяжьего включительно еще действовала красная группа, которая пыталась соединиться со своими войсками – под Чистополем. Командующий Симбирской группой войск матрос Пугачевский получил соответствующий приказ из штаба фронта из Казани. Но 1-ый стрелковый полк чехословаков и приданные ему части Народной армии стремительно накатывались от Нурлата “по железке” в Мелекесс – и далее на Симбирск. Командовал этими боеспособными частями капитан (далее – полковник) Степанов.

АЛЕКСАНДР ПЕТРОВИЧ СТЕПАНОВ.

Уроженец Уфимской губернии, дворянин, помещик. В 1-ю Мировую войну служил начальником разведывательного отделения штаба 39-го армейского корпуса. Затем переведен в Чешско-Словацкий корпус на должность командира “1-го Чешско-Словацкого стрелкового Яна Гуса полка”. Воевал с немцами на Украине, форсировал Днепр с боями пробился на Волгу. Монархист. Личный друг генерала С. Чечека. В боях под Казанью ему была переподчинена вся северная (правофланговая) группировка войск ЧСК и Нарармии.

6 сентября 18-го только благодаря воинским талантам и мужеству В. Степанова, прикрывавшего сначала Самару, за затем Уфу, войскам Комуча удалось избежать тотального отступления армией М. Фрунзе и, отойдя за Уральский хребет стать передовыми ударными отрядами Сибирского войска адмирала Колчака.

“Отряд большевиков, - вспоминает А. Степанов, - силою до трех тысяч человек, при нескольких орудиях, оперировавший в районе Ставрополя, двинулся к Мелекессу на соединение с войсками, действовавшими против нас... Мною, на той же станции Нурлат от 16 июля был отдан приказ, в котором авангарду поручика Груза (4 роты, 1 эскадрон, 6 орудий, 1 взвод инженерной работы, 2 бронепоезда и 2 пулеметные команды), ставилась задача: энергично преследуя противника, не дать ему возможности испортить железнодорожный мост через реку Черемшан и по овладении станцией, а следовательно, и посадом Мелекесс, прочно закрепиться и немедленно установить связь с полковником Чечekom и штабом Народной армии... Летчику Мельчу произвести разведку по маршруту: полотно дороги – Симбирск, Сенгилей, Мелекесс и Нурлат, сбросить воззвания и бомбы на неприятельские эшелоны.

Я задался целью не допустить соединения двух крупных отрядов большевиков и разбить их порознь.

Авангард блестяще выполнил поставленную ему задачу. Красные бежали и оставили Мелекесс, но будучи вынужденными восстановить большой деревянный мост, сожженный большевиками, мы не смогли двигаться вслед за ними.

Беспрерывными боями, с превосходившим, без преувеличения, в десять раз противником, полк был утомлен страшно.

...В ночь на 18 июля командующим большевистскими войсками товарищу Полупанову, главнокомандующим Тухачевским, вновь были приказано взять Мелекесс, что первым и было выполнено.

Поставленные в известность об уходе большевиков обрадованными жителями, мы довольно смело подходили к Мелекессу и неожиданно были встречены сильным огнем. Пришлось давать бой, который не отличался от всех предыдущих и базировался исключительно на обходах флангов, чего большевики не выдерживали.

Отряд товарища Полупанова был начисто ликвидирован, а красные, двигавшиеся по тракту со стороны Ставрополя, получив сведения о взятии Мелекесса, повернули прямо на северо-запад, предполагая, видимо, попасть раньше нас к мосту через Волгу.

Нужно было вновь перерезать им путь и сбить их расчеты. Пока в Мелекессе мною устанавливалась на местах власть и элементарный правовой порядок, красные, собрав решительно все силы, бывшие в их распоряжении на этом фронте, при поддержке значительной артиллерией (8-ми орудий, 2-х автоброневиков и 2-х брони-

рованных поездов), сами перешли в решительное наступление и первоначально имели успех, когда удачным огнем артиллерии разбили в нашем главном эшелоне несколько вагонов, один из которых был со снарядами.

Исключительный героизм и хладнокровие ударников, под командой прапорщика Мусилека и 2-й роты прапорщика Фишера, помогли действительно уничтожить большевиков. Характерно последнее донесение Полупанова по аппарату: "И все мои войска разбиты, и все машины я потерял, и остался я один, и сам я болен и сам я уезжаю", но еще более характерен предыдущий обмен мнений большевицких командующих: "какого-ж... вы сукины сыны, не высылаете ...?" Ответ: "... а где ж, в... тебе ее, мерзавец, найдем!"

Было ясно, что дорога на Симбирск открыта!

...К этому времени из Самары от начальника штаба от 21-го июля получил телеграмму, с подробной ориентировкой о ходе операции по правому берегу Волги отряда Народной армии, под командой подполковника Каппеля. "... Относительно частей противника на правом берегу, имеются сведения, что отряд Гая сегодня отступит на линию Бектяшка, затем Мордово и Еласурь, где предполагается занять позицию. Сообщите Ваше положение и предположение. Речной флотилии приказано сегодня энергично продвигаться вперед вверх по реке. Самара, 21 июля № 317. За начштаба, полковник Петров".

Относительно этого отряда я был кратко информирован в Мелекесе полковником Чечком. Для единства действий отряд подчинялся мне, но его силу и место расположения я выяснить не мог".

К тому времени, власть, укреплять которую собирался в Мелекесе А.Степанов, была, можно сказать коалиционной, т.е. сборной. Кроме упоминавшихся выше кадетов, эсеров, меньшевиков, националистов, - сюда входили и такие "экзотические" партии и движения, как: Сионистская, трудовая партия, "Союз защиты родины и свободы" Савинкова, "Национальный (тактический) центр", корниловский "Союз офицеров", энесы (Национал-социалисты). Но, не смотря на "разногласицу", 23 июля в посаде Мелекес был издан "Приказ" по Мелекесскому уездному Отряду Народной Армии, подписанный начальником Мелекесского отряда по формированию Народной Армии полковником Пересвет-Солтаном:

"1. Армия комплектуется призывом добровольцев.

2. Минимальный срок службы – 3 месяца, каждый записавшийся на службу не имеет права оставить ее ранее этого срока под страхом ответственности перед судом.

...4. Все без исключения добровольцы состоят на готовом полном довольствии и получают жалованье – 15 р. в месяц.

5. Ввиду различных условий службы, ответственности и знаний добровольцев, устанавливаются следующие суточные деньги:

Рядовому бойцу – 1 р. в сутки

Отделенному командиру – 2 р.

Взводному – 3 р.

Ротному – 5 р.

Батальонному – 6 р.

Полковнику – 8 р.

6. Сверх того, каждый доброволец, имеющий на своем иждивении семью, независимо от занимаемой должности, получает пособие на содержание семьи 100 р. В случае многосемейн. (более 3 детей) – ставка увеличивается".

Интересны нам и заметки из архива Владимира Ивановича Лебедева "От Петрограда до Казани" (изданы в Германии). В.И.Лебедев в июле-августе 1918 года был представителем военного ведомства Комуча с неограниченными полномочиями, как по гражданской, так и по военной части. А, по сути, – был главнокомом войск Народной

Армии по освобождению от большевиков Сызрани, Симбирска. Казани.

"...заставил Галкина (военный министр Комуча, полковник Генштаба Русской армии) – объяснить мне его стратегические соображения.

Все оказалось чепухой! Галкин воспротивился захвату Пензы для того, чтобы произвести гораздо более трудную операцию: грунтовыми дорогами и в пешем порядке за 200 верст от Самары на север к Мелекессу (!), причем никаких определенных целей этой операцией не высказал...

Говоря это, он путался. Я уже быстро доказал ему, что наша операция на Пензу, благодаря ему, уже и проморгана, но операция в нашем порядке к Мелекессу является безумием и ничем не вызвана. Он, весь красный, с этим согласился, и просил меня, чтобы избежать совершенного конфуза, повернуть какую-то из усанных им к Мелекессу частей назад только из Ставрополя. А вслед за тем принялся развивать свои стратегические планы..."

Самара. Июнь.

"На участке Симбирск – Чешмы все силы: сербская сотня, нестроевая рота, Орлик второй, Уфимский отряд Народной Армии, а по его смею Пензинский батальон совместно с двумя ротами Народной Армии Мелекесса переданы в распоряжение Гладувки, ударный отряд которого сосредоточился в Бугульме, на Инзенском направлении – батальон Капеля..."

Симбирск. С 31 июля по 31 августа.

Нас же весь этот период существования народной власти интересует прежде всего событиями, происходящими в Мелекессе и Мелекесском уезде.

Добровольцы Народной армии Комуча, ушедшие на борьбу с большевизмом из нашего посада.

IV. МЕЛЕКЕССКИЙ УЕЗД – ЛЕТО-ОСЕНЬ 18-ГО.

Нужно сразу сказать, что территория нынешнего Мелекесского района значительно уступает территории Мелекесского уезда 1918 года. Поражает более всего то, что в то время никого не пугали расстояния. Если сегодня от Димитровграда (по Уставу области – райцентра Мелекесского района) до областного центра – Ульяновска (Симбирска) иной "лихач" доезжает за 30-40 минут, но перед поездкой долго думает: а нужно ли на этот визит тратить, как минимум, полдня, - то в 18-м было иначе. На лошадях, на "перекладных", поездом – люди того времени пускались в путешествия, не сомневаясь в их целесообразности.

Представьте: Мелекесский район (уезд) тогда включал в себя, кроме нынешней территории: часть Ставропольского уезда (вплоть до нынешнего Тольятти), часть Кошкинского района, весь Чердаклинский и Новомалыклинский районы, часть Старомайнинского района, часть Татарии... Власть народная, не стала отменять большевис-

тский указ о создании уезда с центром в Мелекесе. Теперь почти непредставимо, как на этой огромной территории можно было установить эффективное управление: войсками, гражданской административной частью, экономикой, социальной сферой! Но, видимо, предки наши были много мудрее нас. И управление это, подчинение и контроль осуществлялись в таких общественных формах, как ныне принято обозначать "местное самоуправление", но в рамках, выработанных правительством Комуча – основополагающих законов и правил для всей территории Поволжской республики.

Кроме того, не следует забывать бурно развивающиеся коммуникационные связи. Очень результативно осуществлялось почтовое, телеграфное, даже радио-собщения. И, не в пример нынешней эпохе, регулярно и эффективно работала пресса. Если равнять нынешний "рынок СМИ" и тогдашний, - перевес будет явно не в нашу пользу. Только в Самаре, и только газет партии эсеров выходило в свет до десятка. Несколько десятков газет было в Симбирске. И это, – не считая журналов и специальных пропагандистских брошюр. И весь этот информационный "Колондайка", после захвата территории осенью-зимой 18-го большевиками, был с успехом использован ленинцами. Они-то знали толк в пропаганде...

И тем более впечатляющие успехи проявленные в ходе боев в Поволжье войсками ЧСК и Нарармии. Если брать только одну операцию (имевшую место быть в Мелекеском районе) полковника Степанова, следует отметить следующие факты. Например, со стороны большевиков в обороне Самары участвовали: Куйбышев (будущий политком Туркфронта), Блюхер (будущий маршал), Подвойский – командующий войсками красной гвардии республики, Чапаев и Худяков (генералы, герои гражданской войны), Гай (будущий комкор) и т.д.

А взята Самара была в один день всего ротой поручика Швеца! Если посмотреть на командование ЧСК, то "шорех" против миллионной РККА по России наводили: полковник Чечек (Пензенско-Волжская группа), поручик Сыровой (Челябинская), капитан Гайда (Новониколаевская), подполковник Ушаков (Нижеудинская), капитан Кадлец (Мариинская), генерал-лейтенант Диетерихс (Владивостокская). Можно было бы объяснить эти успехи, тем, что командование ЧСК было специально подготовлено в казачьих военных училищах, состояло наполовину из русских офицеров-монархистов, имевших боевой опыт, но, например Гайда был просто мещанином, попавшим на войну рядовым солдатом, и Калец-парикмахером. Да и взгляды у командовавших в ЧСК офицеров были вполне революционны, демократичны, многие сотрудничали с близкими им эсерами. В Уфе, после занятия ее чехословаками, к ним с рядом организационных предложений обратился уполномоченный на то, председатель Уфимского монархического объединения граф Толстой, но...командование ЧСК заявило, что их корпус антимонархичен!

Потому в Уфе Самарским правительством (в основном эсеровским) формирование войск было поручено генералу Люпову (начштаба – полковник Пучков), а командующий группой Степанов собрал на переговоры представителей ото всех партий и поставил перед ними задачу: выявлять и разоблачать в губернии "окопавшихся в подполье" большевиков. А в Мелекесе Степановым был издан специальный приказ:

"Вступая сего числа в Мелекес, имея в виду отсутствие в нем какой либо власти, приказываю считать законной властью Временное Правительство, председателями которого являются: губернский комиссар и представитель городского головы. Указанным лицам немедленно явиться к исполнению своих обязанностей и приступить к установлению законной деятельности..." Правда, к этому времени голова К.Г.Марков был уже расстрелян Абловым...

Всего же диспозиция войск ЧСК и Нарармии на июль 18-го выглядела приблизительно так:

-ударная группа бронепоездов – Кучера, Пилата, Некраша, Холявина, Лужа, Иль-

инского – действует по всем железным дорогам Поволжья;

- саперные, ремонтные, интендантские части полковника Плюшкевича – в арьергарде бронедивизионов;

- 4-й стрелковый полк несет охрану и защиту по всем волжским переправам;

- наступательные операции вдоль железной дороги Уфа – Симбирск ведет 1-й стрелковый полк, а 5-я рота – держит резервный укрепрайон в Бирске;

- в районе – Бугульма – Мелекесс – Симбирск рейдирует 1-й батальон поручика Груза;

- 1-й запасной полк несет охрану путей на Самаро-Уфимском участке;

- в районе Симбирска и южнее него сосредоточены – 1-й и 3-й батальоны, легкая чешская батарея (4 орудия); эскадрон сербской кавалерии (150 сабель);

- резерв группы – бронепоезд "Орлик" (захваченный у красных) поручика Холявина, взвод инженерных войск, один самолет пилота Мельча, отряд самообороны из Мелекесса.

И это – против армады красных войск! Мы, видим, что самая крупная часть Нарармии – полковое соединение, в то время как РККА вела счет, как минимум, на дивизии – Азина, Каширина, Чапаева, Павлова, Блюхера, Гая и т. д....

А поручик Швец с полубатальоном взял Бугульму и "отшагивал" по дороге к Мелекессу до 80 верст в день с боями!

15 июля адъютант полковника Степанова прапорщик Фиала докладывал командиру группы, что в районе Выселок РАЗГРОМЛЕН отряд большевиков в 300 штыков, шедший от Ставрополя к Мелекессу на соединение с уездным отрядом красных...

16 июля с самолета на чехословацкие эшелоны были сброшены листовки –воззвания с предложением сдаваться, а тем временем территорию Мелекесского уезда в спешке покидали последние отряды красногвардейцев, которые войска Народной армии даже не догоняли, занятые восстановлением деревянного моста через Черемшан, взорванного красными. Противника жала к Симбирску группа поручика Груза: 4 роты, 1 кавэскадрон, 6 орудий, 1 инженерно-саперный взвод, 2 бронепоезда, 2 пулеметных команды, - что в 10 раз по мощности огня и количеству солдат было меньше, чем у Куйбышева в этом районе!

В то время как А.Степанов устанавливал уже в Мелекесском уезде "местную власть и элементарный порядок" – Куйбышев приказал отбить последнюю его губернскую базу – посад Мелекесс. В бой бросили группу мелекесских большевиков и красногвардейскую дружину, 2 бронеавтомобиля, 2 бронепоезда, 8 полевых орудий, при поддержке Симбирской группы войск. Но этот ударный кулак не дошел даже до Брядино. Его встретили плотным огнем и рассеяли 30 мобилизованных прапорщиков из мелекесцев и рота поручика Фишера. Они первыми и вышли к мосту через Волгу. А штурм Симбирска начинал начальник десантных партий подполковник Николаев. Десантировались с кораблей флота Народной армии (командующий – мичман Ершов). К губернскому центру подошли десантные пароходы "Сократ", "Карамзин" и "Рион", буксирные катера – "Мефодий", "Георгий Морозов", "Борец", "Мичман Дмитриев", "Ольга", "Вульф", вместе с которыми в город прибыли – товарищ управляющего военным ведомством Комуча и член главного штаба В.Лебедев, флотский координатор штаба – мичман Мейерер, член Комуча, особо уполномоченный по гражданской части в Симбирске Вадим Подвицкий. С юга к городу походил с войсками только назначенный главнокомандующим Народной армией полковник В.Каппель.

К этому времени в Самару прибыли для предложения своих услуг – адмирал Развозов, генералы Голпер и Болдырев, капитан А.Апушкин (будущий личный адъютант адмирала Колчака), полковники Компанейцев и Шмидт.

Мне бы очень хотелось назвать поименно всех патриотов России, первыми вставшие под знамена антибольшевистской борьбы, первого (после монархического пере-

ворота Керенского) законного, избранного народом на первых свободных (и последних по сегодня) выборах – Комуча. Первых, создавших, подлинно свободную территорию – Поволжскую республику. Первыми павшие в борьбе с антинародным Интернационалом Ленина. Но...

За годы советской власти их имена так тщательно вымарывались из истории, столько их было после расстрелов сваленных в общие братские могилы и сравненных с землей, - что, слава Богу, нам удастся озвучить здесь хотя бы небольшое количество фамилий этих борцов...

Хвалынской группой Нарармии командовал капитан Махин. Начальником штаба Нарармии был полковник Генштаба Павел Петрович Петров. Казачьими частями в Самаре командовал эсер член Комуча Борис Константинович Фортунатов. Глава военной организации, бывший комиссар армии Юго-Западного фронта – Борис Николаевич Моисеенко. Члены Комуча: Алмазов, Воробьев, Николаев, их сторонники и помощники в этом светлом деле – Бонч-Осмоловский (от партии "Народная свобода"), члены Уфимской директории – Авксентьев, Зензинов, Болдырев, Вологодский, Виноградов, Астров. Глава башкирского национального правительства Валидов Ахмед-Заки. Начальник контрразведки Нарармии, вместе со своим отрядом расстрелянный большевиками в сентябре 18-го около Ундор – подполковник Прибылов. Расстрелянные зимой 19-го: под Лбищенском – дворянин, командир южного отряда Нарармии полковник Бородин, генерал Буренин (выдвиженец Л.Троцкого, но перешедший на сторону Комуча), начальник штаба Уральской армии полковник Моторнов, руководители уральских формирований – генерал Савельев, генерал Титруев, полковник Сладков, командир 10-го авиаотряда полковник Юнгмейстер, ПОГолоВНО все воины 6-ой дивизии, оставшиеся прикрывать отход Уральской армии генерала Толстова из Гурьева.

В 1920-м, уже в Ташкенте был выявлен большевистскими контрразведчиками в частях РККА, арестован и убит дворянин из Мелекесса, "павлон" – выпускник Павловского юнкерского училища, командир батальона на фронтах I –ой Мировой, командир гвардейского полка в 1-м гвардейском корпусе армии генерал-лейтенанта В.З.Май-Маевского, - подполковник Петр Павлович Знаменский...

Так грянула сухая и теплая осень 18-го. И от этой поры расстановка сил в борьбе за Поволжье была в пользу красновардейцев: к началу 18-го в Самарской губернии располагалось 12 полков – до ста тысяч солдат, перешедших на сторону большевиков, в Симбирской губернии – 10 полков (до 80 тыс. солдат). О численности Народной армии мы уже говорили выше. Приведу лишь один пример: в обороне Казани у красных было до 2-х дивизий, полковой резерв штаба Восточного фронта, части отступившие сюда от Мелекесса и Симбирска. Только банк, где они хранили золотой запас Российской Империи оборонял отдельный латышский полк. И вот вся эта армия разбежалась в ОДИН день выступления в городе подпольной офицерской организации (около 5 тыс. человек) и наступления по Волге ДВУХ пароходов с двумя ротами А.Степанова и кавказкадром сербов!

Так осенью 18-го в наступлении РККА, возглавляемым лично нарковоенмором Троцким на немного увеличившуюся добровольную Нарарию (уже без поддержки ЧСК, ушедшего на Урал и в Сибирь) – было двинуто 5 армий!

По ходу их движения к Казани ПОГолоВНО собирались под ружье специальные полки, состоящие только из чуваш, мордвы, татар, прибалтов, мадьяр, немцев, китайцев, персов...

В своих мемуарах В.Лебедев упоминает и о том, что эти "интернациональные" части не владели русским языком, сзади них выставлялись заградотряды с пулеметами. Но они необходимы были большевикам потому, что: "как только нам противостоял отряд из русских солдат, они, завидя на нас форму Русской армии – отходили

без выстрела. Многие добровольно переходили на нашу сторону, добив своих комиссаров".

Но нас более всего интересуют подробности того, как возвращали власть советам в Мелекесский уезд. Наступление войск РККА началось в двух направлениях – по обоим берегам Волги от Казани. Для десантирования в район Старой Майны были задействованы пароходы бывших акционерных обществ "Самолет" и "Кавказ и Меркурий". Войсками 3-й бригады с большой прибрежной группой войск командовал латыш Г.Х.Эйхе. Конкретно к Мелекессу выдвигался 232-ой пехотный полк "имени облисполкома Западной области". Командовали им Я.Пунга, затем – А.Лапин. Политкомом был Черных. После упорных боев на разъезде Бряндино части генерала Капделя были вынуждены через Мелекесс отходить к Нурлату. Перевес РККА над Нарармией составил уже 50 раз. Конкретно батальон Машкова вошел в посад первым. Отмечено, что в Мелекессе в полк Пунги вступило около 100 добровольцев-крестьян. Начались аресты всех, кто сотрудничал с Комучем.

Еще один любопытный факт: в это время в Симбирске уже формировался штаб будущей Туркестанской армии, нацеленной на совершение мировой революции в Бухаре, Хиве, Иране, Афганистане, Индии. Будущий политком Туркфронта В.Куйбышев и начальник особого отдела армии Эразм Самуилович Кадомцев организуют сразу же школу разведчиков-пропагандистов из людей, тех национальностей, которые более подходили к выполнению этой задачи. О том, как эта армия "освобождала" Туркестан, как зверски выкорчевывалась под командой Фрунзе и Куйбышева "контрреволюция" в Средней Азии, – разговор особый.

А пока красные войска двигались на Уфу, вслед за ними репрессивно шагала советская власть, еще более ужесточая свои порядки, угнетая в первую очередь эсерствующее крестьянство. Интересно сообщение и о том, что из разгромленных частей Нарармии под Бугульмой все чехи, словаки, хорваты, сербы, венгры, китайцы тут же переметнулись в красные формирования своих национальностей.

И еще факт – многие знают, что заместителем коменданта в Бугульме был Ярослав Гашек, здесь он и начал писать свои, впоследствии знаменитые повести и рассказы. Но это не всем так. Комендантом Бугульмы был мелекесец политком красного посадского отряда (из крестьян-добровольцев) Иван Дмитриевич Широков. А Гашек, как и другие мелекесцы, – Дмитрий Таранов и Альфред Шпитульский был только помощником Широкова.

Красные войска застряли под Уфой, а в зиму 19-го покатались назад, вплоть до Самары, под ударами вновь образованной Поволжской армии Российского Верховного правителя А.В.Колчака.

Но это опять-таки другая история.

А в нашем уезде власть большевиков вновь пала. Большинство ограбленных и вырезанных ими сел восстало против насилия, голода, беззакония. Грянула новая освободительная, теперь уже крестьянская война, вошедшая в историю под названием "Чапанная" (названная так от овчинной верхней одежды крестьян – "чапана"). Перечислять все села в уезде, которые восстали, собрав свои отряды ополчения, шедшие под лозунгом "Советская власть – без коммунистов!" бессмысленно, ибо не было иных поселений. В уезде, кроме посада Мелекесс, власть перешла к новым органам самоуправления. Коммунисты, командиры карательных отрядов, красногвардейцы-инородцы сразу же расстреливались. Центром восстания и фактическим управлением дел в Мелекесском уезде стал город Ставрополь-на-Волге (Тольятти). Возглавил крестьянскую армию и восстание в селах Самарской, Симбирской, Пензенской, Саратовской губерниях Алексей Долинин.

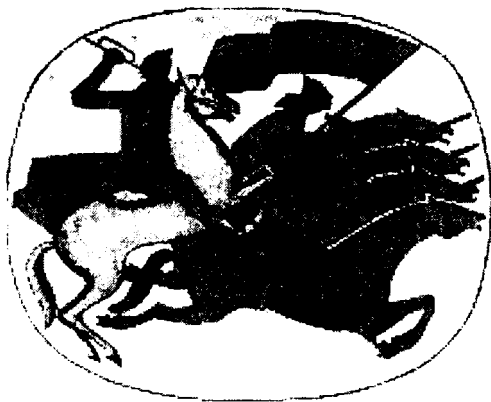
АЛЕКСЕЙ ВАСИЛЬЕВИЧ ДОЛИНИН (1892-1941 гг.)

Из семьи зажиточных крестьян села Ягодное. Окончил Ставропольскую гимназию. Александровское юнкерское пехотное училище. Подпоручик. Служил в штабе Московского гарнизона. В 1917-м с фронта переведен в Главный штаб Русской армии в Могилев. Штабс-капитан в отделе секретного делопроизводства и цензуры. После ареста Временным Правительством всего Генералитета штаба во главе с Главкомом русских войск Л.Г.Корниловым и определения их Быховскую тюрьму, Долинин, отказавшись быть тюремным охранником, дезертировал из армии. Приехал в Симбирск, был принят на работу в губернский Совет, но за отказ выехать на фронт под Царицын, воевать против белых частей П.Врангеля, уволен "по болезни" – язва желудка - и уехал к родителям в с. Ягодное. В феврале 1919 г. возглавил штаб чапанного восстания крестьян. После разгрома и репрессий, скрывшись под чужими документами, вступил в РККА. Сражался против Колчака в Сибири, был на Польском фронте, подавлял Кронштадтский мятеж в Петрограде. Демобилизовавшись, послал покаянное письмо во ВЦИК, прося вернуть свою фамилию. Прощен, ему были оставлены и красные награды.

В 1941 году был призван в действующую армию. Погиб под Сталинградом.

Все в те годы было не так категорично, как нам сегодня покажется, как изображено в официальной истории, методика и учебники которой, к сожалению, и сегодня мало отличаются от принятого и затвержденного курса еще под руководством скомпрометировавшей себя с первого шага коммунистической партии. О том, как жили наши деды, какую власть они на самом деле желали, как представляли свое будущее, - очень серьезен и, но ничтожен документально. Уничтожались все иначе, - чем руководство думающее: документы, факты, живые свидетели, все несогласные с ленинской политикой. Нам достались лишь крохи воспоминаний о том времени. Запутанные истории про заблудившихся в терниях эпохи и забытии людях, типа Долинина или красавца "бонопартиского" Полка М. Муравьева...

Но было все это с нами. На нашей земле. В нашем районе. наших домах и семьях. Потому мы не вправе забывать пройденного, отрицать память, какую бы горькой она не оказалась в действительности. Ведь только в чапанной войне было уничтожено около 300000 земляков.

И, все же, есть очарование

... И бьют в сиреневое небо
фонтаны жёлтые берез...
Давно поля расстались с хлебом.
Дни осени. Стихов и грёз.

И просыпаются поэты:
каскадом рифм и плоских фраз,
они терзают люди вас
в надежде, что не канут в Лету.

Недуг тяжелый графоманство.
Неизлечим, подобно пьянству.
И я в ряду таких поэтов
увы, подвержен страсти этой

Я помню девочек моих,
восторг и счастье дней иных:
косички, гольфики, игрушки, детсад....
И бантик на макушке.

Я помню девочек моих.
Как мы с тобой растили их
в стране, исчезнувшей однажды,
где нужен был ребенок каждый.

Я помню девочек моих.
и милый детский садик их,
где воспитатель (и кумир!)
вводила их в волшебный мир.

Я помню эти времена,
но напозла, как ночь - война.
Сошли с картинок серый волк,
лиса, что знала в курах толк...

И рухнул тот Волшебный Мир
и детский садик вместе с ним:
в крыле направо служит поп,
налево вывеска: "Секс - шоп"

ДЕВЯТЫЙ ДЕНЬ

Грусть нависает теплым дождем.
Люди уходят и мы уйдем.
А на полях перепелки поют,
Запахи меда травы льют.

Также, как прежде плывут облака.
В той же одежде луга и река.
Стелят туманы в лощинах дым,
Мысль посещает, что стал я седым...

Грусть оmyвает горьким дождем.
Мама ушла... И мы все уйдем.

Когда танки утjюжили крымскую степь
И пехота в ячейках дрожала,
Комиссары бросали матросов на смерть,
на распятыe фашистского жала.

Раскаленную степь, как гнилые мехи,
рвали в клочья их крики: "Полундра!"
И закрыли братишки телами грехи
всех "стратегов" - бездарных и мудрых.

Против танков - без пушек — знакомы дела!
Немцам бублики. Русским дырки.
Отступив, комиссары свинтили свои ордена,
но не собрав матерям бескозырки...

Время, время. Все тише молва
о погибших. ("Важней" есть вопросы).
Под горой Митридат полыхает в июле трава
или плачут души распятых матросов?

Александр Степанович Осипов члена Союза писателей России и автор двух поэтических книг. Но в журнале "Черемшан" он публикуется впервые.

СТАДО

Меньшинство вершит дела.
Большинство бредет, как стадо.
Ни двора и ни кола,
видно Господу так надо.

И везде, во все века -
пастухи, собаки, стадо...
Мнение есть — наверняка,
кто кнуту то стадо радо.

Радо, что дают травы
Пощипать поутру рано.
Радо с ног до головы,
что не всех казнят баранов...

Ведь когда на вертеле
жарят брата после таски,
плеть (так думается мне)
равносильна нежной ласке.

Плеть целительно-строга,
но бывало с ревом пьяным
поднимали на рога
пастухов быки — буяны.

И лилась водица-кровь
холеув, хозяев ада.
Но ... ползли года и вновь:
пастухи, собаки, стадо.

КВАДРАТУРА КРУГА

Двое и осень, кафе "стекляшка".
Дым папиросный, немые чашки.
Ревность, укоры и отчужденье,
Дрянной кагор — алгоритм примиренья.

Точно не зная, кто же ей нужен
Полухмельная, грубит не мужу.
Тушит, скучая, не муж сигарету.
Получужая, она ждет ответа.

Вместо ответа — такси и вьюга,
...Грехопадение — квадратура круга.

Помнишь? "Люблю" ты мне тихо сказала?
Пять только букв, а пронзили как жало:
Гордо на крыльях парил я в эфире
Самый счастливый, наверное в мире
Тело ломило от сладкого жара,
В каждой кровинке стонала гитара.

... Годы прошли. На перроне вокзала,
Помню сказал я: "Возьми свое жало.
Будешь отныне ты вольною птицей.
Может другому оно пригодится!"

Небо свинцовое землю прижало.
В черном футляре молчала гитара.

ЛЕСНОЕ "ОЗЕРО"

Пруд наполняет речушка-река
В нем отражает вода - облака.

Рыбки, резвясь в теплой воде
Вверх выплывают навстречу беде.

Чайки хватают их клювом. Мальки
Мечутся в страхе, но птицы ловки...

Глухо по камням шумит водопад -
Пленной стихии свободный он брат.

Просят о чем то его камыши,
Но он не слышит их робкой души.

ЦИКЛОН НАД ЕВРОПОЙ

Дождь ненужный прошел в декабре
- Снова лужи.
Ветры треплют Европу во мгле.
- Хуже стужи.
Буря ставит людей на карачки.
Немки в страхе ползут и полячки.

За грехи, видна смертные, всем икается.
Пускает Господь. Время каяться!

Трамвай, везущий бедный люд
в собес, в аптеку и на дачу,
кряхтит, подобно старой кляче,
и ропщет на грошовый труд.

Трамвай ободран, неуклюж,
с разбитым телом и ногами,
ползет по улицам, как уж.
Абориген в житейской драме.

Он презираем, что не тот,
кто пьет бензин, воняя газом.
Что любит лишь электроток,
невидимый простому глазу.

"Посторонись, пустой пенал!"
Сигналят автолимузины.
Несёт волна девятый вал
бензина, масла и резины.

Сдались в удушьи города
на милость вездесущей твари...
На лимузинах, в Никуда
несутся люди, как в угаре.

Стою на плотине у края,
где льды впаяли камыши.
Но плен воды и гладь немая -
не радует моей души.

Меня не радует, что чайки
исчезли, как и паучки.
А вместо бархатной лужайки -
травы замерзшие пучки.

... И все же есть Очарованье
в покорной нагоде берез,
небес загадочном молчаньи,
лишенных радуги и гроз.

Заманит в детство снега насыпь
и покрывалом чистоты
в душе, засохнувшей, погасит
пустые звуки суеты.

В законе непреложном Круга,
Земли вращенью в унисон.
Осенний дождь сменяет вьюга,
а после вьюги - зимний сон.

В океане поэзии я лишь микрочастица:
бьюсь над смыслом стиха,
как влетевшая в окна синица.

Результата от этого часто не видно:
тысяча слов, все не нужных
и это обидно.

Но бывают порой на заре мгновенья,
кто то шепчет стихи мне.
Добрый ангел наверное?

Как ажурны они — (не мои) эти строчки!
И, боясь позабыть,
я спешу записать их - до точки.

Записная книжка от "А" до "Я":
адреса, имена, телефоны.
Ты в отставке со мною, подруга моя,
годы мчат, как экспресса вагоны.

Весь Советский Союз на страницах, как есть -
от Кронштадта, до Владивостока!
Адресов дорогих, телефонов - не счесть:
с кем учился, служил и работал.

Записная книжка от "А" до "Я" -
в Риге, помниться, куплена мною.
Где бросали на рейде свои якоря
корабли, утомленные морем.

Весь Советский Союз в книжке той - невредим
(Далеко еще было до "вышки")...
"Гамарджобо" - в Цхалтубо горланит грузин
и "лабрид" - говорят мне латышки.

Записная книжка от "А" до "Я"
Неуютно нам в сумрачный вечер:
раскололась, как чаша, Отчизны моя,
а друзья: кто ушли, а кто-то далече.

Шентала. Закат кровавый,
Сухостой сосны корявой,
Шапки липового цвета -
Сенокос. Макушка лета.

Шентала, полна ты грустью.
Шентала, ты захолустье.
... И представилось вдруг зримо
мне, в Елабуге
Марина.

Из цикла "Рубаи"

Отчего не любим мы живых?
По сусалам бьём наотмашь и под дых.
А добив, жалею мертвеца:
Люб он нам, что навсегда утих.

На Руси всегда правителей кланут,
но клянуших спины - любят кнут.
А когда устанет "двигатель народный"
его снова спины позовут.

Тысячи лет воюют народы:
делят моря и небесные своды.
И не боятся служенья Мамоне,
божьего гнева, законов Природы.

Главы из поэмы "Взрыв"

IX

...Вино любви, о как ты терпко!
Как будоражишь Жизни кровь.
Бурлишь и стонешь в каждой клетке.
Ломаешь все. И строишь вновь.

И ни какой в пути преграды
не существует за награду
влюбленным вместе быть хоть час.
Вдали от посторонних глаз.

Тайну жизни разгадать пытаюсь я:
почему невежды у руля?
Разум же веками "умывает руки" -
кровью плачет от того земля.

Чайки летают над гладью пруда
и облака отражает вода.
Замер рыбак на резиновой лодке
в сладкой неволе святого труда.

О, как волнует сиреневый цвет.
Не было раньше такого. Нет!
Видится в этом такая причина:
меньше осталось, чем прожито лет.

Я на празднике жизни был весел втройне!
за троих улыбались женщины мне:
за отца и за братьев мамы моей,
в цвете лет убиенных на страшной Войне.

Кто не желал хотя бы в мыслях
вкусить запретный спелый плод?
Слаб человеческий наш род -
святые разве только в Высях.

Но в сказке этой нет святых.
И в жизни не видал я их.

X

Она была давно не дева,
но лепетала ему: "... Грех ...
(И не владея уже телом)
...нельзя, есть муж ... ты лучше всех".

С улыбкой слушал он сказанья,
Ее смущенные признанья,
Что полюбила мол давно,
Что пала низко для Него.

Но эти женские уловки,
притворной скромности личина,
Пьянят не каждого мужчину,
скорее юношей неловких.

Он не был, правда ловеласом,
но слышал это. И не раз.

XIII

... Итак, любовники встречались,
воруя жгучую любовь.
И все сильнее увлекались
запретным, разжигая кровь.

Весны качели их бросали
и не могли они уж сами
качелей тех остановить,
порвав безумной страсти нить.

Но понимали — сколь не виться
веревочке. Придет конец -
растает сладкий леденец.
И нужно впрок спешить напиться.
А между тем изведаль каждый,
чем больше пьешь, тем больше жажда.

XX

Он проболел почти полгода.
Узнал тоску и сердца боль,
крепко, "налитый" от природы
он похудел. Как будто моль

в нем завелась и ела душу.
И в жилах крови ток нарушив,
опустошила враз его,
да так, что даже и вино

Ему почти не помогало.
Все стало тусклым и бесцветным,
Бродил он тихим, незаметным -
по площадям, портам, вокзалам.

А ночью голос ее страстный
рвал душу и будил
напрасно.

XXXI

Любите небо, горы, море.
Влюбляйтесь в вешнюю зарю
и проживете Вы без горя
лет девяносто, как в раю.

Себя любимого жалея,
и Драгоценное лелея,
бегите женщин, как огня.
Таков совет Вам
от меня.

Ведь Водопад безумной страсти
Несет любовников туда,
где нет покоя и следа,
где все кончается ненастьем.

Таков игры любовный нрав.
Скажите, разве я не прав?

ПОКОРОБЛЕННЫЕ СУДЬБЫ...

Василий СТРЮЧКОВ

Посвящается участникам, жертвам и невольным свидетелям локальных конфликтов.

I. В патроне от рая

Утомленный в постоянном напряжении и измученный, не спадающим ночным зноем и обжигающим, наполненным колючими песчинками, ветром, организм сдался. Веки сомкнулись. Голова поникла, упершись небритым подбородком в грудь. Берет, днем спасавший от солнечного пекла, съехал с затылка на лоб и теперь узенькой полоской тени прикрывал воспаленные веки от, не дающего заснуть света полной луны.

Белокрылое творение рук человеческих, прочертив столь же белую, словно из стекающей с плоскостей краски, полосу по идеально голубому холсту небосвода, ушло за горизонт. Где-то там, высоко в небе, поддерживаемый силами упругого воздушного потока, набирал скорость единственный "борт"...

Сергей сам не знал, откуда ему было это известно, но то, что растаявший в синеве лайнер является единственным и крайне редким в здешних краях транспортом, связывающим этот затерянный в бескрайнем океане островок и его лазурную лагуну с остальным миром, он ни капли не сомневался. И что главное – по этому поводу он не особо-то и печалился. Все внутри Сергея жило ожиданием нового, не познанного, светлого. В душе чувствовались знакомые по детству подъем и непринужденная легкость.

Такое с Сергеем не случалось уже давно. С тех самых пор, когда он пел в юношеском хоре, часами напролет отстаивая репетиции в "первом юношеском" ряду лишь для того, чтобы на концертных выступлениях один или два раза подать свой юношеский голос, расширяя им диапазон взрослых, академически поставленных, теноров и баритонов. Именно в этом хоре, время от времени, выезжая на короткие гастроли, Сергей ощущал нечто подобное. Каждый раз, как он приезжал в новый, ему незнакомый город, с которым молодого хориста связывали лишь ожидание нового, и в котором его не тяготили никакие заботы, в душе вырастали подобные чувства.

Именно эти воспоминания выплыли из памяти, как только Сергей вдохнул оздух нового мира, эйфорией разлившегося по организму. Мозг вмиг очистился от м. слей, свойственных обремененным бытом и повседневностью людям. Он медленно и осторожно сел на густую траву, мягким ковром растелившуюся под ним, запрокинул голову, подставив лицо под теплые лучи полуденного солнца и, вдохнув очередную порцию, набежавшего легким ветерком опьяняющего воздуха вовсе повалился на спину, широко раскинув руки и ноги.

Будто чувствуя, что вновь прибывший на остров вот-вот должен отойти ко сну, молодая пальма качнула своими широкими листьями и нависла над Сергеем живым шатром. Природа курортного островка была готова "вывернуться наизнанку" лишь бы обеспечить комфорт и уют новому "постояльцу".

"Интересно, а как здесь с обществом? Где островитяне? Меня же должен кто-то встречать, в конце концов..." - преодолевая напавшую на него дремоту, удивленно заметил Сергей, прежде чем сомкнуть сплясывающиеся сонные веки.

- Привет...
- Привет. Ты кто?
- Я?
- Да...

- Ксана?
- Хм-м. В школе у меня была подруга...
- ... и ее тоже звали Ксана...
- Да. Откуда ты знаешь? И почему ты говоришь на русском? – удивился Сергей, никак не ожидавший встретить на этом острове кого-либо из своих.
- А я и не говорю по-русски.
- Не говоришь? Но я же тебя понимаю?
- Да. Тут все друг друга понимают...
- Кто это все?
- ...

Девушка, словно вышедшая из представлений Сергея о девичьей красоте, легкой походкой шла по пляжу, без видимых усилий двигалась по зыбкому песку, в котором утопали ноги Сергея. Со стороны могло показаться, что она подобна облаку, спустившемуся на землю и гонимому по пляжу легким ветерком. Но это со стороны. Сергей же ни чего не замечал. Его взоры были прикованы к Ксане.

Изящное, словно выточенное из нежно-розового мрамора, тело хотя и было одето в какие-то невесомые, повторяющие каждый изгиб ее стана, одежды, казалось настолько нагим, что любая обнаженная красotka с аляпистого постера того же "Плейбоя", в сравнении с нею казалась не вмеру "завернутой" в бесконечные витки ткани. К тому же слабый ветерок, время от времени набиравший силу, чтобы колыхнуть ее одежды и бережно перебрать локоны янтарных волос, еще больше усиливал это впечатление. За нею так и хотелось идти и идти. И больше ничего, никаких вопросов, ни каких предложений и даже никаких фантазий...

- Ты откуда здесь?

- Оттуда, откуда и ты... - ни один ответ Ксаны не нес в себе полного удовлетворения любопытству Сергея, каждый раз оставляя что-то недосказанным, таинственным.

- Это как? Из России?

- Можно сказать и так...

Допытать Ксану откуда она именно и как попала на этот, затерянный в безбрежном океане островок Сергею так и не удалось. Да вскоре этот вопрос перестал быть для него актуальным.

Не прошло и нескольких дней, как он привык, втянулся в неспешный, размеренный ритм жизни острова и апатично предался бесконечным возлежаниям на залитом солнцем тропическом пляже, просеиваниям сквозь пальцы морского песка и купаниям в волнах прибоя.

При этом всегда рядом с ним была Ксана. Сергей настолько свыкся с ее постоянным присутствием, что просто не замечал те чудесные превращения, что с ней происходили. Она-то была с длинными золотистыми волосами, в цветастом купальнике, то - представляла завитой блондинкой в белом полупрозрачном платье...

Да и сам Сергей не избежал подобной трансформации. Одежда, что была на нем в первый день, куда-то испарилась и, теперь на его теле красовалось зеленое переплетение стеблей, листьев и чуть влажных, свежесорванных водорослей, опоясывающие смуглые от загара бедра и, лежащее эпюлетами, на таких же шоколадных плечах.

- Классно тут у вас. Так бы и не уезжал, наверное...

- Почему, наверное? Тебе что-то здесь не нравится?

- Нет, здесь прекрасно. Да к тому же с тобой... Так бы и пролежал на песке рядышком...

- Тогда что же?

- Не знаю. Но что-то не так. Я все время жду подвоха.

- Какого?

- Любого. Цунами, шторма, тигра-людоеда, насморка, в конце концов...

- Успокойся, глупенький. Ни чего этого здесь не бывает!
- Почему?
- Потому что ты не заслужил этого.
- Почему ты так решила?
- Я знаю...

Ксана накинула на себя легкую фиолетовую ткань, заменявшую ей пляжный халатик и, поднявшись с песка, обратила свой взор как раз в ту сторону, в которой давным-давно растаял инверсионный след самолета. При этом ее взор был задумчив и печален, что смог заметить даже Сергей, отнюдь не являвшийся знатоком человеческих душ.

- Тот, - Ксана кивнула в сторону далекого горизонта, - кто там, был чист, здесь может не бояться тайфунов и насморков.

- А я был чист?
- Да...
- Послушай Ксан...
- Да?
- А когда прилетит самолет?

Казалось, сбившись со счета, сколько дней он уже здесь загорает, купается и наслаждается обществом Ксаны, Сергей, в один из тропических вечеров, вдруг вспомнил о том единственном "борте", что соединял остров с остальным миром.

- Самолет?
- Ну, да, - мне уже пора.
- Куда?
- На службу... На пост...

- Самолета не будет. Ни самолета, ни корабля, ни даже маленькой лодки, - спокойным голосом, словно она предлагает Сергею отведать кокос или сочный апельсин, ответила Ксана, даже не удосужившись повернуть в его сторону голову.

- Почему?
- Ты еще не понял?
- Чего не понял?
- Ты здесь навсегда. До скончания веков. И не на какую службу тебе уже не надо.
- ...?
- Ты сюда и попал напрямую с этой службы.
- Ну да, меня послало Министерство обороны подлечить раны...
- То, что Министерство обороны это точно. Вот только как излечить смертельное

ранение...?

- Чего?!

В мозгу Сергея словно что-то лопнуло. В глазах на мгновение потемнело, а когда вновь вернулось зрение, сознание уже выстроило четкую картину происходящего вокруг.

"Черт! Это же рай! В том понимании, в каком, я с детства представлял себе места обетованные! Это что же? Я мертв?! Убит?! Не-ет! Я помню, что я еще жив! Я просто уснул! Уснул на посту! Нужно просыпаться! Срочно просыпаться..."

Забыв про Ксану и ее остров, Сергей вскочил на ноги и кинулся бежать к воде, что волнами прибоя накатывала на пляж. По мере того как он приближался к морю, бежать становилось все трудней. Ноги, которые босыми стопами обошли, наверное, весь остров, перестали чувствовать тепло нагретого солнцем песка, ощутив вместо этого крепкое объятие туго затянутых "берцовок".

С каждым шагом Сергей всем телом ощущал, происходящие с ним изменения. Зеленый венков, заменявших ему одежду, растеклась по телу и, превратившись в прочный материал, маскировочным халатом застегнулась на груди, которую тут же стиснул набитый боеприпасами "лифчик". И наконец, тяжелая каска накрыла голову,

приглушив собою шумы океана и крик Ксаны, доносящиеся до Сергея.

- Стой! Остановись! Подожди! Остаешься чистым! Возвращайся! Мы будем ждать! Я и ребенок! Слышишь! Мы будем ждать...!

"Тьфу-ты, черт! – выругался Сергей, пробуждение которого больше походило на прыжок в набежавшую холодную волну, – присниться же такое...!"

Он вновь был на посту, в своем маленьком окопчике из которого, как на ладони были видны оба участка дороги. Но был он здесь больше телом, чем мыслями. Мозг продолжал жить Сном.

"Что, она там кричала? Что у нее будет ребенок? Что будет ждать? Это хорошо... Что нужно остаться чистым. Как там в заповедях? Так: не воруй, не прелюбодействуй, не чревоугодничай, не гордись чрезмерно, кажется, - не скупись, не обмани и не убий. Не слабо! Хотя... И что, из этого я ни чего не нарушил...?"

Течение мысли, еще не вернувшейся в лоно реалий, нарушил шорох. Сергей высунулся из окопа и тут же, в свете горящей на шлагбауме лампы, увидел темную тень, ползущую к посту из мрака ночи.

Руки "самовольно" поднесли к плечу автомат и передернули затвор...

"Нет! В заповеди сказано не убий!" – воскликнуло сознание и тут же оно потонуло в грохоте выстрелов.

Сердце и дыхание замерли, боясь помешать мозгу, - отсчитывать выстрелы.

"Раз, два, три..."

Слыша как лязгает затвор автомата, всякий раз досылая патрон в патронник, Сергей жил вне времени, спеша- до того, как мозг досчитает до тридцати, додумать то, что еще не додумал.

"... но тогда я предам – предам своих... Восемнадцать, девятнадцать..."

Автомат одной длинной очередью расстреливал вставленный в него "рожок", беснуясь в руках рядового, а появившиеся из ночи десяток черных силуэтов - уже не крались по обочине, но выйдя на асфальт дороги, шли в атаку.

"Мать вашу! Что же вы не просыпаетесь, вояки хреновы! Я же - сейчас точно кого-нибудь убью! Двадцать пять, двадцать шесть..."

Сергей на миг оглянулся назад и увидел, как из землянки выскакивают сослуживцы, муравьями рассыпаясь по окопу. Еще немного и их стволы заговорят свинцом. Но этого "немного" уже не было – слишком близко подошел враг.

"Что же делать?! Что делать?! Двадцать семь, двадцать восемь... - зная что в магазине осталось всего два патрона и, видя насколько близко подошли боевики, заметалась была душа Сергея, но, вмиг отрезвевший мозг, сжал ее в кулаке. – Какого черта? Бей их! Это всего лишь сон!"

С последним выстрелом, после которого из раскаленного ствола вырывались лишь тишина и пороховой дымок, на горячий асфальт рухнул сраженный последней пулей боевик.

Грудь Сергея вновь наполнилась воздухом, чтобы отдать его в кровь... В кровь, бившую фонтаном из... пробитого пулей сердца.

Сергей закрыл глаза, выпустил автомат и, больше не обращая внимания на ставший теперь далеким и посторонним треск автоматов, медленно осел на дно окопа.

"Попал! Последним патроном...! Не утерпел...! Жаль... Жаль тебя Ксана..."

II. “Ложный” подосиновик

“Грибов нет. Пусто...”

Мужчина в непромокаемой “болонье” и кирзовых сапогах, с корзиной в руке, неспеша вышел из чащи леса. Судя по количеству грязи, налипшей на подошвы его сапог и по не успевшей просохнуть после утреннего дождя куртке, он, далеко не первый час бродил по лесу. Все это, вкупе, с висящим за спиной рюкзаком и большой берестяной корзиной, качавшейся на кончиках пальцев его вытянутой “по шву” правой руки, не позволяло сомневаться – на опушку леса вышел заядлый грибник.

Но сегодня грибку явно не везло – в старой потемневшей от времени корзине, лежало всего лишь два маленьких грибка.

“... Вроде бы до меня здесь ни кто не ходил. В такую глухомань не всякий-то и зайдет – до ближайшей дороги топать и топать. А грибов нет”.

Корзина соскользнула с пальцев, и, с шелестом опавшей листвы упала к ногам хозяина.

“Предлагаешь сделать привал?” – лукаво подмигнув, спросил своего плетеного напарника грибник.

И, в последний раз затянувшись остатком тлеющей “Беламорины”, сел рядом:

“Что ж, пусть будет привал...”

Из рюкзака появилось несколько аккуратно завернутых в газету бутербродов и термос. И вскоре аромат настоящего: на душице и мяте чая и запах лежащих меж толстых ломтей хлеба копченостей, уже заспорили с запахами посвежевшего пол полуденным солнцем влажного леса.

“Гм-м. А ведь было время... Был богатый грибной год. Грибов была тьма”, – вздохнув под мерное движение челюстей, Николай Круженков, если конечно нацарапанные на термосе имя и фамилия, принадлежали трапезничающему, углубился в воспоминания, нахлынувшие на него при одном только упоминании “богатого грибного года”.

Долгое, промозглое утро кончилось ближе к двенадцати, растаяв в волнах полуденного тепла. Осеннее солнце, пробиваясь сквозь поредевшую листву деревьев, было уже не в состоянии прогреть холодную землю, но его еще хватало, чтобы согреть тело. А это было как раз то, чего с самого своего пробуждения желал Николай. Только теперь, согрившись, он почувствовал себя комфортно. Шаги, по виляющей из стороны в сторону тропе, перестали быть мучительными, рюкзак – тяжелым, а одежда – до противного холодной и сырой. Даже, казавшийся однообразно серым лес, растущий по горным склонам, приобрел в его глазах краски, оттенки, наполнился звуками.

Правда, времени на любование видами пробуждающейся природы не было. Николай шаг за шагом отмерял метры пути, не разрешая себе хотя бы на секунду оторвать взгляд от этих самых метров. Черные, блестящие от влаги носки сапог то и дело влетали в поле его зрения, для того, чтобы с приятным шелестом опуститься на мокрую листву и в следующую секунду, следующим шагом поднять ее с земли.

Да и радоваться теплу и проснувшейся природе долго бы все равно не пришлось. Тепло быстро превратилось в духоту, поднимающихся с земли испарений. Редкий же, азиатский лес с его, изуродованными высотой и крутизной склонов, кособокими деревьями, навевал тоску. Тоску по родным рощам, лесам и перелескам, куда более живописным и более близким сердцу Николая. Но сейчас таким далеким и забытым, что казалось и существовавшим только на картинах “Третьяковке”.

Однообразие, однообразием, но вот, боковое зрение заметило, что-то до боли знакомое, ярким пятном выделяющееся на фоне серых стволов и разлитой по земле желтизны. Настороженный взгляд Николая сфокусировался на потревожившем его объекте.

Пень. Это был пень. Торчащее из земли воспоминание о некогда большом дереве, до самого верха было усыпано опятами, по которым так и плакала сковородка с жаря-

щейся картошкой.

- Соберем, командир?

- Нет!

- Давай соберем...! На жареху... Чего бояться? Я сейчас здесь все проверю...

- Нет! Некогда... Да и некуда...

Опята под печальные взгляды проплыли мимо, оставшись где-то позади, и, лишь запавшая в память Николая картина грибного изобилия, тревожила неудовлетворенную душу.

Вновь лесная дорога. Опавшие листья, грязь, коряги, листья, лужи... Поваленное дерево, перегородившее дорогу. И вновь бесчисленное количество грибов, взбирающихся по стволу подобно лепящимся друг на друга ласточкиным гнездам. Но надо идти. Командир сказал, – “собирать некогда” - значит некогда.

Николай понимал причину запрета, но душой был не согласен ни с командиром, ни с довлеющими над ними обстоятельствами:

“Всегда можно найти минуту другую... Сколько можно играть в войну. Я бы сейчас поиграл в грибника, а потом - поужинал встась. Надоело... Домой хочу”.

В бесконечном коридоре из торчащих, то и дело попадающихся на глаза куда только не падал взгляд Николая, грибных россыпей, сохранять спокойствие. Еще тяжелее было смириться с тем, что все это богатство достанется кому-то другому, если вообще не сгниет.

Вместе с грибами на Николая, вот уже второй год пребывающего в длительной “азиатской командировке”, напала ностальгия по “гражданке”, родному кварталу, речке, девчонкам, юношескому озорству, в конце концов.

“Черт! Сейчас брошу все и просто надеру грибов! Пусть потом говорят, что я варвар! Плевать! Этим, которые не варвары, сейчас не до грибов! Интересно? Если я – не грибник - вижу столько грибов, сколько их здесь найдет грибник? Мешок два, три...?!”

Вдруг – “Стоп! Стоять! Не шевелиться!”

Писк зуммера, раздавшийся в наушниках, оборвал мысли Николая, превратив идиллию грибного рая в хаос.

Левая рука взметнулась вверх, сигналив об опасности. Цепочка, следовавших за Николаем солдат, остановилась. Лишь, шедший первым Николай, выставив вперед стангу миноискателя, осторожными шагами двинулся дальше.

- Колян, мина?

- Похоже, командир. Сейчас узнаем.

- Оставь. Обойдем.

Но Николай, словно не слыша приказа, продолжил медленно двигаться в направлении нарастающей сигнала.

“Ха, мина! Одна-единешенька посреди леса? Отдохните пока, а я посмотрю, что это за мина...” – не проронив ни звука, ухмыльнулся Николай.

Шаг. Второй. Третий.

Все! Противный писк зуммера буквально надавил на барабанные перепонки, говоря о том, что если это “звенит” мина, то она прямо под рамкой миноискателя. Николай осторожно подел миноискателем торчащий посреди дороги бугорок, откинул в сторону присыпавший его мусор и, вывел на свет белый ярко бордовую шляпку большого мясистого гриба.

“Ого! Гриб! Ка-ко-ой большой подосиновик...”

- Погоди, командир... – вывесив рамку миноискателя над жгуче красной шляпкой подосиновика, попросил Николай. – Скорее всего, здесь какая-то железяка. На минах грибы не растут. При их остановке - грибница обычно не сохраняется...

- Колька, бросай шутить!

- Какие шутки... – Николай, за плечами которого были десятки проходов по минным

полям, раскрыл перочинный нож и присел около своей находки.

"Если даже это мина, то чем не повод: остановиться, нагнуться и срезать первый гриб... Дескать в целях разминирования. А где первый, там и десятый..."

Слегка проржавленное, за два года пользования лезвие ножа, коснулось мясистой ножки подосиновика...

Николай Круженков неторопливо собрал остатки трапезы в рюкзак, накинул его лямки на плечи и встал на ноги, намереваясь продолжить поиск.

"Да-а. Было время. Грибов было - тьма..."

Плетеная ручка легла в скрюченные холодные пальцы правого протеза и пустая корзина, качаясь в такт шагам уходящего вглубь чащи грибника, скрылась за посеребрившими в ожидании зимы деревьями...

III. Тротиловый страх

Жара, 42° по Цельсию. Невидимое за крышей автобуса солнце, висящее в зените, источало неимоверный зной, к которому примешивался жар раскаленных цилиндров двигателя и запах парящей солянки. Но, ни то, ни другое, ни третье - не могло поколебать желание пассажиров доехать в этом автобусе до нужных им остановок. Причем, желающих было столько, что створки автобусных дверей не сходились, оставаясь полураскрытыми на всем протяжении маршрута.

- Пройдите вперед!

- Куда?!

- Ну, куда-нибудь! Я едва стою!

- А я что поделаю! Надо было ждать другого автобуса, а не лезть в этот.

- Вот ты бы и ждал! Когда этот автобус будет?!

Свойственные когда-то только для часа пик, разговоры на "нижней ступеньке", теперь происходили постоянно. И если раньше подобные диалоги могли перерасти в скандал, то сейчас они воспринимались как само собой разумеющееся общение, оправданием которому были жара, кризис и общая нервность.

- Смотрите! Ай, ай... - женский, не то всхлип, не то вздох, заставил многих обернуться назад. - Мужчина... Мужчина упал!

Все кто был в автобусе, - насколько это позволяла, царящая в салоне толчея, попытались проследить за судьбой выпавшего. Но, невозмутимость водителя, продолжавшего вести свой огромный "Мерседес" по маршруту, лишала их этой возможности.

- Безобразие! Возят нас как какой-то скот для убою!

- А что вы хотите? Хорошо хоть так... В Навалахе сейчас и этого нет.

Гудевшие по поводу тривиального, в общем-то, для прифронтового города "случая на транспорте", пассажиры, при одном только упоминании о Навалахе вмиг забыли, о несчастном.

- Навалах...?

- Вы из Навалаха...?

- Как там? Говорят, город полностью разрушен?

- Там шли бои... У меня брат оттуда... Рассказывал...

- А у меня там дочь с семьей... Знать бы как они...?

- Был я в Навалахе... Давно, правда... Уютный городок...

Постепенно за разговором, в котором каждый говорящий не столько слушал соседей, сколько делился воспоминаниями и изливал на них свои тревоги, пассажиры рейса забыли и о выпавшем на ходу мужчине и о рухнувшей транспортной структуре местного автохозяйства и, о многом другом. В личных монологах, подменявших собой

общий диалог, ни кто и не заметил, как, окунувшись в свой личный мир, из беседы вышла сначала одна небольшая часть пассажиров, за ней другая - более многочисленная, а под конец и третья, состоящая из самых многословных и впечатлительных женщин.

В конце-концов, все вернулось на круги своя. За стихшими монологами вновь послышалось негромкое хлюпанье колес по асфальтовым лужам. В салон вернулись - зной, духота и запах солянки. И пассажиры, воротящие свои лица от горячо дышащих на них соседей, вновь остались один-на-один с тяготами своего пути.

Проехав очередной отрезок маршрута, автобус замедлил ход и, зашипев пневматикой открывающихся дверей, остановился у обгоревшего остова остановки, некогда бывшей - не то газетным киоском, не то - фруктовой лавкой.

- Выходите?
- Да...
- Выходите?
- Сейчас пропущу...
- Выходите?
- Нет.
- Дайте пройти!
- Встали здесь...
- Не толкайся! Раньше надо было дергаться!

Люди, подобно гороху, выдавливаемому из дырявого мешка, посыпались на остановку, выходя сами и выпуская других. В общем, - ничего примечательного, если бы не одно "но", из-за которого, ни чем не примечательная на данный кризисный момент остановка, неожиданно стала центром, всеобщего внимания.

- Ай, ай, ай! Бедняжка! Ай, бедняжка... - запричитала едва помещающаяся в кресле дородная дама, словно испугавшись того, что не могла оторвать своего взгляда от этой остановки...

- Где ее нерадивый муж...?! - тут же подхватил кто-то из пассажиров, первым понявший, в чем дело. - Как он мог...?

- Отпускать одну...?!
- В такое время?!
- В такую жару?!
- С таким животом?!
- Это позор для еврея...

- Яхве, погодите, порочить ее мужа. Откуда вы знаете, что с ним. Может быть он уже разговаривает со святым Моисеем. Э-э... Сзати! Молодые люди! Помогите женщине! - осудив галдящую толпу, призвал пожилой мужчина, по одному только внешнему виду которого, еще до того, как он заговорил, было понятно, что он служитель синагоги - очевидно той, что недавно взорвал арабский камикадзе.

Молодые ребята, стоящие на задней площадке, с явной неохотой, своими недовольными лицами, просто-таки озвучивая бурлящее в них возмущение, зашевелились. Ослушаться, а уж тем более воспротивиться словам равина им было не позволительно. Толчея в хвосте автобуса усилилась. Кто-то еще сильнее прижался к ближнему, вдавливая его в соседа, кто-то посчитав для себя это невозможным вышел из автобуса. Так или иначе, - место, для стоящей на остановке беременной женщины освободилось настолько, что она теперь могла не бояться быть раздавленной при первом же торможении.

Женщина, несколько боязливо посмотрела на освободившееся для нее пространство и, после недолгих сомнений, шагнула к автобусу. И тут же ей навстречу протянулись руки мужчин желающих помочь подняться на ступеньки.

Зашипела пневматика и створки задней двери, наконец, впервые за этот рейс, не встретив преграды в виде чьих-либо ног и спин, полностью закрылись. Автобус

плавно двинулся дальше.

«И, чем только думает эта молодежь?! - почти случайно сорвалось с языка кого-то, из стоящих в середине салона, – Пожалели бы и себя и ребенка. Рожать в такое время?!»

Сокрушавшийся, ни к кому персонально не обращался. Скорее всего, говоря это, он даже не думал, что его слова будут кем-либо услышаны, и уж тем более, - он не ждал ни какой ответной реакции. Но реакция не замедлила последовать:

- Ва! А какое, еще время?!

- Война...

- Какая, такая война?! Я сколько помню, всю жизнь у нас в Эреце либо война, - либо перемирие, - лишь услышав ответ завелась все та же женщина, немалые размеры которой говорили, что она мать бо-ольшого семейства. – И, как только можно говорить такое?! Рожать нужно!

- Да, да! И как можно больше! Кто по-вашему потом будет защищать нас от врагов?!

- Яхве, о чем вы говорите, нечестивые? Побойтесь бога! Дети - это же прекрасно! Они - агнцы божьи. И они не виноваты, что это время выпало на их рождение! - раввин вознес руки к небу и забудил молитву, которую тут же подхватили близстоящие.

И уже через несколько секунд большинство пассажиров присоединились к его службе, превратившись в единый хор.

Мужчина, произнесший первую роковую фразу, после такого, сразу же вышел из разговора, посчитав за благо не связываться со столь шумной оппоненткой и раввином. И, едва начавшийся спор угас, что правда, не успокоило раввина:

- И как можно сомневаться в этом или искать ЭТОМУ оправдания? Причем тут война, и причем - защита...? Разве можно так смотреть на рождение ребенка! Вы бы еще вспомнили, что на старости лет вам некому будет мацу разжевать! Дети это святое. Дети это... – разошедшийся не на шутку раввин уже не мог до конца правильно выстраивать фразы и вообще логически завершать свои мысли – он просто задыхался от бурлившего в нем негодования и, от взятого им, непомерно высокого.

Правда, пассажирам пламенные призывы раввина были уже не нужны. Народ прямо-таки подпал под гипнотическое влияние духовного лица и, лишь одобрительно кивал на каждую его фразу.

- Правильно! Правильно!

- Для чего еще, как не для детей мы живем...

- Точно. Посадите женщину. Тяжело же стоять с бременем...

Задняя площадка вновь засуетилась, и перед беременной образовался коридор, ведущий прямоком к только что освободившемуся сидению.

- Рахмет, - сев на освободившееся кресло, поблагодарила женщина и тут же выпучив испуганные глаза, вскрикнула, словно сделала что-то недозволенное.

- Рахмет...? Рахмет... – эхом покатился по автобусу ужас, коверкающий выражения только что, чуть ли не умилявшихся лиц пассажиров.

- Арабка...?

- Арабка...

- Она - арабка!!!

То, с каким ужасом, а под конец, когда эхо докатилось до другого конца автобуса, с какой ненавистью произносились эти слова, предопределило дальнейшее развитие событий. В автобусе, в котором еще секунду назад витало человеколюбие, словно прогремел взрыв, и, подобно взрывной волне, - страх и негодование пронеслись по душам людей, пробудив в них дремавшую ненависть.

- Арабка – мать-ублюдка!

- Вот кто множится...!

- Рожают убийц! А мы вынуждены терпеть...!

- Гоните ее...

Несчастливая, хоть и не говорила на иврите, но вполне понимала, о чем кричат сомкнувшиеся вокруг нее плотным кольцом разгневанные люди. Первое, что пришло ей на ум – бежать!

Бежать сейчас же. Спрыгнуть на ходу и снова бежать. Но стоило ей, только попытаться встать с кресла, как сознание - предательски покинуло тело. И беременная женщина, лишившись чувств, упала на кого-то из ближайших. Мужчина, принявший в свои руки ее тело, подхватил его, не дав женщине упасть под ноги. В растерянности, не зная, что делать дальше, он испрошающе оглядел толпу и, увидев что соотечественники шарахнулись от него как от прокаженного, дрогнул. Он хотел, было водрузить ее обратно в кресло, но брошенный ему в спину крик заставил замереть. Причем не одного его:

- Она не беременна! Это не живот! Это бомба!

- Да! Точно, бомба!

- На той неделе арабы взорвали два автобуса! И сейчас хотят этого!

- Надо остановить автобус...

- Кто-нибудь, - пощупайте ее живот!

- Зачем?! Не надо ничего щупать! Просто выкинуть ее из автобуса и вызвать солдат с саперами.

- Стойте! Сейчас я посмотрю, что у нее там!

Невысокий, коренастый мужчина отделился от людской массы и подошел к арабке, продолжавшей висеть в руках еврея...

- Не устал? Помочь?

- Не надо.

- Тогда держи ее крепче...

Рука "смельчака" подцепила подол длинного платья, но двинуться дальше уже не смогла. Сильный удар сбил с ног и его и другого мужчину. Кто-то третий, на кого до этого не обращали внимания, в одно движение достиг места где разворачивались события, вскочил на поверженных им людей и, развернувшись к остальным грудью, рванул на себе жилетку из-под которой тут же вывалились разноцветные провода, уходящие куда-то под рубашку.

"Джихад! Свободу Палестине! Аллах акбар!"

Мощный взрыв сорвал с автобуса крышу и огненным шаром пожрал его и всех пассажиров...

IV. Коробка с двумя сотнями смертей

- Не дрейфь, Сашок.

- Я не дрейфю.

- Да? А ручки-то, дрожат?

- Холодно...

- Ерунда! - не только видя дрожание рук бойца-перводневки, но и слыша позвякивание, змеей извивающейся в них пулеметной ленты, старшина с положенным ему по званию солдатским юмором приободрил рядового. – Скоро "чехи" попрут – согреешься. Главное ПэКа² заряди, и ничего не бойся.

- Я не боюсь, товарищ старшина, – вяло и неуверенно ответил молодой солдат – ответил лишь потому, что надо было как-то реагировать на слова старшины.

И, пытаясь доказать, что в его душе есть и бесстрашие и готовность к бою, молодой паренек в пехотном камуфляже в одно движение, попытался вогнать патронную ленту в лентопротяжку пулемета. Но то, что на его памяти так лихо демонстрировали супермены Голливуда, ему сделать, конечно же, не удалось. Полнейшее отсутствие опыта и кардинальные отличия настоящего пулемета от бутафорского, привели лишь

к тому, что пулеметная лента, прогремев звеньями, соскользнула вниз и упала во мрак, заматаемого снегом ночного окопа.

“Молодец, раз не боишься, - сделав вид, что не заметил явного конфуза, - старшина похлопал незадачливого пулеметчика по плечу и пошел с проверкой дальше. – Сидоренко, не высывайся! Лялюшкин укрепи бруствер! ...”

Александр Горблевский – некогда студент престижного столичного вуза, сейчас сидел в наспех отрытом, промерзшем окопе, и в который раз, сокрушался по поводу дурацкого романа с дочкой проректора:

“Если бы я только знал, чья она дочь и каков ее папаша...? Сдавал бы сейчас первую сессию третьего курса!”

Если же представить какие чувства рождались в Горблевском при отряхивании, налипающего на спину снега и - от следовавших, одна за другой неудач с пулеметом, не трудно было понять, почему сдача экзаменов сейчас вспоминалась им, как нечто светлое и беззаботное. Но, увы, оставшиеся далеко-далеко.

Причем это “далеко-далеко” было вполне конкретным местом на карте России, отстоящим от нынешнего “места Шашиной дислокации” на добрых три тысячи километров.

Село Первомайское было прямо перед ним. Всего - каких-то пятьсот – семьсот метров от линии окопов. Как объяснил, принимавший пополнение старшина, на дистанции одного броска:

“Один бросок... Минуты две боя... И, либо вы их прижмете к земле - либо они впрыгнут в ваши окопы. А там уж - у кого штыки длиннее и нервы крепче...”

Штыка у Саши не было, а нервы начинали сдавать уже сейчас.

С каждой минутой, приближающей неминуемую развязку “первомайской” трагедии, с каждым новым провалом в приведении к бою вверенного ему оружия, Горблевский все больше и больше психовал, время от времени желая закинуть “долбанную железу” конструкции Калашникова - подальше в поле. Желательно туда, где всю ночь копошились саперы.

- Не получается, что ли?!

- У меня? – понимая, что в заданном ему вопросе, точнее в ответе на него, его спасение, Саша, сам, не понимая зачем, изобразил оскорбленное удивление. И, хотя в душе он давно признавал свое бессилие, ему все еще нужно было немного времени, для того, чтобы признать это вслух. Всего каких-то несколько секунд - чтобы успокоиться и решиться на обращение к неизвестному ему соседу- громиле с просьбой о помощи.

- Ты кончай прикидываться, дурень! Не получается - так и скажи! Дай сюда!

Рослый, борцовского телосложения парень положил свою огромную кисть на ствол пулемета, сжал его толстыми посиневшими от холода пальцами и, никак не реагируя на сопротивление хозяина, забрал ПК себе.

- Сейчас “чехи” попрут, дубина! А у тебя “газонокосилка” не заправлена! Давай ленту!

Саша обречено протянул “участливому” соседу ленту и превратился в молчаливого статиста, наблюдающего за неизвестным “таинством” - заряданием пулемета.

- Ты, сколько служишь?

- Второй месяц. Пошел... второй месяц.

- Нет. Я в смысле – здесь? Сколько здесь - на войне?

- Сегодня первый день...

- Понятно, – многозначительно произнес сосед, возвращая Саше пулемет. – С эшелона в бой. Много вас таких было... Стрелять-то умеешь?

Ответом на вопрос была тишина. Саша молчал - сам не зная почему. Он был оскорблен таким к себе отношением, и в то же время был раздавлен пониманием правоты столь низкой оценки своей значимости, как солдата.

Правда, даже дай он какой-нибудь ответ, то вряд ли-бы удостоились внимания. Было видно, что "старший товарищ" к этому моменту уже имел четкое представление о прибывшем "усилении". Менять свое мнение он не собирался. Да и предпосылок для этого не видел.

- Слушай сюда, малец...

Саша слушал наставления соседа с неохотой, если вообще слушал. Советы, способные составить честь любому преподавателю общеобразовательного училища, влетали в одно ухо и вылетали из другого. В голове оставались лишь пугающие обрывки фраз:

"Чехи" - попрут... Близо не подпускай – закидают гранатами... Когда поднимемся мы - не долбани в спину... Длинными не бей... И не забудь - с предохранителя снять! Полег у нас тут пацаненок - весь бой жал на крючок, и думал, что стреляет. "Чехи"-же взяли его тепленьким. Рассветет, можешь посмотреть – его голова торчит на шесте ближайшей изгороди! Обязательно посмотри – она тебе будет ориентиром и напоминанием..."

Пулемет, доставшийся Саше лишь потому, что его, как малопригодного к военной службе определили вторым номером к старослужащему верзиле Коле, вертевшему этот пулемет как пушинку и, перед самым выездом слегшему в госпиталь, тяжелой ношей лег в его закованные руки.

Прошел час, а может быть и больше. За спиной уже занимался рассвет, а обещанное: "сейчас "чехи" попрут" - так и не начиналось, продолжая тисками ожидания сжимать не только душу, но и внутренности.

Первомайское, обозначаемое в ночи кострами фугасов вчерашнего артобстрела, наконец-таки, выходило из-под одеяла ночи. Уже сейчас, в седой дымке, пограничной межой плывущей посередине снежной целины, и иссиня-черным, отживающим последние минуты ночным небосводом, можно было разглядеть россыпи черных пятен.

Воронки от разрывов бомб и снарядов, оставляя в идеально-белом снежном покрове черные, слегка припорошенные языки, сейчас, в предраассветной темноте походили на- "отпечатки копыт" тянущегося к водопою зверья. И, если у черты окопов, они встречались крайне редко, то по мере приближения к Первомайскому, единичные отпечатки объединялись в следы больших стай, быстро "затаптывавших" девственно белый цвет в черноту мерзлого грунта.

Село же представляло собой одно большое перепаханное поле, издалика кажущееся незамерзающим болотом, черной лужей, проявившейся на снежном покрове. Собственно, села, как такового, уже не было.

Над черным пятном, что как раз совпадало с границами Первомайского, высились столбы печных труб, не смогших сгореть вместе со стенами, некогда отапливаемых ими домов, да немногочисленные деревья - печально напоминало о садах, в зелени которых некогда утопало все село.

"Маленький Сталинград, – подумал Саша и тут же поправился. – Нет, скорее - Хатынь или Хиросима".

Что первое, что второе, что третье сравнение, для него были едины, различия между ними заключались лишь в степени разрушения и количестве жертв. В этом плане и Хатынь с Хиросимой были "побратимами" Первомайскому. Ни там, - ни здесь, в Сашином понимании, живых не было, нет, и не могло быть.

"Кто оттуда попрут?! – первый же взгляд на "просветляющееся" Первомайское словно перерезал лямки, удерживающие на Сашиных плечах тяжеленный груз страха и ожидания. – Разве там могли остаться люди?! Ха! Если только в виде обуглившихся головешек. Боя не будет!"

- К Бою! – эхом на последнюю мысль Горблевского ворвался в его мозг голос соседа.

- К Бою!

- К Бою.

- К бою... - катилось по окопу "живой цепью"³.

И, не дав стихнуть последнему "к бою", грохот выстрелов и вспышки взрывов разорвали долгую ночь.

В ту же секунду, что-то гроыхнуло за спиной. В ночи, разбрасывая в стороны снопы белых искр, багровым факелом пылкнула машина. Был ли это танк или БМП, - Саша не знал. Он не отличал одного от другой, да и ни машина приковывала его взгляд. В Сашиних глазах застыл - вывалившийся из люка горящий танкист, тело которого сейчас пожирала языки пламени, плясавшие по лобовому листу машины.

"Чего уставился! Стреляй, давай!"

Сильный удар в бок вывел Горблевского из оцепенения и наполнил его уши звуком боя. Впереди, в темноте, там, где рвались снаряды и мины, и откуда прилетали трассеры, наступал враг. Маленькие, с виду безобидные темные фигурки, то и дело мелькали в отблесках разрывов. Их было много. Как показалось Саше очень много. Они всё шли и шли, не ложась, не пригибаясь, в полный рост, невзирая на ураганный огонь и минное поле. И количество их все росло и росло. Горблевскому казалось, что враги его бестелесны - подобны снежинкам, кружащим над полем боя.

"Ты, что идиот?! Стреляй давай!"

На этот раз увесистый кулак, "шефствующего" над Горблевским соседа, лег на спину и буквально кинул Сашу на пулемет.

Пальцы сжали ручки ПК. Приклад уперся в плечо. И впервые в жизни Саша Горблевский нажал на спусковой крючок, наведенного на людей оружия.

Пулемет, не то прокашлял, не то, - пролаяв, железным лязгом мечущегося затвора, несколько раз ударил в плечо и замолк.

Саша попробовал посильнее нажать на спусковой крючок, потерял патронную ленту, даже встряхнул ПК, в надежде на чудо. Но чуда не случилось. Спусковой крючок все также мертво болтался под пальцем. Фонтана огня и трассирующего росчерка, что при первых выстрелах вырвались из-под рамки прицела, и которых Саша немного даже напугался, теперь не было. Правда, спокойней от этого Горблевскому не стало. Вместо слепящего пламени выстрелов, в его глаза буквально лезли "чехи", из маленьких темных черточек превратившиеся в хорошо различимых людей. Хотя, по тому, как они выглядели, людьми их Саша бы не назвал.

Одетые в изодранные, запачканные камуфляжки, лишенные каких-либо эмоций, кроме застывшей на каменных лицах кривой "каменной" улыбки, с остекленевшими глазами, от бедра длинными очередями полосуюя пространство, - боевики надвигались на Сашу.

"Почему? Почему они идут? Их что пули не берут?, - расширившимися от ужаса глазами Горблевский поверх пулемета смотрел на боевиков и машинально давил на спуск. - А может быть, никто по ним и не стреляет? Может, я остался один? Все убыты...?"

С этой мыслью, в попавший в прострацию мозг Горблевского, вновь ворвался грохот боя, словно кто-то щелкнув тумблером, включил звук.

Скотившись на дно окопа, для перестановки опустевшего магазина, сосед, словно кожей почувствовал Сашин взгляд. Он мельком посмотрел в его сторону. И тут же, бурлившее в нем стремление быстрее вернуться в бой, иссякло. Вопрошающий взгляд наставника превратился в гневный взор, а вырвавшийся из его горла голос загремел подобно крупнокалиберному пулемету.

- Ты чего?!

- ... - еще не зная, что ответить, Саша с сияющим счастьем лицом, от того, что в окопе помимо него есть еще хотя бы один живой человек, растерялся и лишь протянул соседу пулемет.

- Что?!

- П-п-пулемет... - заикаясь невнятно было произнес Горблевский и тут же, осенен-

ный догадкой, выпалил. – Патроны кончились!

- Патроны...?

Сосед обвел Сашу придирчивым взглядом.

- Кончились? А ты стрелял?!

- Да...

- Я не слышал, как ты стрелял! Ты - придурок! Откосить хочешь?! Стреляй давай...

Пишущий гневом боец, протянул к Горблевскому свои руки, и единственное, что смог в свое оправдание сделать вконец перепуганный Саша, это вложить в них пуле-мет:

- Он не стреляет! – срывая голос, закричал Саша, готовый разрыдаться от обиды и от осознания своей беспомощности. – В нем наверно патронов нет!

Боец-ветеран вскинул вверх пулемет и демонстративно нажал на "спуск".

- Я же говорю, патроны...

Ни чего не говоря и ни как не реагируя на Сашу, он передернул затвор и вновь положил палец на спусковой крючок. Грохот выстрелов и всполохи огня обозначили воскрешение грозного ПК.

- Но он не стрелял...! Не стрелял...!

- Это осечка! Надо было передернуть!

- Ее больше не будет...?

- Передернешь затвор. Вот так! И все пройдет, – прежде чем вернуть ПК хозяину, "наставник" словно оценивая вес пулемета, потряс им. - У тебя в ленте еще выстрелов двести. Понимаешь, малец? Двести выстрелов – это двести смертей...

Хлопок, рванувшей за окопом, гранаты поглотил слова "ветерана" и в следующее мгновение от его философских потугов осталось одно воспоминание:

"Граната! "Чехи" у окопа! Давай малец! Вали их!"

И вновь, сильная рука соседа кинула Горблевского на бруствер, да так, что Саша едва не вылетел из окопа.

Из ствола Сашиного ПК полыхнул огонь. И тут же в поле кто-то вскрикнул и опрокинулся в снег. А на его место уже вставал другой, для того чтобы так же упасть. Отовсюду, куда только не уводила отдача ствол пулемета, доносились крики, взметались руки, и кто-либо обязательно, спотыкаясь на бегу, валился в снег.

Вскоре Саша перестал замечать пляшущее на конце стволе пламя. Перестал слышать слившиеся в непрерывный рокот выстрелы длинной очереди. Перестал ощущать подобную ударам молотка отдачу. Единственное, что достигало его мозга были брань, крики и какая-то нечленораздельная разноголосица, складывающаяся в бравую горскую песню.

Когда кончился бой, Саша не заметил. Так же, как и не заметил, когда кончились патроны. Остывающий пулемет лежал на дне окопа в грязной луже растопленного снега. Рядом сидел Саша...

"Есть кто живой? – глянув в окоп, окрикнул, появившийся, офицер с белой повязкой на рукаве. – Эй! Сюда! Здесь еще трое, без признаков..."

Рядовые медицинской службы, прибежав на зов командира, положили наземь носилки и попрыгали в окоп.

- Мертв. Пуля в голову...

- И этот мертв...

- А это кажись дышит...

Сашу попытались аккуратно положить на землю. Но при первом же прикосновении он, подобно высвобожденной сжатой пружине, вскочил на ноги и стал испуганно озираться вокруг.

"Живой?!" – окрикнул Горблевского офицер.

Саша попытался было выскочить из окопа, но нависшие на его плечах "медики" не дали ему этого сделать.

"Живой. Может быть контуженный. Но живой. Мертвые так не резвятся..."

- Рядовой! – спустившись все-таки в окоп, прокричал в ухо Горблевскому офицер.

- Ты меня слышишь?! Тебя как зовут?!

- Меня? Коробочек... Коробочка... Коробка... – зашептал в ответ Саша и тут же взорвался воплем, – Коробка на двести смертей! Не подходите ко мне! Вы же не хотите стать двести первыми?!

После нескольких инъекций Саша Горблевский успокоился, перестал биться в истерике и даже позволил санитарам вытащить себя из окопа и куда-то повести.

Вскоре он и вовсе стих и, понутив взгляд, молча шагал, поддерживаемый медиками. Лишь изредка над полем, изрезанным окопами, с проплешинами черных воронок и изуродованными телами, едва слышно звенел смехок придурковатого диснеевского дятла срывающийся с губ... Саши.

Ночь, луна И ветер...

Павел СНЮНЯЕВ

ИЗ НОВОЙ КНИГИ СТИХОВ

*

Мир устал. Крылами ветер
Проклял тучи. Побежали
Те, поля дождем пометив,
В неизведанные дали —
Усвистали.

Мир ослаб. В ночном убранстве
Лес серебрянен листвою.
С непонятным постоянством
Звезды козни под луною
Строят.

Мир заснул. На темном небе
Звезд уж нету. Сбившись в стан,
Глотки воронье теребит.
Час неслышно истекает —
Тает.

Мир пропал. Во тьме — ни звука.
Глаз коли — такая темень.
И на сердце сладкой мукой
Дремлет ласковое время —
Время.

2000 г.

*

Футляр открыт. Шкатулкою Пандоры —
Моя душа. Сужаются просторы,
Сжимаются сердца, немеют руки,
И, мысли жадные взяв на поруки, -
Влачусь, толпой безумною охвачен,
Освистан, напоен и одурочен...
И лишь любовь, во тьме людской сияя,
Неслышно и невидно оживляет,
Трепещет, словно свечки робкой пламя...
А я сижу, пытаюсь все одеть словами.

2003 г

*

Мир опять преображен:
Переделан, перекроен.
Весь, этаж за этажом,
Дом Весною перестроен.

Жгут опавшую листву,
Подгребая к дымной куче
Снег и неба синеву —
Весь наряд зимы. В падучей

Лед на речке изошел,
Горы в небеса вздымая.
А в леса апрель зашел,
Наготу в дерев снимаю.

Жизнь по-прежнему ключом
Хлещет — силы нет умерить!
Время думать ни о чем,
Пустякам судьбу доверить.

2000 г.

*

Наша жизнь подобна пробуждёнью.
Наши пальцы, нежность затая,
Все пытаются предать растленью
Величайшую из тайны бытия.

На венок успел осесть слой пыли
И могила заросла травой.
И среди лесистой этой стыли -
Глухо ночь аукает совой.

И опять — все в предрассветной рани,
И опять — восходит Солнца круг.
И тогда, когда ты к жизни встанешь,
Все как прежде, но — опять, но — вдруг...

1993 г.

*

Тихо шепчем о листе,
Что ушла за осенью,
О пожухнувшей траве,
О висках, что с проседью.

Тихо молим у любви
Счастья и забвения.
В кудри звезд давно завит
Месяц откровения.

В рамы окон вправит ночь
Все свои создания.
Тихо-тихо канем прочь
После осознания,

Что листва давно ушла
За пожухлой осенью,
На висках трава росла
Ярко-желтой проседью.

Стылый месяц косы плел -
Звездам откровения.
Не дождавшись нас, ушел
На круги забвения.
1997 г.

*

Шепчи мне о любви былой —
Я не поверю. Осень скоро.
Мокры кусты, дома, заборы;
Туман густою пеленой

Налег на спины. Я не в силах
Узнать, где души наши ждут.
Темно в полях — огня не жгут,
Ждут звуков. Звуков, сердцу милых.

Ждут казни. Вскоре на заре
Распяты будем. Но Свобода —
Вот символ продолженья рода;
Вот тот узор, что на ковре

Когда-то боги нам сплетали,
Когда я молод был. Тогда
Был проклят нами навсегда
Тот мир, который мы узнали,

Который бросил нас в аду.
Я жду свершения знамений:
Всю жажду прошлых поколений —
В одно свяжу, сращу, сплету.

Узором удивлен будь, мир!
Тот, кто подвластен — на колени!
Я — в стороне от всех молений,
Но первым приглашен на пир.

*

Шепот, шепот за горами
Снова слышу я.
Все завязано узлами
В дебрях сентября -

Желтый луч и на деревьях —
Траурный наряд,
Совершили в своих кельях
Осени обряд

Боги. Сколько будет длиться
Пытка желтизной?..
Мне хотелось бы умыться
Радужной весной,

Да напиться рос медовых
Из жемчужных роз.
И забыть про свой бредовый
К осени психоз.

Кто-то шепчет за горами —
Я опять не сплю.
Снова осень между нами.
Снова я люблю:

Чреду воспоминаний,
Памяти бурьян.
Спите, листья, вместе с нами.
Скоро будет пьян

Воздух дождиком осенним.
Скоро, навсегда
Заберутся в наши сени
Памятью года,

Боль и радость, смех и горе -
Слив в один бокал...
Шепот стих за кособором —
Даже он устал.

1996 г

*

Вон их сколько за оградой -
Листья, листья-кружева.
Лес зеленою прохладой
Ветки все околдовал,

Надарил теней полянам,
Грядки ягод насадил.
Я дышал и, словно пьяный,
Все бродил, бродил, бродил...
2002 г.

★

Дождь, дожди, дождя, дождями
Весь усыпан белый свет.
Подружиться, что ли, с вами?
Не за ради славы. Нет.

Просто каплями своими
Душу вытянул, нет сил.
Позабыл свое я имя,
Позабыл, чего просил.

Позабыл, чего я стою,
В думах голову склонил...
Подмывая все устои
Дождь молчал и моросил.
2002 г.

★

Чуда ждать со стороны.
Лето встретить на пригорке.
Слушать. Как в ветвях сосны
Разговор ведут иголки.

Верить в ветер на полях,
Думать о ночных туманах.
Жарить рыбу на углях,
Вспоминать о прошлых ранах.

Мерить думами свой мир,
Как шагами — казематы.
Сочинять среди придир,
“О”, и “для”, и чтоб без мата...

Да забыть, что ты поэт.
И попробовать словами
Просто разглядеть весь свет.
Весь. Со всеми чудесами.
2003 г.

Из европейской поэзии

ЯН АНДЕРСОН (С АНГЛИЙСКОГО)

Я тебя своей любовью
Поведу по тем местам:
Горы смотрят исподлобья,
А над ними тут и там —
Звезды. Вдоль глубоких речек,
Чье скольжение — Тьма и Сон.
Слышен в их походной речи
Синий бег за горизонт.

Бежим со мной на Летучий Остров.
В наших детях — Севера предки.
В тихом танце времен так просто —
На безумный простор из клетки.

Я тебя своей любовью
Проведу по тем местам,
Где ущелья улиц тлеют —
Пламя окон по бокам.
Трубы черепичной крыши -
В крошку - время истолкло.
Там, на крышах, тише мыши
Спит Эолово крыло.

Бежим со мной в тот Уставший Город,
Черепицей заткан, как сеткой.
Черепичный плащ, как шипастый Молох —
На безумный простор из клетки.

Лишь коснемся стен кирпичных —
Станем сразу мы иными:
Ливнем хлопьев необычных
С наших глаз спадет унынье.

Бежим со мной на Летучий Остров.
В наших детях — Севера предки.
В тихом танце времен так просто —
На безумный простор из клетки
2000 г.

РЕДЬЯРД ДЖ. КИПЛИНГ (С АНГЛИЙСКОГО)

А серые глаза — как дождь над побережьем,
Что камни оросил холодною слезой;
Как маленький корабль, подаренный безбрежным
Морям людской рукой. Как буря за кормой.

И я пою, прославляя Надежду и Веру!
То, что они принесли, - нам поможет, я верю.
Хоть тысячу нам испытаний, Судьба, уготовь:
В них наша во веки веков не погибнет Любовь!

А черные глаза — как трепет вод под килем,
Что раздирает пену молочную по швам;
Как скрипы колеса, считающего мили;
Как дар брызлянтный волн тропическим ночам.

О, Южный Крест! Ты небом экватора правишь,
Звезды скользить против воли твоей не заставишь.
Слышу я тихую, нежную звездную молвь:
“В нас ваша во веки веков не погибнет Любовь!”

А карие глаза — как пыль степи далекой,
Что в трещины спалил собой июньский энэй;
Как руки на узде: подкова, громче цокай!
И сердце — веселей стучи мотив родной!

Рядом с конем побежать — и дойти до ответа,
Того, что нам дали с тобою когда-то и где-то.
Пусть бьется сердце и пусть мне послышится вновь,
Что наша во веки веков не погибнет Любовь!

А синие глаза — как горные высоты,
Что инеем седым окрасил лунный свет;
Как будто ты спросил у Бена Мора: кто ты?
И эхо принесло с высот тебе ответ.

Хочу разорвать прощания крепкие сети:
В чарке вина колдовство возвращения светит.
Ее поднимая, скажу, хоть и тост мой не нов:
“Пусть наша во веки веков не погибнет Любовь!”

А девушки глаза подобны рая лону,
В них милосердья свет и в них любви оплот.
Я в жизни задолжал так много Купидону.
Что объявить готов: я рад, что я банкрот!

Я не могу расплатиться мехами и златом,
Но все же считаю себя я безмерно богатым:
Ведь в сердце моем остается основа основ —
Песня о том, что вовек не погибнет Любовь!
2000 г.

ДЖЕЙМС ДЖОЙС (С АНГЛИЙСКОГО)

За чугунной оградой сада,
В сиянии луны, отраженном в росе,
Собирает листья салата
Девушка, с тишиною споря в красе.

Ей прическу звезда поправляет,
Ее юный лоб целует луна.
Собирая, она напевает:
"Белокура я, белоснежна я, белопенна я, как волна!"

У луны я прошу: пощады!
Залепи мне уши и сердце укрой.
Ничего мне в жизни не надо,
Кроме той, что собирает салат под луной.
2000 г.

ЭДМУНД СПЕНСЕР (С АНГЛИЙСКОГО)

Знатный рыцарь едет по равнине:
За щитом из серебра — доспехи.
На щите заметны и поныне
Славы, храбрости и силы вехи.
Но теперь уж позади успехи;
Конь под ним строптиво бьет копытом.
Рыцарь спяну правит для потехи
Как попало - громким криком сытым.
Кто кем правит? Тут пойми, пойди ты...
1999 г.

УИЛЬЯМ Г. ДЕЙВИС (С АНГЛИЙСКОГО)

Ну что за жизнь, коль вся полна забот!
Не успеваем к ней мы присмотреться:
Нет времени взглянуть на небосвод,
И постоять на солнышке, погреться.

Нет времени окинуть взором лес,
Где белки прячут на зиму запасы,

Полюбоваться, как летят с небес
В ручей ночные звезды искупаться.

Нет времени взглянуть на красоту,
Почувствовать, как бьется наше сердце...
Из жизней всех я выбрал бы не ту.
Где к ней не успеваешь присмотреться.
1996 г.

ДЖОН МИЛЬТОН (С АНГЛИЙСКОГО)

Звезда мерцает в небе, день зовет,
С Востока солнце за собой ведет
Цветущий май, что зеленью объят.
И даже бледной примуле я рад.
О, долгожданный май! Ты вдохновил
И радость юности, и наш сердечный пыл!
Лесов и рощ вокруг небесный свет,
Холмов, оврагов и долин сонет!
Мы о тебе поем, как с гор вода,
Зовем остаться с нами навсегда.
1999 г.

ДЖЕФФРИ ЧОСЕР (С АНГЛИЙСКОГО)

(отрывок из поэмы "Дом славы")
... И не только из дальней страны
Тебе новости не слышны, —
От соседей, ниспосланных Богом,
Что живут в двух шагах от порога —
Нет ни весточки и ни письма.
Зря печешься о них. И весьма
Рано бегал с расчетной доскою.
Вместо дружбы лучей и покоя:
Ты приходишь в свой дом — одинок,
Молчалив, словно камень дорог.
Старой книгой займешь свое время
До тех пор, пока сон свое время
Не наложит на веки твои...

1999 г

КА Бытовая ТЬ КА

повесть

Летним утром, когда солнечные лучи уже начали основательно пригревать, к причалу лодочной станции подошел небольшой катерок. В нем находились два молодых человека. Один из них белобрысый, с короткой стрижкой и уже отросшим брюшком стоял на носу катера, готовясь пришвартовать суденышко. Едва катер коснулся причала, белобрысый проворно соскочил на мостки и принялся за дело. Его напарник – крепкий малый с лихо закрученным чубом каштановых волос занялся мотором. Заглушив и подвесив его над водой, он шагнул на середину катера и взялся за тент с намерением закрыть им кабину.

- Подъем! – неожиданно крикнул он хрипловатым голосом, глянув вниз.

Там, на деревянном настиле, прикрытом брезентом, спали две молодые особы. Им и была адресована команда чубатого. Но окрик на спавших не подействовал. Ни одна из них даже не шевельнулась. Уснули они не более как два-три часа назад после бурно проведенной ночи. Бессонная ночь с обильной выпивкой изрядно утомила молодых особ.

Одна из них, судя по внешнему виду, была постарше. Она привольно раскинулась на брезенте и довольно чмокала губами. Ее подруга спала рядом с нею, свернувшись калачиком, подтянув почти к самому подбородку худенькие колени и обхватив их руками. Выражение лица ее было жалким и страдальческим, словно она в недавнем прошлом перенесла какую-то личную трагедию. Ее бледные губы время от времени пошевеливались. Можно было подумать, что во сне она вела с кем-то неллицеприятный разговор.

Чубатый подошел к своим спутницам и слегка толкнул ногу той, что была постарше. На заспанном лице молодой женщины приоткрылись глаза. Она стала водить ими по сторонам, как бы силясь понять где она находится и что с нею. Встретившись взглядом с чубатым, она что-то промывчала и снова сомкнула веки.

-Ну ты давай с ними, Витек, а я поехал, - обратился к чубатому тот, что находился на мостках.

Он пошел на выход, где в ожидании своих хозяев, словно изготовившись к параду, стояли две темновишневые девятки. Водитель одной из них услужливо открыл своему шефу дверцу. Тот уселся, и машина, резво набирая скорость, вскоре исчезла из виду.

На катере же шла своя жизнь. Оставшемуся с женщинами чубатому, теперь мы знаем, звали его Виктором, после долгих усилий удалось-таки поднять одну из дам. Первой встала та, что была постарше. Звали ее Галиной.

Встав и стараясь удерживаться на покачивающемся катере, она, ни на кого не глядя, подобрала свою сумочку и, достав из нее зеркальце, взглянула в него. Вид собственного лица ей не понравился. Оно и впрямь выглядело не лучшим образом. Пудра и румяна лежали на нем лишь кое-где, пятнами, помада с губ вся исчезла, ресницы на веках выглядели словно лесная полоса после сильной бури, волосы висели клочками.

Сев снова на брезент, Галина принялась за хорошо знакомое дело. Вскоре ее усилия привели к желанному результату. Волосы на голове были прибраны. Кожа лица приобрела приятную белизну. На полагающихся местах заиграл заборный румянец. Губы заалели маковым цветом. Хуже было с ресницами. Чуть поправив их, она решила: с ними придется повременить до дому. И когда солнце заглянуло за борт катера и осветило ее, Галина выглядела довольно сносно и была совсем не похожа на ту основательно потрепанную девицу, которая совсем недавно смотрелась из ее зеркальца, производя на нее самое удручающее впечатление. В конце всей процедуры она повернулась к Виктору, как бы спрашивая его: ну как?

-Годится, - ответил Виктор, уловив и поняв ее вопрошающий взгляд и добавил: - Подымай Катюку.

Галина склонилась над спящей подругой с намерением разбудить ее. Однако, какое-то внутреннее чувство остановило ее. Глядя на это почти детское лицо, она вдруг прониклась к девушке неизъяснимой жалостью, той редкостной и, потому особенно чувственной женской жалостью, не просто как к человеку, а именно, как к своей сестре-женщине. Многим из нас, подумалось ей, уготована незавидная доля быть существами, созданными для утехи вот таким, как эти двое, удачливым и самоуверенным, которые считают, что им позволено все, и для этого не существует никаких преград. Ибо у них есть то, чего нет у многих, - деньги.

Если сама она, Галина, свыклась и смирилась с той ролью, в которой оказалась некоторое время назад, то вот это безвинное существо, свернувшееся калачиком на чужом брезенте, неведомо ради чего, перешагнуло эту черту только сегодняшней ночью. Перешагнуло.еще не распустившись, почти из детства, сразу в тот мир, из которого не возвращаются. А главное - произошло это по ее вине. Это она, Галина, пригласила девчущку составить ей и ее дружку Виктору компанию прогуляться на его катере. Но прогулка обернулась совсем иным - пьянкой с ночевкой на берегу, а сама Катя оказалась в лапах Сашки, этого белобрысого, как она его называла, пузана.

Расслабившаяся от нахлынувших чувств Галина склонилась над спящей

и с нежностью, свойственной матери при обращении к собственному больному ребенку, чуть слышно прошептала:

-Катюша, Катюша...

Наблюдавший эту идиллию Виктор решил прервать затянувшуюся сцену и гаркнул:

-Катька, подъем!

От этого окрика Катя вздрогнула, открыла глаза, села на брезент и, обхватив руками свою голову, почти простонала:

-Ой, ой...

-Это похмелье, - уверенно заключил Виктор.

-Чему-ж удивляться? Пила почти наравне со всеми. Зачем вы ее так накачали?- укорила его Галина.

Виктор достал из сумки бутылку, отлил немного в стакан и сунул в сторону Кати со словами:

-Выпей, поможет.

Но Катя наотрез отказалась, замотав головой и отстраняя рукой предложенный стакан.

-Зря отказываешься, - пытался уговорить ее Виктор. - Клин клином вышибают. От чего заболела, тем и лечиться надо. Пей!

Но она ничего не сказала, лишь отрицательно покачала больной головой и снова стала сжимать ее руками.

-Тогда по домам, - предложил Виктор. - Галя, помоги ей подняться.

Катя с помощью подруги кое-как встала. Общими усилиями помогли ей выбраться из кровати. Пришлось поддерживать ее и пока шли по шаткому узенькому настилу.

Вскоре машина развезла их по домам. Жили Галина и Катя по соседству. Виктор отправился в свой офис, где его поджидал Сашка. У них начинался новый трудовой день, их ждали новые дела, новые деньги.

Жила Катя на втором этаже обычной пятиэтажки. Вошла в подъезд тихо, будто крадучись. Ни с кем не хотелось встречаться на лестнице. Ибо ей казалось, что все жители дома уже знают о том, что произошло с нею ночью, и на нее все показывают пальцами. Ей думалось, будто она провинилась перед всеми людьми. Поэтому два десятка ступенек по лестнице преодолела почти бегом. На ее счастье, никого из взрослых она не встретила. Лишь соседский мальчишка скатился с третьего этажа по перилам, едва не столкнувшись с нею на площадке. Оказавшись перед дверью собственной квартиры, она в нерешительности становилась. Чувство стыда охватило ее. Она почувствовала по отношению к самой себе какое-то омерзение. Квартира, в которой она родилась и выросла, была для нее святым местом. Это был ее родной дом, ее приют. В этом доме ей было всегда легко и просто. Родители никогда всерьез ни за что ее не бранили, не говоря о чем-то более серьезном. Материально семья жила в меру своих возможностей.

Отец ее, Сергей Павлович, работал на заводе, мать – Анна Васильевна – в библиотеке. Заработок их, как и у большинства, был невелик, однако, они были сыты, одеты и обуты. Квартира была обставлена соответствующей их достатку мебелью. Дочку родители, в ущерб себе, старались одевать так, чтобы она не

чувствовала себя ущемленной по сравнению с подругами. Все обновления для нее покупались только вместе с ней и по ее выбору. Этой весной Катя закончила девятый класс. Осенью ей исполнится шестнадцать. И уже следующей зимой она настраивалась одновременно с учебой в школе пойти на подготовительные курсы в университет на филологический факультет. Этот выбор посоветовала сделать мать, привившая ей любовь к книге и слову. И вот теперь случилось непредвиденное и непоправимое. Ей казалось, что этой ночью все ее мечты рухнули в какую-то бездну.

Катя продолжила стоять перед дверью в нерешительности. С одной стороны, ей хотелось как можно скорее исчезнуть с лестничной площадки, чтобы избежать нежелательных встреч. В то же время, она всеми силами противилась этому желанию, потому что там, за дверью, ее могло ожидать нечто худшее, встреча с кем-либо из родителей. Больше же всего останавливало ее то, что она ощущала почти физическое отвращение к самой себе, считая себя не иначе как мерзкой девчонкой, не достойной больше появляться в родительском доме и осквернять его своим появлением в нем.

Простояв в раздумье и нерешительности некоторое время, она услышала шум. Это захлопнулась дверь на одном из верхних этажей. Следом послышалось позвякивание ключей и щелчки – кто-то запирает замок.

Катя торопливо нажала кнопку звонка. Не выждав паузы, нажала еще раз. Но ей не открывали. Вздых облегчения вырвался из ее груди: дома никого не было. Она склонилась к своей сумочке чтобы достать ключи, долго стояла в такой позе, стараясь не показывать своего лица спускавшимся сверху людям. Когда они миновали, она торопливо, дрожащими руками стала открывать замок. Ключ долго не попадал в замочную скважину. Наконец, замок поддался, и дверь открылась.

Дома никого не было. Значит, отец и мать на работе: Они не будут свидетелями ее позорного вида, ей пока не придется с ними объясняться и отвечать: где и с кем она провела ночь, почему вернулась в таком неприглядном виде? Если можно что-либо наговорить отцу, и он поверит всем ее рассказам, то мать ей ни за что не проведет. Она поймет все с одного взгляда и сказанного ею первого слова. Да-да, хорошо, очень хорошо, что их нет. Катя успеет оправиться и привести себя и свои мысли в порядок и предстанет перед ними такой, будто с ней ничего не произошло! Если же они спросят, а мать обязательно спросит где и с кем провела ночь, то она ответит, что была у подруги на даче, телефона там нет, поэтому не смогла их предупредить.

Продумав все это, Катя даже приободрилась. Переодевшись в легкое домашнее платье, решила прилечь. Потом передумала, пошла в ванную комнату и встала под душ. Горячей воды не оказалось, пришлось довольствоваться одной холодной. С первыми же струями разгоряченное тело сразу обожгло. Непривычная к холодной воде, превозмогая себя, простояла с минуту. Закрyla воду только тогда, когда почувствовала, что начали лязгать зубы. Так тебе и надо, - с сарказмом подумала Катя о самой себе. – Знай наперед куда идешь. После душа приготовила чай. Обжигаясь, выпила большой бокал. Согрелась, разомлела, и сразу начали слипаться глаза. Едва приложила ухо к подушке, тут же и забылась.

Разбудили ее непонятные беспорядочные гудки, доносившиеся с улицы. Выглянув в окно, увидела: несколько машин, разукрашенных разноцветными лентами, стояли напротив соседнего подъезда недалеко от кафе и сигналили. Такие же машины виднелись и вдали. Из тех машин, которые подъехали первыми и уже остановились, выходили люди. Все они были одеты по-праздничному, веселы, разговаривали, смеялись. Вот подошла очередная машина, особенно обильно украшенная лентами. На ее переднем капоте сидела большая кукла. Один из молодых парней с подчеркнутой любезностью открыл дверцу, из нее вышла девушка в светлом свадебном платье с фатой на голове. В руках она держала большой букет из красных роз. С противоположной стороны этой машины показался, Катя его хорошо знала, молодой человек, одетый в темного цвета костюм. Он обошел машину и приблизился к своей избраннице.

Подобные сцены Катя наблюдала и раньше. Смотрела она их каждый раз с особым интересом и даже некоторым волнением. Бывало и так, что она почему-то вдруг на месте невесты представляла себя. Длинное подвенечное платье, белая фата на голове, много-много цветов и друзья, их тоже много. Все веселы, довольны. А рядом с нею ее возлюбленный, тот, которому она вверит себя и свое будущее на всю жизнь. Он такой ласковый, внимательный, нежно смотрит на нее влюбленными глазами...

Но в этот раз она смотрела на все происходящее совсем по-иному. Жгучее чувство обиды неведомо на кого и невольной зависти чужому счастью заполнили ее сердце. Из глаз невольно выкатилась непрошенная слеза.

Катя отошла от окна. Но отделаться так просто от увиденного у нее не могла. Снова какая-то сила заставила подойти к окну. Перед ее глазами предстала та же картина. Те же разукрашенные машины, веселые люди, множество цветов и сами виновники торжества – радостные и счастливые. Доносившийся с улицы людской гомон еще больше усиливал волнение девушки и мешал желанию не думать о чужом счастье. Теперь все это не для меня, - подумала она, горестно качая головой.

Неожиданно раздался звонок. Катя вздрогнула. Она давно ждала этого звонка, понимая, что этот момент, хотя и нежелательный для нее, все равно когда-то настанет. Хорошо, если бы первым вернулся с работы отец. С ним проще, и ей лучше было бы вначале встретиться именно с ним. Будь что будет, - решила она и направилась к двери с намерением открыть ее. В это время звонок повторился, и Катя поняла, что это звонил телефон.

- Фу ты, - укорила она себя за то, что приняла телефонный звонок за совсем другое, и в то же время радуясь тому, что произошла ошибка, а встреча с родителями отдалается. Звонок раздался еще раз. Катя в нерешительности подошла к аппарату и сняла трубку.

-Квартира,- ответила она негромко.

-Это ты, Катюша? – услышала она знакомый голос подруги.

-Я,- отозвалась Катя.

-Можно я к тебе приду?

Кате не очень хотелось встречаться с нею после всего пережитого, она даже было вознамерилась отказать ей, но, не найдя подходящего предлога

для отказа, сказала совсем другое:

-Отчего же? Заходи.

Через несколько минут Галина пришла. Их разговор не клеился и совсем не был похож на тот откровенно-доверительный разговор подруг, каким был всегда, с множеством недосказанных фраз, и в то же время абсолютно понятный для обеих. Катя молча подошла к окну, снова обратила свой взор на молодых. Они уже заходили в кафе. Внимание Кати привлекли перчатки на руках невесты – белые, элегантные, длиною до самого локтя. И хотя в них не было ничего необычного, это была не более чем дань ритуалу, Кате это показалось чем-то особенным. В ее груди снова защемило, и она совсем забыла о пришедшей Галине. Видя переживания своей младшей подруги и ее явную отчужденность к ней, Галина подошла вплотную, взяла ее за руки и, глядя прямо в глаза, взволнованно произнесла:

-Ты уж прости меня, Катюша, за мою вину. Это я виновата в том, что произошло.

Но Катя, устремив взгляд в глубь себя и отрицательно качая головой, остановила ее:

-К чему ты все это говоришь, Галя? При чем тут ты? Я же сама за стаканом потянулась. Слово какой-то бес в меня вселился. Я этого зелья и в рот никогда не брала. А тут вот такое. А дальше, как во сне.

-Нет, Катюша, не оправдывай меня. Я старше тебя и через это уже прошла. Почему я тебя не остановила, тоже в толк не возьму. Прямо-таки какое-то затмение на обеих нашло. Но ты прости меня.

-Я тебя ни в чем не виню. Сама натворила, самой и расхлебывать придется.

-Ты это о чем?

-Как о чем? О том, что после этого бывает.

-Бог милостив, Катюша, может, обойдется...

-Не знаю, - задумчиво произнесла Катя.

-А ты не думай об этом.

-Рада бы не думать да само в голову лезет.

Галина участливо посмотрела на подругу, решила отвлечь от неприятных мыслей, но Катя остановила ее вопросом:

-Ты мне скажи, почему мужчины такие..., ну, как тебе сказать, такие падкие до женщин и такие наглые?

-Таково уж у них, видно, кобелиное нутро, - убежденно ответила Галина. – Но и наш брат, вернее, наша сестра тоже не лучше. Это ты по молодости да по неопытности так судишь. Повзрослеешь – о многом узнаешь.

-Я тоже кое о чем наслышана, - неожиданно для самой себя разоткровенничалась Катя. – Моя бабушка тоже родила мою маму в девушках. И я появилась на свет так же.

Сказав эти слова, Катя тут же пожалела об этом. Но было поздно. Галина же не удержалась, спросила, удивившись такой откровенности:

-Ты не выдумываешь?

-Разве такое можно выдумать? Мама как-то все это выложила мне. Она все время меня предостерегала, говорила, что я уже взрослая, должна знать

о жизни больше. Словом, на своем горьком опыте учила. А я-то

-Все мы такие, - остановила ее Галина. -. Чужой урок - нам не впрок...

-Я как подумаю, что мама узнает, не представляю что с ней будет.

-Ты докладывай ей собираешься?

-Не смейся, Галя, мама только и думает, как бы уберечь меня. Она по моим глазам все читает. Что и говорить, многие девчонки даже моложе меня этим занимаются. Родители знают об этом и говорят даже на собраниях. А из восьмого "Б" одна даже родила. Ей всего четырнадцать. Сама ребенок, а тут еще дите. Куда она с ним? Просто ужас какой-то.

-Да, Катюша, невеселый у нас разговор. Видно, наша бабуля доля такая. Ну, хорошо, если такое случится, можно же и аборт сделать.

-Ой, Галя, от этих слов у меня голова идет кругом.

-Я понимаю, Катюша. Но ты не переживай. И раньше смерти не умирай. Может, все обойдется.

-Хорошо бы.

-А с Сашкой я переговорю. Может, женится на тебе. Ты как?

-Ты мне о нем лучше не поминай. Чем жить с таким, лучше одной. А то в петлю - и с концом.

-О чем ты говоришь!? - остановила ее резким выкриком Галина.

-Говорю что думаю, - спокойно ответила Катя.

-Не заглядывай так далеко. Так и рехнуться недолго.

-А кто же за меня будет думать? Не столько за себя переживаю, сколько за маму. Если со мной что случится, она не переживет. Она так намучилась в своей жизни.

Катя снова прильнула к окну. Но на улице от бывшего торжества уже ничего не осталось.

Вскоре в кафе загрохотала музыка. Началось веселье. - подумала Катя и снова ушла в себя.

Галина попрощалась и направилась к выходу. Взглянув на часы, Катя подумала, что скоро должны вернуться с работы родители. Вспомнила, что с утра еще ничего не ела.

Заглянула на кухню, нашла оставленный матерью завтрак. Все было холодное. Не разогревая, без хлеба, торопливо проглотила предназначенное для нее: хотелось побыстрее покончить с этим до возвращения родителей, чтобы они не подумали, что их дочка только что вернулась. Поймала себя на этой мысли и снова стала противной сама себе. Ей снова пришлось солгать. Солгать перед самой собой. "И это будет теперь постоянно. Раздвоение личности или как теперь говорят, человек с двойным дном. Это обо мне. Допрыгалась.- Со злостью повторила; - С двойным дном. Хорошо сказано. Новое начало в моей жизни. Прежняя Катя кончилась."

Чтобы хоть как-то отвлечься от тяжелых мыслей, решила к приходу родителей приготовить еду. Это для нее было делом привычным. И прежде, особенно когда училась в первую смену, придя из школы, готовила ужин для всей семьи. Частенько бралась за это и во время каникул. Готовила как всегда, с выдумкой и увлечением. Хотя выбор продуктов был невелик, мать и, особенно отец, старались нахваливать приготовленное дочерью. Однако, сегодня у нее

все шло не так. Катя злилась на себя, даже ошпарила руку.

Первой с работы пришла мать. Дверь открыла собственным ключом. Переобувшись в домашние тапочки, прошла на кухню. Увидев дочку, перевязывавшую обожженную руку, взялась ей помогать. Сочувствовала, говорила, что на кухне надо быть осторожной. Сама осмотрела руку. На месте ожога вскочил большой пузырь. Мать сказала, чтобы она берегла его, иначе в открытую рану попадет инфекция, и рана долго не заживет. Она смазала обожженное место мазью и аккуратно забинтовала. Катя как-то по-особенному воспринимала прикосновение материнских рук, показавшихся ей необычайно нежными и ласковыми. Это напомнило ей годы безоблачного детства. Сама Катя сразу почувствовала себя маленькой и слабой, нуждающейся в материнском участии. Она вдруг так расчувствовалась, что была готова тут же расплакаться и повиниться перед ней. Ее отделял от этого шага какой-то миг. Мать заметила ее душевное волнение, но поняла это по-своему, участливо спросила:

-Очень больно?

-Нет, мама, - ответила дочка, с трудом сдерживая волнение,

Тем временем перевязка была закончена, мать повернулась к плите, на которой что-то зашипело. Видение детства стало исчезать. Превозмогая свою слабость, Катя подумала: нет худа без добра, ожог руки в какой-то мере ее даже выручил, мать ничего за ней не заметила. Покончив с рукой Кати, Анна Васильевна взяла заботу по кухне на себя, сказав что с такой рукой тут делать нечего.

Вскоре вернулся с работы и отец. Увидев дочку с перевязанной рукой, спросил:

-Что с тобой?

-Руку обожгла, кипятком ошпарила.

-Сильно?

Из кухни вышла Анна Васильевна, опередила дочку, ответила:

-До свадьбы заживет.

Кате стало неприятно за эти слова. О какой свадьбе она говорит? Разве будет у нее когда-либо свадьба? Да никогда! Значит, и рука у нее никогда не заживет. А впрочем, - заключила она эту свою мыслишку, - теперь мне все равно, пусть не заживает. Но тут же подумала: какой же я стала мерзавкой!

Ужинали все вместе. Отец спросил у Кати где она провела последнюю ночь? Заготовленный на этот случай ответ вполне его удовлетворил.

В прежние годы время летних каникул у Кати бежало быстро и незаметно. Расставалась она с этими днями с сожалением. Хотелось, чтобы благодатные летние денечки длились если не бесконечно, то как можно дольше. Однако, после той злополучной ночи все пошло не так, как обычно. Каждый прожитый день был для нее в тягость. Пока родители были на работе, она не знала куда себя деть. Хотелось забыться за каким-либо делом, но руки ни за что не брались. С возвращением отца и матери становилось еще хуже. Надо было вести себя с ними так, чтобы они не смогли заподозрить ее в чем-либо предосудительном. А для этого нужно было притворяться, что стоило ей огромных усилий. Но больше всего тревожило будущее. Неопределенность и сознание возможной беременности окончательно выводили ее из себя. Ожидание это-

го неизвестного было для нее каждодневной пыткой. Ей хотелось знать - и знать немедленно, и совершенно определенно, что с нею будет завтра, через неделю, через месяц и больше.

Чтобы хоть как-то приблизить разгадку этого будущего, Катя, таясь от близких и рдея от стыда за свой, как она считала, позор, купила книжку с названием "Мать и дитя". И, хотя подобные книжки имелись в ближайших магазинах, киосках и просто лотках, она ездила за нею аж в другой конец города. Поступила она так из предосторожности: а вдруг в ближайшем магазине кто-либо из знакомых увидит ее за такой покупкой, и тогда придется отвечать на их вопросы. Люди, известно, большие охотники до чужих тайн.

Заветную покупку завернула в газету, сунула сверток в пакет и только после этого опустила в хозяйственную сумку. Всю обратную дорогу, пока ехала в автобусе, только и думала о книжке и о том, что она в ней найдет для себя. Дома, закрыв входную дверь на внутренний замок, дабы никто не застал ее врасплох, она с лихорадочной поспешностью принялась перелистывать свою покупку в поисках заветного раздела. Пробежала галопом всю книжку, возвращалась к прочитанному снова, стала вчитываться в содержание более внимательно, но того, что искала, так и не нашла. В одном месте лишь было сказано, что будущей матери при первых признаках беременности нужно обратиться к врачу в женскую консультацию по месту жительства. Там возьмут ее на учет, будут вести за нею наблюдение, а в случае необходимости поместят в стационар. О самих же этих признаках не было сказано ни слова. И вообще, как она поняла, книжка эта была предназначена тем, кому не нужно было скрывать свою беременность, ей совершенно не подходила.

Огорченная и раздосадованная, еще раз перелистала всю книжку и, окончательно убедившись, что ничего полезного в ней не найдет, изорвала свою покупку в клочки, сунула обрывки в мусорное ведро и тут же вынесла мусор в стоявший рядом с домом контейнер.

Наконец, закончились летние каникулы. Катя постепенно стала привыкать к своему положению и даже пришла к мысли, что ничего особенного в ту памятную ночь с нею не произошло. Укрепиться этой мысли ей помогало и поведение подруг-одноклассниц. С первых дней занятий девочки из их класса, теперь уже десятого, откровенно делились с задушевными подругами своими секретами, которые сводились в основном к одному, а именно как и с кем они проводили летние каникулы. Некоторые из них даже выставляли свои похождения напоказ, бравируя своими связями с влиятельными и состоятельными мужчинами. Выходило как-то само собою, что все их секреты вскоре становились достоянием всего класса. Воспринималось все это тоже как обычное, само собою разумеющееся нормальное явление. Больше того, не обходилось и без зависти. Тех же девочек, кто еще сохранил девственность, заводилы класса старались выставить на всеобщее посмеище. Боялись только одного – возможности забеременеть или подцепить какую-либо заразу. Помогал в этом отношении широко развитый "всеобуч".

Как-то вскоре после начала занятий на один из уроков не пришла учительница, будто бы заболела. Замены ей не нашлось и класс был предоставлен самому себе. В начале урока зашла на минутку завуч и предложила своим

питомцам не терять драгоценное время и заняться самоподготовкой. Был прекрасный осенний день, тихий и теплый. Несколько ребят ушли на улицу. Все знали, они пошли покурить. Остальные мальчишки сгрудились у открытого окна и рассказывали разные байки. Девчонки тесной стайкой расселись на задних партах – кто на сиденьях, некоторые прямо на столах. Между ними завязался всеобщий разговор на самую трепетную тему. Начали с последней новости: в городе появилась очередная секта.

-А что, девчонки, не вступить ли в нее и нам? – начала Таня, одна из самых бойких девушек в классе.

-А что в этом проку? – решила уточнить Лариса.

-Ты что, малограмотная? Да там же полная свобода.

-Не поняла.

-Разъясняю как первокласснице: полная свобода с смысле секса. Там кто кого успеет ухватить, тот того и ...

Девчонки захохотали, а Лариса серьезно спросила:

-А кто там хватает, мы или они?

-Пока там правят мужики.

-В такую я не пойду. Если бы нам такое право было предоставлено, тогда я бы подумала. А то схватит тебя какой-либо сопляк вроде наших мальчишек, от такого - ни жару, ни пару.

Снова раздался всеобщий хохот, а Таня вполне серьезно спросила Ларису:

-А ты с кем предпочитаешь?

-Что за вопрос? Конечно, только с настоящими мужчинами.

-Они тебя устраивают?

-Да никакого сравнения! Взрослые мужчины в сексе, что рыба в воде..

-И деньги у них есть, - добавила Света, девушка с лицом сплошь усыпанным веснушками и тут же густо покраснела.

-О-о ! - воскликнула Лариса. – В нашем полку прибыло! Поздравляю, Светочка. И ты, наконец, решила расстаться со своим знаком качества!

Света покраснела до самых кончиков волос, а считавшаяся первой красавицей класса Тамара деловито заметила:

-Светик мой лазоревый, ты заговорила о деньгах. Да разве это деньги? Вот в Париже – это да! Там действительно деньги! Кончу школу и махну туда.

Раздался взрыв общего хохота, а Тамара продолжала:

-Ну чего вы ржете? В Париже у проституток самый большой доход. Там за одну ночь можно нажить целое состояние.

-А как ты будешь общаться с французами?

-Почему с французами? Туда весь мир съезжается. А насчет общения за меня не беспокойтесь. Я уже выучила весь разговорник. А по-серьезному, так для этого много слов и не нужно. Пойдем друг друга и без слов.

-Да ты у нас гений, Тамара! – воскликнула Таня.

-Гений – не гений, а своего не упущу.

-Говорят, там сифилис - чаще, чем у нас насморк. Многие даже не лечат. Не боишься?

-Глупости все это, - возразила молчавшая до сих пор самая старшая по

возрасту Милочка. –будешь раззявой, и спид схватишь. А спецтура на что? – закончила она назидательным тоном и, достав из сумки небольшой пакетик, показала его, добавив лишь одно слово:

- Понятно?

Опустив пакетик обратно в сумку, достала оттуда же пачку сигарет и как заправский курильщик щелкнула пальцем по ее дну. Выскочила сигарета. Слегка размяв пальцами, сунула ее в рот. Вторую сигарету предложила Тамаре:

- Пойдем покурим.

Тамара с готовностью приняла сигарету, и они пошли из класса.

Катя невольно провожала взглядом одноклассниц. Впереди шла Милочка. Она не шла, а прямо-таки шествовала, вразвалку, картинно выкидывая вперед длинные ноги и покачивая из стороны в сторону вполне оформившимися бедрами. Тамара во всем старалась ей подражать. Проходя мимо стоявших у окна ребят, Милочка вскинула кверху руку с сигаретой и задорно воскликнула:

-Привет, мальчиши! Может, покурим?

-Это все некурящие, - ответила за них Тамара.

Хотя Катя и осознавала свое теперешнее положение как незавидное и, в то же время не дававшее ей права судить подруг за такое непристойное поведение, такой их вольный разговор показался ей совершенно непозволительным и нетерпимым. Ей вдруг захотелось как можно скорее избавиться от всей этой компании. "Это же просто ужасно, ужасно, -повторяла она про себя. – Как они все переменялись. Но почему они стали такими?"

Постепенно, незаметно для себя Катя удалилась от подруг и осталась фактически в одиночестве. Изредка к ней заглядывала Галина. Но прежнего, задушевного разговора между ними уже не было. Лишь посудачив немного о пустяках, они расставались. О пережитом в ту злополучную ночь они предпочитали больше не вспоминать.

Катя в какой-то мере начинала утверждаться в мысли, что самое худшее для нее, а именно возможность беременности, уже миновала. Что же касается остального, связанного с тем событием, то прежняя острота тоже стала притупляться. Не так велико горе, как страх перед ним,- как нельзя кстати вспомнила она вычитанную когда-то и где-то фразу.

-Не я первая, не я последняя, - успокаивала она себя, - Все как-то устраиваются в жизни. Почему же я должна пропадать?

Подобные рассуждения были для нее той спасительной соломинкой, ухватясь за которую, она сумела удержаться на плаву в море своего страха перед неизвестным будущим.

Приободрившись с помощью таких рассуждений, Катя всецело отдалась учебе. Подходила к концу первая четверть. В классном журнале напротив ее фамилии появилось несколько троек, что для нее было верхом позора. И она решила во что бы то ни стало от них избавиться. Усиленная работа отвлекала ее от подобных дум. Однако полностью избавиться от неприятных мыслей она не смогла. Пережитое напоминало о себе иным способом. Ее стали донимать мысли совсем другого порядка. Появлялись они неожиданно, словно пляшущие чертики, с единственной целью – позабавить себя и подразнить ее, пока-

затя свою власть над слабым человеческим существом.

Временами, совсем неожиданно, казалось бы, ни с того ни с сего, откуда-то из самых глубин ее души всплывало совершенно новое чувство – горечь обиды. Случалось с нею такое не только дома, но и в школе, прямо на уроках. В такие минуты ее взгляд неожиданно останавливался, делался неподвижным, она забывала обо всем окружающем. Ею сразу и целиком завладевала одна единственная дума. Она вдруг начинала искать разгадку происшедшего с ней. Думала она о том, за что, за какие провинности жизнь ее так наказала? Ведь она никогда и никому не делала ничего плохого. Никаких дурных поступков в отношении людей, а тем более какого-либо зла не позволяла. А люди вот так над ней надругались. Она не искала конкретных виновников или виновника и не называла имен. Главным и единственным вопросом, который ее донимал и на который она хотела получить ответ, был вопрос “За что?”. Но сколько ни силилась, должного ответа, который удовлетворил бы ее и успокоил, не находила.

Постепенно сам собою этот неразрешенный вопрос “За что?” сменился вопросом “Почему?” Почему такое могло с нею произойти, если она в ту ночь была с людьми, которых знала и которым доверяла как самой себе? На этот вопрос ответ нашелся быстрее. Оказывается, нельзя доверяться человеку, пока не узнаешь его досконально. А что она может сказать о Викторе, тем более о Сашке? Даже Галину она по-настоящему не знает. Ну была она когда-то в их школе пионервожатой. Но это же было давно, и это была всего лишь ее работа. В людях, по крайней мере у многих из них, – продолжала она свои рассуждения, – больше животного, этакое скотского, чем человеческого. Люди часто скрывают свое истинное лицо, а то, что мы видим, это всего лишь маска. Носить маску такие люди вынуждены. Даже не так: постоянная маска на лицах – это их естественное состояние.

Этот вывод подкреплялся и каждодневными известиями о жестоких убийствах, грабежах, насилии и прочих тяжких преступлениях. И никто ведь из таких зверей не сказал о себе правду. Напротив, они все делают, чтобы замести за собою следы и предстать перед людьми такими же как все.

Придя в своих рассуждениях к такой мысли, Катя решила: на выпускных экзаменах напишу сочинение на эту тему. Как это будет здорово! Надо только собрать к нему побольше материала. Буду готовиться, – решила она окончательно.

Через несколько дней после начала второй четверти в семье Кати произошло большое несчастье. Произошло как всякое печальное событие – неожиданно-негаданно. Мать Кати, Анна Васильевна, придя как-то с работы объявила в семье, что ее скоро уволят по сокращению штатов. Это было для нее тяжелым ударом. Понимая, что искать правду в таком деле все равно, что дуть против ветра с намерением остановить его, Сергей Павлович стал успокаивать жену, говорил, что это по-своему даже хорошо, она отдохнет какое-то время пока сумеет устроиться на новую работу, а тем временем будет получать пособие по безработице. Упоминание о пособии еще больше расстроило Анну Васильевну. На ее глазах показались слезы. С заплаканным лицом ушла она на работу на следующее утро. А вечером семья не могла дождаться ее возвращения.

Сначала отец и дочь решили, что Анна Васильевна просто задержалась на работе – обычное явление. Такое с нею случалось и прежде. Сотрудников в библиотеке стало меньше, дел каждому прибавилось, даже уборкой помещения приходилось заниматься самим библиотекарям. А тут еще сокращение. Скорее всего, перед уходом она приводит в порядок свои дела. Наводило на сомнение лишь то, что она не позвонила домой и не предупредила, как делала в таких случаях. Когда время перевалило за восемь вечера, отец и Катя беспокоились всерьез. Позвонили в библиотеку, но оттуда не ответили. Волнение обоих нарастало. Выждав некоторое время, Сергей Павлович без слов стал одеваться.

-Ты пойдешь искать маму? – спросила Катя.

- Надо же что-то делать, - ответил озадаченный отец.

-И я с тобою, -и Катя тоже стала собираться.

Выйдя на улицу, пошли той дорогой, которой обычно ходила на работу Анна Васильевна. В городе было пустынно и неуютно. Фонари горели кое-где, освещая вокруг себя лишь небольшие пятючки. Дул холодный резкий ветер. Мостовая и тротуары были сплошь покрыты ледяной коркой. Шли не спеша, осторожно ступая по скользкому тротуару.

Библиотека, в которой работала Анна Васильевна, встретила их темными глазницами зарешеченных словно в тюрьме окон и закрытой входной двери. Заглянув в окна и постучав на всякий случай в дверь, так и не дождавшись никакого отклика, они пошли назад. Тревога и беспокойство усиливались. Шли обратно расстроенные, забыв о скользкой дороге. Лишь когда при переходе через дорогу Катя, поскользнувшись, упала, отец предложил:

-Держись за меня.

Так они и дошли до дому – рука об руку.

- Может, мама уже дома, - нарушила общее молчание Катя. – Мы могли с ней разминуться в темноте.

-Будем надеяться, - ответил отец.

Но их надежды не оправдались. В окнах своей квартиры они света не увидели, дверь была заперта. По возвращении Сергей Павлович засел за телефон. Позвонил в автоинспекцию. Оттуда голос ответил, что за день в городе произошло несколько дорожных происшествий, но среди пострадавших названной фамилии не было. Из своей районной больницы дежурная приемного покоя сообщила, что вечером привезли женщину с тяжелыми травмами, но ее личность установить не смогли. Сама она была без сознания, а документов при ней не оказалось.

-А в чем она была одета? Припомните, пожалуйста, - попросил Сергей Павлович и приготовился к самому худшему.

-Вот в журнале записано, - услышал он в трубке как приговор: - Серое демисезонное пальто, вязаная пуховая шапочка, сапоги.

-А возраст женщины не скажете?

-По виду около тридцати пяти.

-Это скорее всего моя жена, - произнес упавшим голосом Сергей Павлович. – А навестить ее можно?

-Она в операционной.

-Но все равно мы сейчас придем.

Слушавшая этот разговор Катя моментально оделась и стояла в ожидании отца с заплаканным лицом.

-Ты все поняла, дочка? – обратился к ней отец. – Пойдем.

Центральный вход в больницу был закрыт. Пришлось воспользоваться дверью приемного покоя. Дежурная открыла склад и показала вещи женщины, о которой шла речь.

-Это она, - уверенно заключил Сергей Павлович. – А сумочки с нею не было?

-Нет.

-Значит, она выронила ее. А не можете сказать, что с нею произошло?

-Обычное ДТП.

-Ранения ее серьезные?

В это время открылась входная дверь. Мужчина и женщина, оба в белых халатах, несли носилки, в которых лежал человек. Сергей Павлович кинулся к ним, предложил свои услуги женщине, чтобы заменить ее.

-Не стоит беспокоиться, донесем, - тихо ответила женщина. – Нам не привыкать.

С разрешения дежурной отец и дочь поднялись в хирургическое отделение. В середине коридора над столиком светился ночничок, но там никого не было. Иногда из палат выходили и входили в них больные, некоторые с костылями. Мимо словно тень проشمыгнула девушка в белом халате. Сергей Павлович хотел обратиться к ней, но не успел. Она исчезла так же быстро, как и появилась.

Пройдя по коридору, на одной двери увидели надпись "Ординаторская". Приоткрыли дверь, заглянули, но там было темно.

-Все на операции, - подумал вслух Сергей Павлович.

Проходившая мимо них дежурная сестра, узнав кто они и зачем тут стоят, посоветовала ждать возле ординаторской, добавив, что врачи после операции обязательно придут сюда. Ждать пришлось долго. Наконец, показалась большая группа, человек семь или восемь мужчин и женщин, одетых в светлые брюки и рубашки с короткими рукавами. Сергей Павлович и Катя пошли им навстречу.

-Вы к кому? – спросил их впереди идущий, оказавшийся врачом.

Волнуясь, показывая на Катю, Сергей Павлович ответил:

-Мы с дочерью потеряли свою мать. Судя по одежде, которую нам показали в приемном покое...

-Я все понял, - остановил его врач. – Мы прооперировали больную. Сейчас она в реанимации.

-А что с нею?

-Судя по характеру травм, она была сбита автомашиной. Перелом позвоночника, левого бедра, ушиб головы, - сдержанно ответил врач.

-Как она себя чувствует?

-Пока без сознания.

Слушая врача, Катя с трудом сдерживала себя, чтобы тут же не разры-

даться. Видя ее переживания, врач добавил:

-Жить она будет, хотя пролежит долго. Многое зависит от того, что покажет рентгенограмма головы.

-Ей понадобится сиделка? – спросил Сергей Павлович.

-По ее состоянию надо бы.

-Я останусь с нею, - с готовностью отозвалась Катя.

-Пока больная в реанимации, в этом надобности нет, - остановил ее врач.

-Но я могу только после школы, - сказала Катя, глядя на отца.

-В палату ее переведут не ранее, чем через двое-трое суток, - уточнил врач. - Заглядывайте завтра, ближе к вечеру, кое-что уже прояснится.

С тяжелым сердцем отец и дочь отправились домой. С этого вечера обычная, размеренная, сложившаяся годами жизнь для них кончилась. Особенно доставалось Катё. Едва заканчивались уроки, она, забежав домой и закусив тем, что они оба успевали приготовить утром, торопилась к матери. Иногда успевала забежать в палату еще утром, по пути в школу.

Состояние Анны Васильевны было очень тяжелым. Ей сделали еще одну операцию – в связи с ушибом головы. Лишь на четвертые сутки она пришла в сознание. Ее перевели в общую палату. Лежала она неподвижно на специальной больничной койке для тяжело травмированных больных, вся в бинтах и гипсе, скорее похожая на куколку какой-то бабочки, завернутую в кокон.

При первой встрече с нею у Кати от боли за нее сжалось сердце. Глядя на ее измученное и осунувшееся до неузнаваемости лицо, Катя приходила в отчаяние. Хотелось тут же сделать все возможное и невозможное, чтобы хоть как-то облегчить страдания матери.

Анна Васильевна лежала тихо, говорила шепотом, почти не раскрывая рта. В ее взгляде и мимике можно было прочесть укор самой себе за случившееся и просьбу не судить ее за это слишком строго. Катя без слов понимала ее и, прижавшись своей горячей щекой к ее бинтам, тоже шептала:

-Ты не думай об этом, мамочка, и не кори себя. Ты ни в чем не виновата. Ты у меня самая, самая хорошая. Скоро мы с тобой будем гулять.

Анна Васильевна в ответ слегка улыбалась и тоже чуть слышно произносила:

-Да-да.

Выздоровление ее шло медленно, так медленно, что, казалось, она никогда не поправится. Осложнялось все еще и тем, что в больнице не было нужных лекарств, не хватало бинтов, разных устройств и приспособлений. Вся обстановка в больнице говорила о бедности, запущенности, безысходности. Врачи, сестры, нянечки несколько месяцев не получали зарплату. Хотя каждый из них безропотно тянул свою лямку, но по всему было видно, что их силы были на пределе.

Силы Кати тоже истощались. Взятые ею на себя заботы так изматывали, что на уроках она иногда начинала дремать, за что учителя не раз делали ей замечания. Домашние задания она выполняла не всегда и кое-как. Одноклассники подтрунивали над ней, а порой и острили, распуская по ее адресу досужие вымыслы. Сознывая, что две таких ноши ей не вытянуть, на третьей неде-

ле болезни матери Катя сказала отцу, что дальше она так не может.

-Давай так: я буду с мамой, а ты делай все по хозяйству. – предложил отец.

-Так наверное не годится, папа, тебе с посторонними женщинами будет несподручно.

-Может, найдем сиделку?

-Стоит ли, папа? Да и на что мы ее найдем, если все деньги уже потратили?

Где же выход?

-Выход у нас один. Со мною ничего не случится, если я пропущу один год. Мама поправится – навестаю. И маме будет лучше. Я все время буду с нею.

-Смотри, дочка, чтоб потом обид не было.

-Какие могут быть обиды, папа? Я маму ни на что не променяю.

На том они и порешили. Через несколько дней Катя вместе с отцом побывала у директора школы, и тот, узнав о такой обстановке в семье, согласился.

Освободившись от школы, Катя всецело отдалась уходу за матерью. Она сама искала, что можно сделать для нее еще и еще, лишь бы приблизить час ее выздоровления. Когда, казалось, вся ее фантазия иссякала, она бралась за уборку палаты, по два раза на день мыла пол, помогала другим больным женщинам, когда в этом была необходимость.

Увлеченная заботой о матери, Катя и не заметила, как к ней самой подкралось то, о чем она уже стала забывать. Однажды во время мытья пола она почувствовала себя дурно, ей захотелось распрямиться и передохнуть.

-Что это со мною? – недоумевала она.

Но тут же страшная догадка молнией прострелила все ее существо. Она бросила на пол тряпку, которой мыла пол, и села на стул. Неужели? – пронеслось в ее сознании. Не хотелось верить. Однако, это "неужели" прочно засело в голове, моментально вытеснив из нее все остальное. Испуг и растерянность четко обозначились на ее лице. Одна из женщин, заметив происшедшую с ней перемену, участливо спросила:

-Что с тобою, дочка, ты, часом, не захворала?

До сознания Кати эти слова дошли с трудом. Сообразив, что женщина обращается к ней, Катя повернулась и тихо произнесла:

-Нет-нет, я здорова, я здорова, - и снова принялась за уборку.

За работой она проверяла свои ощущения, старалась больше наклоняться, но ничего необычного не заметила. Ей очень хотелось, чтобы подозрения не оправдались, старалась внушить, что все это ей только почудилось. Однако, червь сомнения продолжал свое дело, не давал покоя.

Накормив мать обедом и дождавшись пока она уснет, Катя заторопилась домой. Ей нетерпелось осмотреть себя более внимательно. Сняв платье и белье, преодолевая стыд от вида собственного обнаженного тела, она встала перед зеркалом и начала придирчиво осматривать и прощупывать себя. Но как она ни старалась, ничего определенного сказать не могла, хотя собственная фигура ей не понравилась. Но это обстоятельство она отнесла на счет своей малоподвижной жизни в больнице. Подожду недельку-другую, -

подумала она, - а там видно будет. Наскоро пообедав, она снова заторопилась к матери.

Сделав несколько шагов в сторону двери, она, как и в больнице, снова почувствовала какое-то недомогание, ее начало тошнить. Должно быть съела что-то несвежее, - решила Катя.

- А может, со мною это самое? - От этой мысли все лицо ее покрылось испариной, хотелось побыстрее выйти на улицу. Свежий морозный воздух сразу взбодрил ее, скверные ощущения кончились так же внезапно, как и начались. Наверное, это от переживаний за маму, - решила Катя и прибавила шаг. В дороге неожиданно встретилась с Галиной.

-Это ты, Катюша? Я тебя с трудом узнала. Как ты переменялась, - заговорила первой Галина.

-Поневоле переменяешься, - ответила ей Катя. -У нас в семье большое несчастье. Мама попала под машину, уже с месяц как в больнице. Я там и дняю и ночую.

-Прими мои соболезнования, Катюша. Маме очень плохо?

-Хуже некуда. Вся забинтована и в гипсе.

-А я ничего не знала. Недавно только вернулась. Ездили с Виктором. - Она хотела сказать, что они отдыхали вдали от России на теплом море, но увидев как Катя при упоминании имени Виктора сразу насупилась, перешла на другое : - А как ты справляешься со школой?

-Я в школу не хожу, - спокойно ответила Катя.

-Как не ходишь? Ты оставила школу?

-А что мне было делать? Не бросать же маму. Папа работает. Да и не годится ему в женской палате. Разве вечером придет на часок.

-Ну а сама ты как?

Катя вопрос поняла по-своему, густо покраснев, лишь пожала плечами.

-Может, помочь в чем? - предложила Галина, видя ее замешательство.

-Чем ты поможешь? Я с мамой, папа работает. Вроде, со всем управляемся. Только бы мама поскорее поправилась.

-Говорят, лекарства стали дорогие, самим больным надо покупать. Как у мамы с этим? Все есть что надо?

-Ой, Галя, всего что надо, ни у кого нет. И у мамы тоже. Но какой-то минимум набрали, хотя врачи говорили, что надо бы еще кое-что достать.

-Дай мне названия, я попробую.

-Сейчас не могу, надо уточнить у врача.

-Ты сейчас идешь к маме?

-Да, к ней.

-Может, зайдем ко мне? Я так давно тебя не видела.

Кате не очень хотелось навещать подругу, но, вспомнив про лекарства для мамы, решила, что окончательно порывать с ней не стоит. После некоторого раздумья ответила:

-Ну, разве на минутку.

Дома Галина выставила на обозрение Кати множество разных безделушек, привезенных из дальних стран, предложила:

-Смотри, а я что-либо приготовлю. С утра ничего не ела. И тебе, поди, не

помешает.

-Обо мне не беспокойся, - остановила ее Катя. – Я только что от стола. Пожалуй, пойду.

-Посиди немножко. Еще одну диковину покажу.

Вскоре она пригласила Катю к столу. Поставила перед ней тарелку с устрицами, еще живыми, стакан с лимонным соком.

-Что это? – спросила Катя, разглядывая обещанную диковину.

-Это устрицы. Мы в России про них только слышали. Но ты не смущайся, пробуй. Ты их не жуй, а глотай прямо целыми и запивай соком.

-Они что-же, живые? – удивилась Катя.

-Пока живые.

-И прямо живых глотать?

-Там их так и едят. Только надо запивать. А запивают кто чем, одни лимонным соком, другие коньяком.

-С коньяком у меня покончено, - серьезно ответила Катя. – Я свое выпила.

-Да ты не брезгуй, пробуй, - настаивала Галина. – За границей их за особый деликатес почитают.

-Там, говорят, и лягушки в цене, -смеясь, заметила Катя.

Преодолевая себя, она поддела ложечкой устрицу, с трудом ее проглотила и запила соком.

-И что же теперь с ней будет в моем желудке? Она будет там гулять? Ой, и вправду, будто зашевелилась там.

-Мне сначала тоже так казалось, - стала успокаивать ее Галина. – А потом привыкла.

-Не кажется, Галя. Я хорошо слышу, гуляет она там.

-Не выдумывай, бери еще.

-Хватит, пожалуй, и одной. К маме надо бежать.

-А чайку или кофе? – предложила хозяйка.

-Спасибо, как-нибудь в другой раз. Надо к маме.

-Заходи, Катюша, говори когда что понадобится, не стесняйся. Я всегда к твоим услугам. И не забудь насчет лекарств, - напомнила она, когда Катя была уже в дверях.

- Бедная девочка, - подумала Галина, когда ее гостья ушла. – Правду говорят, одна беда не приходит. Как-то они там?

По дороге в больницу Катя невольно прислушивалась к самой себе. Ей казалось, что кто-то всерьез беспокоит ее изнутри. А может мне это просто кажется? Об этом и Галя говорила.

Вдруг совсем неожиданно она ощутила, будто внутри ее живота что-то шевельнулось. Она невольно остановилась, подумала: неужели это устрица? Не может быть. Разве может она столь долго оставаться в желудке живой? К тому же, она такая малюсенькая. Нет, это не устрица. Это не устрица. Это...Э-то...Неужели это самое? Какой кошмар! Потрясенная своей догадкой, она мгновенно остановилась. От неожиданности, казалось, замерло сердце. На побледневшем лице четко обозначилось выражение ужаса. В сразу в заболевшей голове заметались, словно пойманные в силки, птицы, - бессвязные

обрывки мыслей.

-Что же это? Что же это? –повторяла она про себя не находившую ответа фразу. – Что же это?

Она долго стояла в такой позе, решительно ничего не соображая. Сознание возвращалось к ней медленно, постепенно. Не хотелось верить. Все ее существо протестовало. Было желание во всеуслышание крикнуть:

- Отстаньте от меня! Не хочу! Ничего не хочу! - Но другой голос, голос беспощадного разума говорил, это правда!

Придя окончательно в себя, Катя, продолжая стоять на том же самом месте, заплакала. Слезы потекли по ее лицу. Страх перед будущим, чувство беспомощности и охватившее ее отчаяние, нестерпимая боль за унижение и поругание, - все слилось в этом потоке горьких девичьих слез.

А мимо нее, совсем рядом, будто не замечая ее, сплошным потоком шли люди. Им не было дела до слез какой-то девчушки. Их много, ой, как много теперь, этих плачущих. К их виду уже начали привыкать. Слезы людей перестали вызывать у себе подобных чувство жалости и сострадания.

Что же делать? Что делать? – думала Катя. Вспомнила о матери. Нет, не о той больной матери, которая сама нуждается в уходе и помощи. А о той своей, родной матери, самом близком и дорогом человеке, который всегда выручал ее из любой беды, и который, она в этом абсолютно была уверена, выручит и в этот раз. Торопливо, словно боясь растерять по дороге эту веру, направила в сторону больницы.

Ее мать, как и прежде, вся в бинтах и гипсе, лежала на своей больничной кровати. Возвратившуюся дочку встретила болезненной улыбкой.

Не думая о последствиях такого шага, с тем же выражением мольбы о помощи, Катя подошла к кровати, на которой лежала мать, опустилась перед ней на колени и, перемежая слова с всхлипываниями, чуть слышно произнесла:

-Мамочка, родная, прости меня, я, наверное, беременна.

Услыхав эти слова, Анна Васильевна сразу переменялась, лицо ее будто окаменело. Полные ужаса глаза до предела округлились. Она лишь успела прошептать:

-И ты!? – и больше ни слова. Лишь из ее обрамленных синевой глаз покатались частые крупные слезы.

-Мама, мамочка, родная, - запричитала над ней, словно опомнившаяся Катя, - не плачь, не надо. Ну, пожалуйста, не плачь. Тебе нельзя расстраиваться.

Признание дочери оказалось для матери роковым. Две недели она пролежала неподвижно, к еде не прикасалась, свою дочь не признавала. Лишь, когда подходил к ней кто-либо из посторонних, она жадно пила из его рук воду.

После мучительных раздумий Катя решила рассказать отцу всю правду о том, что с ней произошло. Но едва начала она свое откровение, Сергей Павлович остановил ее:

-Не надо об этом, мне женщины в палате все рассказали.

Дочери стало не по себе, даже отец не пожелал услышать, что в происшедшем никакой вины с ее стороны нет. Где же тогда ей искать правду? Она

была готова заплакать. Снова пыталась что-то сказать, но отец опять прервал ее:

-Теперь это не имеет никакого значения. Давай говорить о последствиях. Что ты думаешь сама?

-Ничего я не думаю, папа, - откровенно призналась она.

-И о матери не думаешь?

-Я не представляю, чем ей можно помочь.

Но помощь Анне Васильевне не потребовалась. Вскоре ее не стало. Жизнь ее оборвалась, словно догоревшая до основания свеча: запас жизненных сил кончился, огарок чуть потлел, под конец вспыхнул ярким пламенем и погас.

После похорон жены Сергей Павлович в отношениях с дочерью заметно охладел, стал раздражителен, ни о чем дельном с ней не разговаривал. А Кате так нужна была его поддержка. Обескураженная собственным незавидным положением и сознанием своей вины за смерть матери, в чем она нисколько не сомневалась, Катя не находила себе места. Желая хоть как-то искупить свою вину за происшедшее, каждый день навещала свежую могилку. Уставясь глазами в одну какую-либо точку и в то же время, не замечая ничего вокруг, она неподвижно стояла у родного холмика, под которым покоился самый дорогой ей человек, и, обливаясь горькими слезами, просила у матери прощения за содеянное. Ни сердце, ни сознание не хотели мириться с тем, что произошло. О, если бы только можно было повернуть все вспять!.. Домой возвращалась уставшая, измученная. Отец, придя с работы, готовил ужин, приглашал к столу и Катю. Она покорно садилась рядом, но почти ни к чему не прикасалась. Взгляд ее, задумчивый и тоскливый, блуждал где-то далеко от дома.

Желая внести хоть какое-то разнообразие в серую тоскливую жизнь, Сергей Павлович пригласил приехать к нему свою тетку, причем, просил это сделать по возможности побыстрее. Пожилая женщина отозвалась на редкость расторопно. Приехав, укорила:

-Что же ты не сообщил о смерти Анюты? Не считал нужным?

-Так уж вышло, тетушка. Не суди меня за это. Можно было голову потерять, не то, что забыть про тебя, - и посвятил ее во все семейные тонкости.

-Тем более надо было позвонить. Хотя я и не гинеколог, а все-таки врач. Что вы решили? Насчет аборта думали?

-Некогда об этом было думать. Все свершилось в какие-то две недели.

Оставшись наедине с Катей и, выяснив у нее некоторые подробности, тетушка непререкаемым тоном отчеканила:

-Ну вот что, милочка, завтра пойдем к гинекологу. Где у вас женская консультация?

-Я не знаю, - робко ответила Катя, стараясь не встречаться с нею взглядом.

Тетка отца показалась ей невероятно строгой. Невольно подумала: ну, прямо как, классная дама.

-Как это ты не знаешь? А кто за тебя будет знать? Иди пока есть время и все разузнай. Завтра мы должны попасть на прием, - приказным тоном отчеканила классная дама.

Врачом-гинекологом оказался молодой мужчина. Кате было нестерпи-

мо стыдно раздеваться перед ним, а тем более показываться и отвечать на его щекотливые вопросы. Осмотрев ее, он подозвал тетку и сказал, обращаясь то к ней, то к пациентке:

-Аборт делать поздно. Да!

Услышав эту короткую фразу, особенно последнее, как ружейный выстрел, - "Да!", Катя едва не лишилась чувств. Это что же, ей придется рожать? Ни за что на свете! – решила она про себя.

-А как идет развитие плода? – деловито осведомилась тетушка.

-Особой патологии не вижу, - ответил врач. – В случае необходимости можем поместить больную под наблюдение в стационар.

-Как у вас с местами?

-Никаких проблем. Женщины совсем перестали рожать. Они разучились это делать.

- Женщины перестали рожать, - повторила про себя Катя. – А такие дуры как я... Ой, что же я натворила? Дальнейшие ее мысли прервала тетушка:

-Спасибо, доктор, всего вам доброго. Пойдем, милочка.

Врач без слов кивнул головой и коротко бросил в сторону своей сестры:

-Приглашай следующую.

Всю обратную дорогу шли молча. Катя, словно перетрудившаяся коняга, понуро плелась за классной дамой. По возвращении домой тетушка в присутствии Кати коротко и ясно как строевой солдат доложила ее отцу:

-Будем рожать.

У Кати снова как и в кабинете врача похолодело все внутри. Она стояла с опущенной головой, боясь взглянуть на отца.

-Рожать так рожать, - повторил Сергей Павлович и испытующе посмотрел на дочь.

Катя стояла все также, понуро опустив голову и, не проронив ни слова. Вскоре тетушка уехала, и отец с дочерью остались вдвоем.

Однажды отец, придя с работы, развернул перед Катей, принесенный им сверток. На диван выпали несколько распашонок, ползунков, пеленок.

-Приданое твоему малышке, - произнес он, как бы походя.

Сергей Павлович сознательно не посмотрел в сторону дочери, понимая, какое она испытывала чувство при виде этих обнов. Катя до того растерялась, что не нашла даже что ответить отцу за эту заботу. Если до этой минуты у нее еще были какие-то сомнения относительно своей беременности, то вид этих детских вещей окончательно рассеял все иллюзии. Вместо обычного "спасибо" или чего-нибудь в этом роде, она бухнулась перед ним на колени, обхватила руками его ноги, прильнув мокрым от слез лицом и беззвучно заплакала.

-Ты чего выдумала? Ну-ка вставай, вставай. Радоваться надо, в семье прибавка будет. Не плачь. Слышь, вставай. И чтоб этого больше не было.

Но Катя, не освобождая отцовских ног от своих объятий, запричитала:

-Прости меня, папа. За все прости. За все, - и еще крепче прильнула лицом к отцовским ногам.

Сергей Павлович наклонился, взял дочь за руки с намерением поднять ее с колен. В это время коротко брякнул дверной звонок. Катя освободила от своих объятий отцовские колени, торопливо встала и ушла в другую комнату.

Тем временем Сергей Павлович открыл входную дверь, показалась Галина.

-Можно к вам?

-Что за вопрос, Галина, заходи. Катя, – крикнул Сергей Павлович в сторону закрытой двери в другую комнату, куда только что ушла его дочь, – к тебе Галина пришла, – и сам ушел на кухню.

Отворилась дверь, и подруги встретились взглядами. Но вместо обычных приветствий Катя, вспомнив про оставленные детские вещи, рванулась к дивану, собрала приданое в кучу и села на эти обновы.

-Проходи, Галя, садись рядом, – пригласила она гостью.

Она пыталась придать своему лицу и голосу видимость спокойствия, однако из этого ничего не вышло. Лицо ее залилось густым румянцем, что же касается голоса, он стал неестественным, каким-то надтреснутым, словно исходил из сломанной деревянной трубы. Катя по наивности полагала, что успела прикрыть собственным телом детские вещи, и Галина их не усмотрела. Но она ошиблась. Ее гостья, видя стремительный порыв хозяйки, не упустила случая выяснить причину такого броска. И пока хозяйка летела к дивану, взгляд гостьи успел запечатлеть заветный товар.

Разговор у них не клеился. Пересилив женское любопытство, Галина ни единым словом не обмолвилась о том, что так старалась скрыть от нее Катя. Говорили о пустяках.

Придя домой, Галина без промедлений позвонила Виктору. Услышав такую новость относительно Кати, Виктор послал за своей подругой машину. Вскоре в офис подъехал и Сашка. Галина вовлекла в разговор и его. Услышав от нее, что девчушка, которая когда-то летом провела с ними ночь на берегу реки, забеременнела, Сашка сразу остановил ее:

-А зачем нам нужны эти подробности?

-Как зачем? – возмутилась Галина. – Твоя это работа.

-Очень даже интересно. С чего это ты взяла?

-Как с чего? Ты же с нею всю ночь был.

-Ну и что что был? Может, мы с ней в карты играли.

-В подкидного дурака?

-Ну, хотя бы и так.

-И с этого она забеременнела?

-Мне твои догадки не нравятся, Галя.

-А я и не собираюсь догадываться.

-Ты что же, подглядывала за нами?

-И без того все было ясно.

-Тебе, может, и ясно, а для меня полный мрак. Сколько после той ночи прошло времени?

-Это нетрудно сосчитать.

-Считай и соображай. Сколько у этой девочки могло побывать мальчиков после той ночи?

-Да ты что, Саша, в своем уме?

-Я в своем. А вот ты не думаешь. Знаем мы их. Они спят и видят как бы заарканить кого-либо. Не выйдет у нее ничего. Мы все это уже проходили. Если даже что и было, то давно быльем поросло. За всех мальчиков я отду-

ваться не намерен. И прошу тебя об этой Катке мне ни слова. Договорились? Не мешай мне работать. Я пошел, - и погрозив ей, как провинившейся девчонке, пальцем, добавил: - Смотри мне.

-Ты едешь к ним? – спросил его Виктор.

-А куда ты от них денешься?

-С собой взял?

-Да, пятнадцать тысяч.

-Не мало?

-Думаю, откупимся. В крайнем случае, добавим.

Оставшись наедине с Виктором, Галина набросилась на него:

-Вот, оказывается, вы какие.

-При чем тут я? – обиделся ее друг. – Разве я перед тобой в чем провинился?

-Как не провинился? Обещал золотые горы. Замуж обещал взять. Разве не так было? А кто я теперь? Ни девка, ни баба. Живу на птичьих правах. Не приведи, - забеременеть, так же отмахнешься от меня как вот этот пузан.

-О чем ты говоришь? Я тебя никогда не брошу.

-А свадьбу? Когда сыграем?

-И свадьба будет.

-Скажи, когда? – не отступала Галина. – Когда рак на горе свистнет?

-Время еще есть, обсудим. Езжай домой.

-А Кате я что скажу?

-Передай ей вроде как от себя тысячу, ну, две.

-Тысячу, две. Эх, вы, деляги! Какому-то чинуше ни за что, ни про что пятнадцати не жалко. А девчонке, которой испортили всю жизнь, тысячу. Не стыдно?

-Не стыди меня, Галя. Ты наших дел не знаешь. Если не отдать пятнадцати, то и этой тысячи не будет. Поезжай домой. Вечером жди меня.

Шли дни. Дни слагались в недели, месяцы. Катя с тревогой встречала начало каждого дня. С ужасом думала о том единственном дне, когда наступит ее черед. И он, этот день, наступил. Вернее, не день, а ночь.

Ночь была тихая и теплая. Небо заволокли густые облака. Таяли последние остатки снега. С крыш падала, со звоном ударяясь о железное покрытие, редкая капель. В эту ночь Катя долго не могла уснуть. Ничто не предвещало бури. Чтобы успокоиться и забыться, она вслед за ударом каждой капли повторяла: день, день, день... Вот что-то сорвалось с крыши и сильно ударило по металлу. Должно быть, льдинка упала, - подумала Катя. Но тут же следом за этим звоном кто-то больно резанул ее по животу. Резанул так, что от неожиданности и боли она вскрикнула. Забыла про капель. Стала прислушиваться к собственным ощущениям. Боль прекратилась. Появилось чувство непонятной тревоги, даже какого-то страха. Прошло несколько минут и резануло снова. Вспомнила наказ отца: если боли начнутся ночью, чтобы обязательно его разбудила. Что делать? А может, это просто так? Через несколько минут резануло в третий раз, да так, что рассеялись все сомнения. "Началось", - подумала она. Зажгла ночничок и медленно пошла к дивану, на котором спал отец.

-Ты что, дочка? – спросил Сергей Павлович. – Пора?

Неожиданное участие отца сразу ее ободрило. По ее представлению, все должно было произойти совсем не так. Когда она сделала несколько чуть слышных шагов в сторону дивана, остановилась, потому что не могла представить, как она разбудит отца. Это ей казалось выше собственных сил. Сдерживали волнение и чувство собственного стыда перед ним. А вышло все так просто. Оказывается, отец не спал. Также негромко, но уже без прежнего волнения ответила:

-Наверное, папа.

Сергей Павлович наскоро собрался и подошел к телефону.

"Неужели все это правда? – подумала Катя, когда отец вызывал скорую. – Неужели это правда?" – и ею снова овладели только что покинувшие ее чувства волнения и стыда.

-Одевайся, дочка, - прервал ее размышления отец. - Скоро поедем.

-И ты поедешь?

-А как же?

-Ночь. Как ты пойдешь домой?

-Об этом не думай, это моя забота.

За всю свою короткую жизнь Катя успела познакомиться только с одной больницей, а именно с той, в которой лежала ее покойная мать после постигшего ее несчастья. Родильный дом, куда ее везли, представлялся ей примерно такой же больницей. Она даже обрадовалась тому обстоятельству, что привезут ее ночью, в это время там все будут спать, она незаметно сможет занять свое место в палате, ее появление никого не потревожит, и на нее никто не обратит внимания.

Но то, что она увидела, повергло ее в смятение. В коридоре и почти во всех палатах горели огни, женщины, почти обнаженные, некоторые с большими животами спокойно расхаживали по коридору. Откуда-то издали доносился истошный крик. Часто по коридору сновали взад и вперед в белых халатах сотрудники.

С отцом Катя простилась еще в приемном покое, дальше его не пустили.

-Береги себя, дочка, - напутствовал ее на прощанье отец. – Ты у меня одна осталась. Ничего не бойся. Пусть будет все хорошо. Жду тебя с пополнением. Не тужи, вдвоем мы справимся со всем.

Он поцеловал свою Катюшу в щеку, улыбнулся ей и исчез в дверном проеме, за которым стояла сплошная темень.

Еще когда Катя была в приемной, на нее напал какой-то страх. Она вся сжалась, по телу пошли мурашки.

-Ты что, милая? – спросила ее дежурная, оформлявшая на нее карту роженицы и обратившая внимание на ее сильное волнение. -Тебе плохо?

-Замерзла я, - искренне ответила Катя и с признательностью посмотрела на сотрудницу за проявленное к ней внимание.

-Ничего, милая, успокойся, это нервы. Скоро пройдет. В палатах у нас, слава богу, тепло, не как в других больницах. Пойдем, я тебя провожу.

В палате было светло и тепло. Несколько женщин не спали. Одна из них подсказала:

-Ложись вот сюда, рядом со мною, подальше от окна. Не ровен час, простудишься. Тебе нельзя простывать. Что же это ты такая худенькая? Плохо кормили? Ну и мужики ноне пошли. –Она встала, подвела Катю к свободной кровати и добавила: - Разбирайся и ложись. Ишь, как дрожишь.

Новенькая благодарными глазами посмотрела на свою покровительницу и негромко сказала:

- Спасибо вам, - и сняв с себя лишнее, улеглась под одеяло.

Но долго лежать ей не пришлось. Едва отогревшись и успокоившись, она почувствовала, что пришел ее черед...

Мучилась Катя недолго. На ее счастье, роды прошли благополучно. Это отметила и пожилая женщина -врач, принимавшая роды:

-Да ты прямо молодчина, моя девочка.

Когда пуповина была перевязана и обрезана, та же врач взяла живой комочек в руки, подняла так, чтобы роженица смогла его увидеть и с улыбкой произнесла:

-С дочкой тебя, мамаша. Помощницей тебе будет.

Катя ответила чуть заметной болезненной улыбкой и прошептала:

-Спасибо.

В это время комочек громко запищал.

-Какая голосистая, - сказала довольным тоном врач и, передав ребенка нянечке, снова взглянула на молодую маму и добавила:

-Лежи. Придется еще немного потерпеть. Но главное уже позади. Все хорошо, все хорошо.

Все у Кати складывалось как нельзя лучше. Миленькое пухлое создание радовало ее сердце. В положенные часы девочку приносили к матери. Катя с трепетным волнением, какого не испытывала никогда в жизни, прикладывала ее к груди и старалась насытить своим материнским молоком. Кормление своего собственного ребенка не только радовало ее, но порой и забавляло. Потеряв сосок, девочка начинала искать его, водила своим маленьким ротиком по сторонам, старалась отыскать свою законную кормушку. Насытившись, начинала зевать и вскоре закрывала глазки. А то вдруг на ее нежном личике появляется подобие улыбки. Ах, как прекрасно это новое для нее чувство – чувство материнства! У Кати есть теперь цель в жизни. Она знает, что должна и будет жить ради этого беззащитного существа, выношенного, нет, не выношенного, а выстраданного ею в течение долгих мучительных месяцев.

Первые два дня новой для нее жизни пролетели незаметно. Привыкшая к скудному домашнему питанию, Катя не замечала бедности больничной кухни. Казенный стол ее вполне устраивал. В то же время, всем женщинам родственники, близкие и просто хорошие знакомые непрерывно несли передачи. Приносили самое питательное, самое ценное. Не забывали, конечно, и о лакомствах. Несли всегда много больше, чем нужно. Если же кто-либо из женщин говорил, чтобы приносили поменьше, тут же следовало возражение: бери, принесли-то на двоих, так что - лишков не будет.

В палате знакомились между собою быстро, жили единой семьей, выкладывали на общий стол все, что приносили. Каждой хотелось показать свою

душевную щедрость. Приглашали к столу всех, не обходили и Катю. Ради приличия она отщипывала чего-либо съестного и, поблагодарив, отходила к своей койке.

На третий день после родов она подумала: почему ее ни разу не навесит отец, не случилось ли с ним что? Невольно вынудила ее подумать об этом и одна женщина из их палаты, спросившая:

- У тебя что же, Катюша, никого нету из родных?

Спросила как бы походя, без всякого умысла или намека. Но ее слова больно резанули. В самом деле, почему ни разу не пришел к ней отец? Не может же быть, чтобы он просто не захотел к ней прийти. Вспомнила, как он проводил ее в больницу. Нет, тут что-то неладно.

Вечером подошла к телефону. дождалась очереди и набрала номер своей квартиры. Долго прижимала трубку к уху в надежде услышать отцовский голос. Но увы! Не удержалась, позвонила Галине. Та была в полном неведении о том, что произошло с ее младшей подругой. Поздравила с дочкой, а через полчаса уже была в больнице с передачей.

Вернувшись домой, Галина приступила к розыску Сергея Павловича. Так ничего и не выяснив, попросила помощи у Виктора. Вдвоем объездили весь город. Наконец, в одном отделении милиции им подсказали о ночном нападении именно в ту ночь группы хулиганов на некоего мужчину. Поехали в указанную дежурным больницу. Точно, пострадавшим оказался Сергей Павлович. Узнали: несколько ножевых ранений, прооперирован, в сознании, жить будет, пролежит не меньше месяца. У Галины новая забота: как и что сказать Кате?

Поздний звонок позвал к телефону. Катя спрашивала: узнали ли они что про ее отца? Застигнутая врасплох Галина, не враз сообразила что ей ответить. Буркнула что-то неопределенное. А на другом конце провода настойчивый вопрос:

-Что с отцом?

-Он болеет, - послышалось в ответ.

-Он дома?

В ответ - молчание.

-Где отец? – закричала во весь голос Катя.

-Катя, Сергей Павлович заболел, лежит в больнице.

-Как туда позвонить?

-Не знаю.

-В каком он отделении?

У Галины не хватило сил больше обманывать подругу, ответила

-В хирургическом .

-Что?! Как он туда попал? Давно? Что с ним?

Но ответа не последовало. Кто-то их разъединил.

"Я так и знала, - подумала Катя. – Опять я виновата. Будь проклято все на свете!"

За всю ночь она ни на минуту не сомкнула глаз. Тяжелые мысли не дава-

ли покоя. Когда утром ей принесли девочку, оказалось, что у Кати пропало молоко. Девочка с жадностью припадала к груди, захватывала сосок, злилась что он был пуст, под конец расплакалась. Не меньше дочурки расстроилась и ее мама.

Каждый новый день Катя встречала словно наказание для себя. Приближалась пора выписки из больницы, но она не могла представить своего будущего. Куда она пойдет с ребенком? Кто ее ждет? Чем кормить девочку? Правда, в больнице она узнала, что есть детские молочные кухни, где она может получать на ребенка питание. Но туда нужно ежедневно ходить. А с кем она оставит девочку? К тому же, как подсказали ей всезнающие женщины, будто на этих кухнях бывают перебои с молоком. Что тогда? Хоть криком кричи, все равно не поможет. Ребенку же этого не объяснишь. Надо подумать и о себе. А у нее дома ни денег, ни продуктов. Вдобавок – отец. Где он и что с ним? Надо навестить его, чем-то поддержать. А что она сможет? От этих дум раскалывалась голова. А время шло.

Как-то заведующая пригласила ее к себе и тихим, вкрадчивым голосом предложила:

-Катюша, мне твои проблемы известны. Некоторые женщины в твоем положении оставляют детей в приюте, а по прошествии времени, когда их жизнь наладится, берут их обратно. Как ты смотришь на такое?

Катя была наслышана о таком, но к себе этого пока не примеривала. Что же касается других женщин, оставлявших своих детей на попечение казенных заведений, то она их просто осуждала. И вот теперь подошел ее черед. Катя не враз нашлась что сказать в ответ. Видя ее замешательство, заведующая предложила:

-Я тебя не тороплю, Катюша. Но ты подумай.

Словно боясь, что она передумает, Катя торопливо ответила:

-А что мне думать? Мне и думать нечего. Я должна за это только поблагодарить вас.

-Вот и хорошо. Если ты согласна, от тебя потребуется только собственноручно написать заявление и предложить девочке имя, каким бы ты хотела ее назвать.

-Вы подскажете как его написать?

-Да, Катюша. Я дам тебе образец, по нему и напишешь.

-Когда я должна это сделать?

-Ты очень слаба, недельку побудешь у нас, а перед выпиской напишешь.

-Спасибо вам за вашу доброту, - и Катя смахнула рукавом больничного халата невольно выкатившуюся из глаза слезу.

-Ты не расстраивайся, Катюша. Время сейчас такое нехорошее. Будем надеяться, оно когда-то кончится.

-Мне хорошего не дожидаться.

-Это ты напрасно, Катюша. Со временем все переменится к лучшему и у тебя.

-Спасибо вам на добром слове, - ответила Катя слышанной от женщин фразой.

С раздвоенным чувством вышла она из кабинета заведующей. Без де-

вочки ей будет легче. Она будет свободной, постарается устроиться на работу, пусть даже самую-самую простую и малооплачиваемую. У нее появятся хоть небольшие деньги. Она не умрет с голоду. С другой стороны, ее терзала мысль о ребенке, которого она сама передает в чужие руки. Поэтому и смотрела она на свою девочку то, как на помеху в ее жизни, то как на безвинное обездоленное существо. Иногда она наведывалась в детскую, где рядом стояли кровати, а в них лежали пухленькие живые комочки. Среди них и ее такое дорогое и, вместе с тем, нежеланное ее творение, появившееся на свет против ее воли.

Катя бессознательно искала повод, ухватившись за который, можно было, оставив девочку в приюте, оправдать себя и очистить душу от груза ответственности за судьбу своего ребенка. И она нашла то, что искала. Этим поводом стало то, что появилась на свет ее девочка помимо ее желания, и что с нею связаны многие беды ее семьи. Она часто вспоминала свою покойную мать, ушедшую из жизни только из-за ее, Кати, беременности. Не раз перед нею зримо вставал образ искалеченного хулиганами отца. Подумала и о своей исковерканной судьбе. И все это она отнесла на счет собственного ребенка.

Усиливалась появившаяся отчужденность к девочке еще и тем обстоятельством, что с некоторых пор кормить ее стали посторонние люди. Установившаяся живая связь между нею и ее ребенком при кормлении грудью прервалась. Катя все реже стала заглядывать в детскую, интерес ее к собственному ребенку заметно ослабевал. Порою она даже забывала, что где-то рядом с нею находится ее девочка.

В то же время, проблемы собственного будущего вставали перед нею все острее, представляясь иногда просто непреодолимыми. Катя стала плохо спать, целыми ночами лежала с открытыми глазами с одной и той же думой: как ей дальше жить?

Все роженицы, которые находились в палате при ее поступлении, выписались. Пришли новенькие. С ними отношения у Кати не наладились. Сама она к этому не стремилась. Женщины тоже смотрели на нее с каким-то отчуждением. Ну и пусть, - думала она. – Меньше будут приставать.

Особенно невзлюбила она одну из новеньких, толстую и круглую, как арбуз, трещавшую без умолку по целым дням. Женщина эта вступала в любой разговор, кем бы и на какую тему ни велся. Она всех поучала, бралась за самые сложные вопросы. Хотя несла она обычно какую-либо чушь, женщины слушали ее с большим вниманием. Подкупала она их своей хотя и примитивной, но неумной фантазией. Учила разным житейским хитростям, до которых те были не в меру охочи. С ее слов записывались всякие заговоры. Научила всех женщин, как присушить чужого мужа и, как отвести своего от какой-либо не в меру охочей бабенки. Когда ее спросили, откуда она все это знает, новоявленная знахарка, не моргнув и глазом ответила, что больше десяти лет училась колдовству у лучших специалистов этого непростого дела. На вопрос, где она училась, ответила, что это большая тайна и непосвященным в нее знать не полагается, если же кто случайно об этом узнает, то больше трех дней не проживет.

Однажды поздним вечером, женщины уже лежали в постелях, эта все-

знайка решила продолжить их просвещение:

-Вот вы лежите тут, мои милые, а того не ведаете, откуда берутся колдуны.

-Но ты же говорила, что их учат другие колдуны, - ответила ей соседка по койке.

-Да я не про тех хотела вам сказать. Таких ученых, как я, по пальцам можно сосчитать. Я про тех, которых тьма-тьмущая. Эти самые вредные, они чернокнижники. От них все зло на земле.

Женщины наперебой стали просить, чтобы она непременно рассказала откуда же их такая тьма. Подогрев любопытство своих слушательниц, ученая колдунья таинственным голосом начала:

-То, что вы, мои милые, ничего об этом не ведаете, я и без вас знаю. Я про каждую из вас знаю кто из вас какая. Только одна из вас осталась верной своему мужу, а остальные...ха-ха-ха. Но не будем больше об этом. Не бойтесь, я никому об этом ни слова. Я такую клятву давала. У колдунов это называется..., хотя вам об этом тоже не нужно знать. А теперь насчет этой тьмы, о которой говорила. Слушайте и мотайте на ус. Ежели, какая девка родит девку, а у той девки опять рождается девка, а у той девки, не дай господи, снова будет девка, то та девка, которая рождается последней, а она будет четвертой девкой, то та четвертая девка и станет колдуньей. Поняли? – спросила она с явной угрозой в голосе.

-Как не понять. Но неужто это правда? – спросила одна из женщин.

-Ты мне не веришь? – возмутилась ученая колдунья.

-Что ты, что ты, - замахала та руками, - я по дурости спросила. Разве можно тебе не верить?

-То-то же, - примирительно посмотрела на нее колдунья. – Знай, у кого и что спрашивать. Не будешь мне верить – пропадешь. Вместе со своим дитем пропадешь.

Не придававшая вначале ее словам сколько-нибудь серьезного значения, Катя вдруг стала считать и загигать на своей руке пальцы. Это что же? – сосчитала она, - четвертая девка – это же моя девочка. Не может быть! Не веря себе, стала считать снова. Бабушка родила мою маму в девушках, это уже два пальца. Мама родила меня тоже в девушках – три. Я родила свою девочку точно так же – четыре. Выходит, моя девочка будет колдуньей?

Бессонные ночи и без того воспалили ее сознание, и вот теперь еще это. Какой ужас! Неужели ее девочке уготована такая судьба?

Не веря услышанному, переспросила:

-Скажите, откуда вы это взяли?

-Что взяла?

-Ну, насчет колдуни.

-Вот, Фома-неверующий. Да я, может, сама Шамбала. Ты про Шамбалу что-нибудь знаешь? Да откуда тебе знать? А про аум слыхала? Молчи, я по твоим глазам вижу. А эти колдуны для меня – тьфу, можно сказать, мразь. Да я всех их могу за пояс заткнуть. – Она вытянула вперед правую руку и сжала пальцы в кулак. – Вот они где у меня. Ха-ха-ха. Деточка, - закончила она свою тираду, - а почему ты спросила об этом?

Желая закончить неприятный для нее разговор, Катя ответила:

-Да я просто так спросила.

-Просто так и прыщик не вскочит. Ты хочешь что-то утаить от меня? Ничего у тебя не выйдет. Я и без того, все про тебя знаю.

-Ничего я не хочу таить от вас, говорю, просто так спросила.

-Тогда спи. Дети в это время уже спят.

Но Кате не спалось. Разве может она уснуть, когда ее девочке уготована такая страшная участь? Моя девочка будет колдуньей. Моя девочка будет колдуньей. Моя девочка будет колдуньей, - повторяла она без устали. — За что же ей такое наказание? За что?

Катя не могла больше лежать. Встала, накинула халат, вышла в коридор. В конце его — окно. Через запотевшее стекло взглянула на город. Кругом сплошная темень. Город выглядел каким-то зловещим, словно перед большой бедой. Через открытую форточку доносились звуки музыки. Где-то в этой непроглядной темени, славя Россию, надрывалась известная певица.

-О чем она поет? — возмущалась Катя. — Разве об этом нужно? Надо о другом, о людских бедах. — Со злостью захлопнула форточку и отошла от окна.

А из ума не выходит: моя девочка будет колдуньей. колдуньей, колдуньей.

На грани потери рассудка прошла в детскую. Отсчитала от края шестую кровать. А в шестой ли она? Может, в пятой? Или в шестой?

И снова: моя девочка будет колдуньей, колдуньей, колдуньей...

Нет, не будет моя девочка колдуньей! Не будет! Не будет! Не будет!

Склонилась над мирно спавшим ребенком. Две ее руки, словно два подкрашивших хищника, неожиданно для нее самой, обхватили шейку ребенка и стали ее сжимать. Бедное дитя захрипело, начало судорожно биться. Так же неожиданно руки разжались: на большее не хватило сил.

С горящими в темноте сухими, без слез глазами снова очутилась в коридоре. Подошла к окну, открыла форточку. Свежий воздух ударил в лицо. Но она даже не ощутила его. Стало тяжело дышать. Закружилась голова. Полутемный коридор галопом понесся округ нее. Катя потеряла сознание и упала.

Очнулась уже в палате. Вокруг нее были люди в белых халатах. С недоумением смотрела на них: почему они здесь? Спросила:

-Можно мне встать? Мне к девочке надо.

-Лежи, лежи, - остановил ее дежурный врач, - тебе нужен покой.

Она еще не раз пыталась встать, успокоила ее лишь изрядная доза снотворного.

Утром в больнице поднялся невероятный переполох. Среди рожениц разнесся слух, будто на шейке одного новорожденного мальчика обнаружены багровые пятна, похожие на следы от пальцев человеческих рук. Высказывались всякие догадки, но большинство сошлось на том, что кто-то пытался этого ребенка задушить. А вот чьих рук это было, в толк взять не могли. Поэтому, - доверились словам признанного авторитета ученой колдуньи.

-Тут и гадать нечего, - заявила она решительным, не терпящим возражений тоном. — Вам видеть этого не дано, а я сама ночью узрела, как по коридору бродил Бурдулак. Детскую кровушку приходил пить. Он только этим и живет. Хорошо, что я на ту пору погодилась. Он испугался меня и ушел. Они такие.

Сколько невинных детишек от них пострадало – и не счесть. Вот так, девоньки, и было. Не человеческих рук это дело.

Женщины в испуге крестились, шептали, кто знал, молитвы, читали записанные здесь же заговоры. Страшная весть о кровожадном Бурдулаке гремучей змеей проползла по палатам. Не выждав положенного срока, некоторые женщины стали проситься отпустить их домой.

А тем временем в одной из палат продолжала биться в истерике мать пострадавшего мальчика. Врачам пришлось отхаживать сразу двоих. В коридоре напротив этой палаты скопилось немало любопытных, желавших видеть страдания несчастной матери собственными глазами. Когда дверь в палату закрыли, и зрелище исчезло, еще долго были слышны человеческие вопли.

После кошмарной ночи Катя долго спала. Проснулась с трудом - от гвалта и доносившихся истошных криков. Прислушавшись, спросила неведомо кого:

-Что это?

-Больно долго дрыхнешь. Так все царствие небесное проспишь. Иди, глянь свою куколку, может, и ее ночью Бурдулак душил, - ответила всезнайка.

-Какой Бурдулак? – не поняла Катя. –Может, Вурдулак?

- Ты что лепечешь? При чем тут Вурдулак? Ты слыхала звон, да не знаешь откуда он. Вурдулак это...это...это же младший брат Бурдулака. Он совсем маленький. А это был Бурдулак.

-А кто такой Бурдулак?

-Известно, кто. Тот, что ночью детскую кровушку пьет.

-А это кто кричит? Бурдулак?

-Да ты очнись, соня. То ж мать этого несчастного ребеночка вопиет, дите свое жалеючи. Если бы не я, задушил бы этот Бурдулак ее деточку.

Катя спросонья не враз сообразила, о чем она говорит. Очнувшись от сна, будто что-то вспомнив, вскочила с постели и, не оправив даже на себе халата, переполненная тревоги за свою девочку, сопровождаемая тем же истошным криком, кинулась в детскую.

Ее дочурка не спала. Маму встретила чуть заметной улыбкой. Катя выхватила ее из кровати, прижала к своей исхудавшей груди, заглядывала ей в глазки, нежно прикладывалась к дорогому личику губами. Прижав ее к себе еще крепче, она закричала, да так громко, будто хотела, чтобы ее услышал весь мир:

-Девочка моя, родная моя, кровинушка моя! Прости свою маму. Я никому, никому тебя не отдам! Ты слышишь? Я никому тебя не отдам! Никому!

Сатиризмы

*

Бездушный, черствый и жестокий,
Планету топчет новый ВЕК...
Былой, высокой чести, крохи —
Спасти сумеешь, ЧЕЛОВЕК?..

*

Сменила Молот на Орла
Полит-цековская Орда...
С дубов совкового труда
Стрижет купоны — без стыда!

*

Блеск рекламы...
Литавров гром...
Фейерверки фуршетов.
Плюнь в рюмку!
Там, в подсобке,
Шеф давит сок —
Секретарше молоденькой...
В юбку.

*

Время Амазонок...
Время стриптизерш...
Вдоль дорог, спросонья —
Сотни квелых “герлш”...

*

Предприниматели лихие,
Миллионеры удалые...
Лишь для себя —
Вы все “крутые”,
Но для народа — никакие!

*

Красавиц голубых кровей —
Презрительно швырнули...
На Бродвей.
Так расстреляли мы элиту,
Придумав псевдо-Аэлиту.

*

Дипломированные дилетанты -
Высоко звучат их дисканты...
Словесная эквилибристика:
Амбиций, чувств и мыслей мистика...
Вопиющая безвкусица -
Уверяет целый свет,
Что она — лишь только учится...
Дайте срок,
Все будет — в "цвет"!!!!

*

Борцы за народное счастье,
Знакомы вы нам...
По несчастью!

Фотоприкиды

В нашем сатирическом разделе, представленном известным в городе литератором-юмористом и, не менее известным, фоторепортером Владимиром Зиновьевым, - сегодня необычный "бенефис".

Остро-язвительные строки его поэтических "гномов", отличают настоящее капиталистическое нашей жизни, а вот иллюстрации имеют самое непосредственное отношение к судьбе и облику родного города.

"Умный город" – это - истинно верный лозунг для Димитровграда, - имеющего огромный потенциал, определяющего интеллект "Наукограда". Мы – одни из первых в России - по количеству юристов, экономистов и педагогов учебных заведений всех рангов - на душу населения. Мы, по праву, "Культурная столица Поволжья". А все это – вместе взятое – недаром сконцентрировано в политике управления городом. В главе Димитровграда – неисчислимом на выдумку и работоспособность – С.И.Морозова.

Тем горче и больнее, когда на фоне признанных успехов, в обстановке хорошеющих улиц, обновляющегося скульптурного обелика, восходящего "царства" чистоты и благоустроенности, - мы еще видим, - и из-за этого особенно выпукло – недоработки и отставания коммунальных, оздоровительных, благоустроительных, санитарно-очистительных муниципальных служб. Именно, от их собственной расторопности, распорядительности, исполнительности и интеллектуального уровня зависит насколько они успевают за перспективным мышлением главы города. А иногда эти службы, и подчиненные главе и горсовету люди просто "подставляют". И здесь, видимо, главный резерв в деле управления городским хозяйством науко-и-культурногограда – в кадрах и их деловой способности. А иначе.. иначе не обратиться бы нам в антипод, из сказки о Буратино и стать бы жителями "города дураков", каким пока еще можно увидеть Димитровград в фотоработах неравнодушного и талантливого мастера.

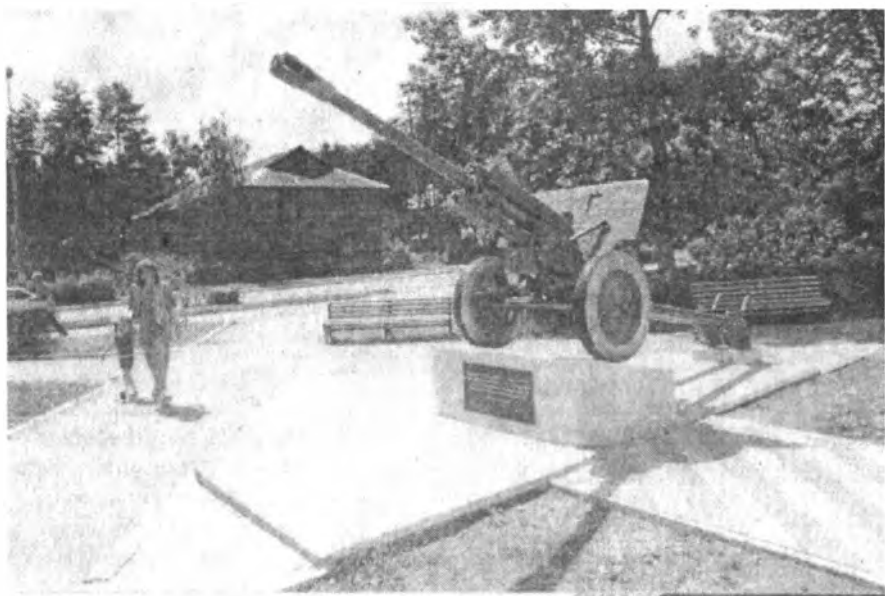
И почему же символом филиала УлГУ стала мудрая сова, если при увеличенном рассмотрении, - на ее лапах – копыта "князя мира сего" – Беса?

"Потемкинский забор"? За его "фасадом" – иллюстрация умного города. А за подпорками?

Глядя на проспект Автостроителей в "сезон дождей", можно признать, что Димитровград город морской...

Или... артиллерийский, судя по количеству стволов пушечных на душу населения.

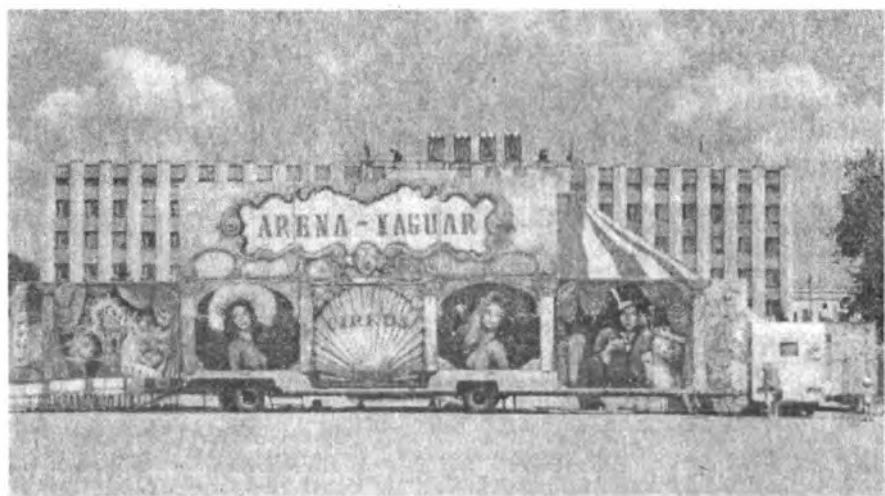

А это - реставрационная панорама в центре культурной столицы на бывшей улице "Большой".

Не иначе, как эту свалку службы саночистки города собрала специально и с "тонким" намеком, ибо создана она на углу улицы имени... Морозова да еще в том районе города, где проживает глава!

Эдак "оригинально", ретивые чиновники прикрыли фронтон Дома Советов, резиденции главы города, где рядом управление архитектуры. Не правда-ли, подобная порнография "Арены Ягуар" скрасила облик главной площади культурной столицы?

ДАМСКИЙ АЛЬБОМ

Ее тело...

Странно, но я не видел ее маленькой девочкой, когда она играла в песке с другими, такими же крошечными, важными дамами, слишком серьезно относящимися ко всем своим играм. Смешные косички и "хвостики", с огромными белыми бантами, коротенькие платьица, носочки, сандалики. Большие старые куклы, которых мамы уже не берегут и разрешают выносить на улицу, и те таращат бессмысленно-красивые глазищи на возню своих строгих хозяек. "Секретики" закопанные рано утром под корнями деревьев, и лишь после тысячи клятв и обещаний - молчать, показываемые подружке, и громкий отчаянный плач на следующий день, когда на месте бесценного клада остается разрытая жадными ручонками темная ямка. Ссоры, потасовки, тягучие крики: "Мама!", смех, скрип качелей, яркие конфетные бумажки - все это, связанное с ней, прошло мимо меня. Почему?! Как сразу я не распознал ее среди десятков других девочек? Ведь она - совсем иная!

Ее тело, такое гибкое, подвижное...

Я не знал ее угловатым подростком. Не помню, чтобы она спешила в школу, с модной сумкой на плече, с вызывающе поднятым подбородком, с кокетливо высветленной и завитой, несмотря на запреты учителей, челкой. В компании кучкующихся ровесников, не возвращалась она после занятий к нашему старому дому. Среди звонких всплесков смеха не звучал тот, единственный, на который отзывалась вся душа моя, каждая клеточка моего тела. Она не взвизгивала вечерами в ответ на неумелые, грубоватые приставания хрипло хохочущих мальчишек. Не сплетничала с подругами, дерзко поглядывая вокруг - сквозь прищур глаз. Она не выводила гулять своего неуклюжего щенка, день ото дня взрослеющего и превращающегося в породистого красавца или длинноногую лохматую дворнягу, не бегала с ним наперегонки, не учила премудростям собачьей жизни. Не чертила "классы" на асфальте, не носилась по зеленой лужайке с ракеткой в руке, не.., не.., сплошные НЕ... Все потому, что я просто не знал ее в то время. Она появилась вдруг!

Вдруг я увидел ее тело, такое гибкое, подвижное, с быстрыми жестами тонких рук, с упругими шагами, танцующей походки. Платье, цвета полуденного неба, так бережно окутывающее хрупкую фигурку, ниспадающее легкими складками от талии. Очень длинные, чуть волнистые светлые волосы, небрежно спутанные случайным ветерком. Да, на ее голове была еще такая старомодная шапочка, из пожелтевшего от времени кружева, удивительно подчеркива-

ющая ее неповторимость. Она шла по залитой солнцем лужайке, небрежно помахивая сумкой для продуктов, невысокие каблочки мягких туфель не ранили траву, не прокалывали землю острыми жалами. Она вся была такой воздушной, невесомой. Она напомнила мне девушек давних времен, тех что как-то вдруг состарились, потеряли свою воздушность и ходят неторопливо, опираясь на палочку, сверкая белизной своих вязаных воротничков; их кожа хранит еще ароматы старой пудры и духов, но запах нафталина и спертости воздуха их комнат, почти совсем забывает эти ароматы. Неужели и ее тело когда-нибудь утратит свою белизну и свежесть? Я вздрагиваю от ужаса пронзающего мои мысли, я поддаюсь порывам ветра и трепещу, трепещу, трепещу...

Я поджидаю ее возвращение с нетерпением влюбленного. И она возвращается, идет в тот же подъезд из которого, кажется, вышла. Я недоумеваю, почему я лишь сегодня увидел как красиво она делает все - идет, несет сумку, открывает дверь подъезда, ускользает в его черноту...

Уже конец июня, но животворные соки по-весеннему заструились по всем моим бесчисленным артериям. Я влюблен! Я мог бы говорить стихами, но я не умею говорить, я могу лишь наощупь, вслепую, искать среди тысячи других, ее запах, ее неуловимую ауру, и тянуться к ней, пронзая лунные потоки через ночь, сквозь стены, и быть ласкаемым ее снами и грезами, целовать ее дыхание и быть счастливым только от того, что она есть на свете. Как ярко сияет сегодня луна, наполняя прозрачную темноту своим мерцанием, легкие облака превратились в нежнейшие вуали, скрывающие время от времени ослепительную красоту небесной царицы, и запоздалые соловьи преподносят ей свои трогательные трели...

Сегодня она увидела меня. Я думаю, она узнала обо мне все, в тот миг, когда шла наискосок, через лужайку к своему подъезду, и, вдруг остановилась, обернулась, и пристально посмотрела в мою сторону, я задрожал всем телом, а она рассмеялась.

Вечером она подошла ко мне и провела своей ладонью, нежной как лепестки ландыша по моей темной и грубой коже. "Какой же ты красивый!" - мечтательно произнесла она и снова погладила. "Я только сегодня увидела какой ты у меня красивый, я буду очень любить тебя!", - она прижалась ко мне своей шелковистой щекой и ее волосы рассыпались принакая к каждой моей шероховатости, к каждой трещинке, они были похожи на лунные блики, светлые на темном. Какой-то жучок-несмышлениш тут же пополз вверх по одной тонкой пряди, а она не заметила... А я не мог стряхнуть его, чтобы он своей ненужной торопливостью не нарушал волшебство нашего единения. Я не мог сосредоточиться ни на чем другом, только этот жучок и все! Она же отпрянула, когда жук, наконец, добрался до ее щеки, рассмеялась и с брезгливой гримаской встряхнула головой.

С тех пор мы часто разговаривали с ней. Она прижималась ко мне своим гибким тонким телом и шептала всяческий девичий вздор, а я слушал, млея от счастья и молчал, даже не пытаясь хоть как-то отвечать на ее нежность, чтобы не спугнуть ее.

Однажды был дождь, сначала гроыхала гроза, дождь то принимался идти, то прекращался совсем, а потом вдруг припустил без устали. Я очень

люблю дождь, а она - нет. Она - дитя солнца и света, она не чувствует необходимости в дожде...

Лужайка промокла насквозь, огромные лужи кипят пузырями, струи дождя сбивают лепестки шиповника и они усыпают мокрую траву, прилипают к листьям других кустов. Вдруг, дверь ее подъезда распахивается и светлая легкая фигурка несется ко мне. Она обвивает меня руками и дрожит всем телом. Это не дождь оставил следы на ее лице, это слезы бесконечным потоком устремляются вниз, к подбородку, по шее, скапливаются в маленькой ложбинке и снова вниз, в вырез белой, промокнувшей кофточки. Она плачет, а я не понимаю причину слез, я не могу расспросить ее, дать совет, я умею только слушать... Жгучая жалость переполняет мое сердце, мне кажется, я желтею от ненависти к обидевшему ее, а она все плачет... прижавшись ко мне...

Она снова смется. Я видел, как сегодня она шла с каким-то высоким длинноволосым парнем. Он небрежно обнимал ее одной рукой, в другой держал гитару. Сверкнула на солнце его серьга, прядь волос отвел назад ветер, я увидел его по-детски нежное, очень красивое лицо, трогательную улыбку, подбородок с ямочкой. Они были счастливы, они шли к ней домой, она даже не взглянула на меня, но я был тоже счастлив - ведь она смеялась... Вечером она вышла провожать его и, привела ко мне. Они стояли рядом и целовались, очень долго. Она погладила меня и сказала: "Это мой друг, когда тебя нет рядом, я только возле него и чувствую себя хорошо". "Теперь я буду ревновать!" - голос у него негромкий, приятный, но... неискренний... Он гладит ее по щеке, легко касается губами чистого лба и улыбается этой своей трогательной улыбкой, она тает и восхищенно вздыхает. Он уходит не оглядываясь, а она все стоит прижавшись ко мне и смотрит вслед этому чудесному принцу. Этому красивому чудовищу...

Сегодня я, наконец, узнал, где она живет. Я увидел ее тело, гибкое, изящное как у кошки, когда она отворила окно и посмотрела вниз. Я прошелестел ей свое приветствие, но она не захотела ответить тем же. Она все смотрела и смотрела из окна девятого этажа и, вдруг вскочила на подоконник. Она опять была в том небесном платье, подобная перистому облачку, с распушенными как всегда волосами, похожими на лунные блики, она вся была такой воздушной и невесомой, что, когда шагнула вниз, я даже не испугался, потому что она должна была взмыть вверх, подхваченная порывом ветра. Она была, казалось, легче перышка... но почему-то падала вниз...

Я рванулся, чтобы подхватить ее, удержать в пышных ветвях, укачать, убаюкать, чтобы забылось все плохое, темное; для чего еще как не для этого у меня столь пышная крона, но корни, слишком глубоко проникли в землю, стремясь в ее мрачные глубины, к тайным источникам, к наслаждению...

Я не выполнил то, для чего рос все эти долгие бессмысленные годы, хороший, покрываясь листвою и сбрасывая ее, даря воле ветра свои бесчисленные чада, улетающие за тридевять земель...

Я не удержал ее тело и ее не стало... Ее чудесная душа взмыла в небесную лазурь и растворилась в ней... А ее тело так и осталось лежать на земле, по которой совсем недавно пробежали ее каблучки, не ранив траву... И еще лунные блики на траве...

Теперь я совсем не люблю луну... она чужая здесь на земле... Я жду часа, я жду ветра, когда отправлю своих детей туда, где она теперь, быть может кто-нибудь из них разыщет это печальное место и прорастет, и накроет листьями-ладошками ее нежное лицо, и вырастет Клен, и будет шептать ей о вечной моей любви к ее телу...

Любовный напиток

Солнце заливало ярко-зеленую лужайку перед домом. Возле аккуратной калитки разговаривали две женщины - миниатюрная блондинка в спортивной одежде и высокая брюнетка в деловом костюме. Обе беспечно смеялись и, прикрывая ладонями глаза, пытались что-то рассмотреть на проезжей части. Вскоре к ним подъехал красный "Феррари". Из него вышел мужчина в красной же куртке и светлых джинсах, он приобнял темноволосую красавицу, поцеловал ее, потом чмокнул в щеку блондинку, та покраснела и, отведя сияющий взгляд от лица мужчины, поправила волосы и распахнула калитку:

- Ох, Ники, не знаю как и благодарить тебя! Спасибо за все!

- Не стоит благодарности, мы должны помогать друг другу. Что ж, доверяю тебе супруга, делайте ваш ремонт, а у меня еще совещание в школе. Красавица скользнула за руль и помахала оставшимся рукой, машина медленно поплыла по лоснящемуся асфальту.

Мужчина защелкнул замочек калитки и, взяв женщину за руку, быстро направился к дому.

- Деннис, нас могут увидеть. Мне так неловко...

- Чепуха! Николь до того занята своей образцовой школой - собрания, совещания, ярмарки - ей просто нет дела до двух озорников, вроде нас с тобой.

- Я боюсь, что она подозревает нас, - женщина понизила голос до шепота закрывая за собой дверь, мужчина обнял ее и заглушил ее слова быстрыми поцелуями.

Николь припарковала машину у школы, выходить она не спешила, смотрела через припущенное стекло на пробежавших мимо девчонок в коротких форменных юбочках и белых блузках и размышляла. Медленно, словно нехотя, извлекла из сумочки пачку сигарет и, вытянув одну, закурила, оставляя на фильтре след темно-вишневой помады. "Все ясно - они стали любовниками, я не хотела верить, но Полине удалось заполучить его. Что Денниса привлекло в этой безмозглой курице?

Деннис в университете, каким он был - красивым, уверенным в себе, подавал большие надежды и ... Устроился на работу в третьеразрядной фирме по изготовлению игрушек! Женившись на Полине, погряз в семейных делах, в ленточках и кружевцах, дурацких рыбалках и пикниках с соседями. А я вдохнула в него столько жизненной энергии... Я заставила переменить работу, образ жизни, пристрастия, приятелей. У него роскошный дом, положение в обществе, Деннис буквально купается в заказах и деньгах, но тянет его по-прежнему к Полли. Что же я сделала не так?" - Николь отшвырнула окурочку прямо на газон и, выйдя из машины, громко хлопнула дверцей. Изящная, подтянутая как всегда, она зацокала каблучками по дорожке. Навстречу ей попала пожилая дама в немыслимом ярко-желтом костюме и огромной шляпе. Она поздоровалась с Николь и остановилась:

- Дорогуша, вы позволите мне вас так назвать ? - не дожидаясь ответа, дама продолжила монотонно, немного в нос, - Вы прекрасно зарекомендовали себя как преподаватель, как администратор и организатор (она, словно упивалась этими длинными, каркающими словами), школьные учителя, знаете-ли, избытком интеллекта и фантазии не страдают, но вы - совсем другое дело, красивая, умная, выдержанная, мои внучки поклоняются вам как кумиру, всю комнату оклеили вашими фотографиями, я заразилась их благоговением ...

- Благодарю вас, я тороплюсь. Если вам угодно сказать что-то более важное, чем выразить свое благоговение - у вас две минуты!

- Я была в гостях у давней приятельницы. Знаете, она живет на Плющовой улице, там же где и ваша подруга. Так вот, некоторые мои подозрения, подкрепленные долгими часами наблюдений, привели к убеждению... Ваша подруга и ваш муж - создали преступный адюльтер! Мне очень обидно, что такую красивую женщину как вы, обманывают, причем, самым бессовестным образом!

- Во-первых, у меня не было и нет подруг, во-вторых, я не нуждаюсь в вашей детективной деятельности, в третьих, у меня нет никакого желания беседовать с вами на столь пикантные темы. Благодарю! - Николь обошла оторопевшую даму и продолжила путь. Но, не ступив на ступени школьной лестницы, вдруг круто развернулась и чуть ли не бегом вернулась к машине. Та, алой стрелой, вспорола широкую тенистую улицу, исчезнув на повороте.

После десяти счастливых лет супружества, Деннис и Полина Флеер решили развестись, причем безо всяких видимых причин для друзей, соседей и наверное, для самих себя. Во время одного из пикников, которые так любила устраивать для знакомых эта веселая, немного безалаберная чета, они объявили о предстоящем разрыве своих отношений и даже назвали дату, но им никто не поверил, Флееры всегда были склонны к розыгрышам...

На голову Денниса обрушивались проклятия, но экс-супруга всегда вставала на защиту, твердя, что он всего лишь невинная жертва. Полли содержала небольшую швейную мастерскую и ее доходов хватало, чтобы держаться на плаву, и иногда она по старой привычке устраивала чаепития в саду для самых близких друзей. Однажды, выпив вина чуть больше, обычного, она поведала, что Деннис женат на ее университетской подруге, красавице Николь (ее пару раз приглашали на пикник). Теперь он живет в роскошном доме с садом и бассейном, работает в огромной фирме, его разработки имеют успех и он вполне доволен своей новой во всех отношениях жизнью.

А на следующем чаепитии присутствовали уже - вышеупомянутые Николь и Деннис Флеер собственной персоной, немало огорошив своим приездом остальных гостей. За два года отсутствия Деннис похудел, возмужал и стал невероятно молчаливым, он, словно тень, слонялся по саду и, сталкиваясь лицом к лицу с Полиной, порывался ей что-то сказать. Она же ускользала, не желая выслушивать его бредни. К новому Деннису понемногу привыкали. Николь, несмотря на свою красоту, остроумие и изящные манеры, не понравилась никому! Супруги Флеер приезжали сначала по праздникам, потом визиты участились, и спустя какое-то время, все будто вернулось на свои места. Деннис жарил во дворе мясо, Полли сновала из кухни в сад и обратно, веселая и румяная, с тарелками, корзинками полными всевозможных пирожков и пече-

нья, вазочками для варенья. Знакомую картину нарушала лишь покачивающаяся в кресле Николь, холодно наблюдающая за приготовлениями к празднику поверх своей толстой книги, а вскоре и она сделалась лишь фрагментом пейзажа, не заслуживающим особого внимания.

Как-то раз Полли взобралась на стремянку, разыскивая в шкафчике упаковку салфеток, в этот момент в кухню вошел Деннис. Он устал, как школьник, на поднявшуюся вверх и обнажившую крепенькие, загорелые ножки юбочку, и вдруг бросился к Полли, сгреб ее в объятия и, целуя, сквозь бурные рыдания, закричал:

- Полли, Полли, ну почему так?!!

Деннис и Полли только что закончили красить подоконник и теперь сидели на полу в обнимку, неподалеку болтала и фыркала кофеварка, понемногу опустошалась тарелка с пирожными, майское солнце заливало комнату и нежнейшие пылинки без усталости кружились в его лучах. Деннис уложил голову на колени Полины и монотонным голосом, в который раз уже начал упрашивать ее разрешить ему остаться здесь навсегда.

- Милый, но ведь ты теперь богат... У тебя есть все о чем только может мечтать человек...Престижная работа, красивая жена, обширные связи в этих... деловых кругах... так кажется, говорят? Еще несколько лет и ты можешь стать президентом компании, о твоих разработках пишут толстые дорогие журналы... Что могу я дать взамен? Такой как Николь я не стану никогда, да и не могу я общаться с людьми, которые мне неинтересны, даже если это необходимо для твоего дела.

- А мне ты и нужна такой, какая есть: милая, домашняя, со своими куклами, книжками и печеньями. Ты не представляешь, в каком ритме мне приходится жить! Я заключаю кучу контрактов, подписываю горы бумаг, посреди ночи лечу в разные города на встречи с незнакомыми мне людьми, сплю в отелях, творческой работой мне и заняться некогда, верчусь как сумасшедшая юла. А когда я возвращаюсь домой, чтобы отдохнуть, меня встречает Николь в вечернем платье, и мы едем куда-нибудь на важную вечеринку. От неправильного питания и частых возлияний у меня отвисло брюшко, из-за бессонных ночей стали выпадать волосы, а под глазами появились мешки, я стал заниматься спортом и ограничивать себя в еде, что безусловно пошло мне на пользу, но Николь вновь завышает планку и требует, требует, требует...

Ох, Полли, где те времена когда я изобретал игрушки, рисовал, творил, придумывал всяческие забавные механизмы, а ты сидела неподалеку от компьютера и вязала, иногда давая весьма полезные советы. Сам не понимаю, почему я вдруг стал мужем этой ужасной женщины, я ведь ни единой минуты не любил ее, даже не чувствовал никакого влечения - и вот мы с тобой порознь, а тебя это очень, кажется, устраивает.

Полли лишь пожала плечами и закусил губу, удерживая слезы. Она высвободила свои колени и поднялась, потягиваясь. Внезапно она побледнела, попыталась что-то произнести, но изо рта вырвался лишь хриплый стон и Деннис едва успел подхватить ее. Он перенес ее в другую комнату, распахнул настежь окно, брызнул в лицо водой, но Полли не пошевелилась, лицо ее приобрело зеленоватый оттенок, тонкие пальцы налились тяжестью, пышные светлые локоны потеряли свой блеск и повисли безжизненно.

...Низко нависшее над пустыней небо словно грозило вот-вот обрушиться на землю, закатный свет солнца пробивался сквозь неподвижные слои облаков, окрашивая местность в мертвенно-красные оттенки. Пальцеобразные отростки багровых кустов издавали жалобные стоны, обламываясь и крошась от каждого порыва ветра, взвизгивающего столбики блестящего цветного песка. На огромном плоском камне сидела, подперев подбородок коленями, фигура в золотистом одеянии. От медленного, равномерного дыхания воздух взрывался снопами искр, длинные зеленые, невероятно густые и невероятно легкие волосы колыхались позади нее, словно под водой. Она протянула тонкие руки с длинными пальцами вперед и низким вибрирующим голосом произнесла несколько раз заклинание, посмотрела на ладонь левой руки, потом более нежно позвала:

- О, Элагри, о! Приди, Элагри, О, приди!

Вспышка света, сильный порыв ветра повлекший за собой целую волну песчаных бурунчиков и надрывную ораторию ломающихся "пальцев", сноп искр, и, разрывая пространство, в пустыню вошло еще одно существо подобное первому, но в пурпурных одеждах и с фиолетовой шевелюрой. Оно зависло в дрожащем воздухе, не касаясь ногами песка, собственно и ног не было, туловище заканчивалось где-то в области коленей, дальше одежда свободно трепалась под упругими толчками ветра. Существо с большими зеркальными глазами и острыми скулами, тонким в линию ртом и крючковатым носом мало напоминало человека, но оно было прекрасным! Прекрасным той неопишуемой красотой непонятого, недоступного человеческого разуму; красота его плескалась, словно рубиновое вино в хрустальном бокале, она мерцала словно звездный свет, переливаясь и дрожа, оставаясь неизменной.

- О! Марги, о? Зачем ты позвала меня, о! Мне было так хорошо там, на Земле, о!

Существо в золотистой одежде подплыло ко вновь прибывшему, оставив камень. Оно закружилось подле, обвиняюще выставив вперед узкий загнутый коготь.

- О! Ты нарушаешь наш договор! Ты насладились своим счастьем сполна за десять лет! Теперь мой черед, но ты мешаешь мне, о!

- Любовь не признает никаких сроков, никаких договоров! О! Неужели ты так и не поняла, о! - снопы искр взорвались у рта...

При каждом звуке словно лопалось и разбивалось на мельчайшие осколки тонкое стекло и эхо звенело в медленно струящемся в воздухе...

- Десять лет тебе, десять мне, о!

- Но он любит меня, о! О, если бы он был счастлив с тобой! Я оставила бы вас, о! Но он несчастлив, о!

- Несчастлив, имея все что необходимо людям, о?!!

- Ты его не любишь, о! Он нужен тебе только потому, что я выбрала его, о! Тебе всегда хотелось иметь то, что нужно мне, о!

- Любовь, о! Вся его любовь к тебе помещалась в одном бокале вина, о! Ты такая же как и я! Просто твой любовный напиток оказался крепче моего! Что ты подмешала в свой бокал, о?

- Хочешь знать правду, Марги, о? Я не давала ему никакого напитка, о! Его любовь ко мне и моя к нему, вот настоящий напиток, о! Напиток этот подобен

нектару из чудесных цветов перелиа, вкус его неизменен и глубина неизмерима, как вкус и глубина тягучих прекрасных вод Садору. О! Я постигла тайну Любви и только мне принадлежит этот человек, о! - Существо в пурпуре медленно отвернулось, густые пряди фиолетовых волос на мгновение облепили его тонкое тело и вновь подхваченные ветром, взвились и распустились позади веером. Еще миг и лишь сноп искр остался на месте...

Лицо Полли медленно порозовело, слабо дрогнули веки и легкая улыбка скользнула по пересохшим губам. Она открыла глаза и увидела над собой перепуганного Денниса. Он провел дрожащими пальцами по ее щеке, словно не веря, что она вернулась в мир живых.

- Полли, что это было, ты почти не дышала, я хотел вызвать врача, но боялся оставить тебя одну, - он вытер со лба пот и шумно вздохнул, - Господи, это длилось целых пятнадцать минут... Этот припадок... У тебя часто так бывает? Мы должны показать тебя врачам и ...и не спорь со мной, второго подобного случая я просто не переживу...

- Деннис, ты очень любишь меня? - несмотря на кажущуюся слабость, голосом своим Полли владела хорошо, он по-прежнему был сочным и глубоким, - Ты скажи, ты очень меня любишь?

- Да ну, конечно же!

- Деннис, выслушай меня внимательно, я знаю ты далеко не обскурант и не ксенофоб, ты жизнерадостный и не всегда здравомыслящий человек, и ты готов поверить в НЛО, привидения и троллей... Только, пожалуйста, не смотри на меня такими ужасными глазами! Я не брежу и мои слова не последствия обморока, - Полли села и притянула Денниса к себе, - Ты фантазер и тебе будет легче, чем другим поверить в то, что я собираюсь тебе сказать. Спасти нас могут только твоя любовь и доверие... За твой рассудок я не беспокоюсь...

- Маленькая моя, что за сюрприз ты мне приготовила? - голос Денниса дрожал, но в глазах его вспыхнул огонь нетерпения и радостного предвкушения.

- Мой Деннис, хоть бы я в тебе не ошиблась! - воскликнула Полли. - Слушай внимательно, хорошенько развесь уши и постарайся поверить сразу во все мои рассказы... Дело в том, что я и Николь... мы не совсем люди... То есть, я хочу сказать, мы совсем не люди...

- Свершилось! Полли, я всегда подозревал, что ты инопланетянка, иначе ты не была бы так холодна со мной и давно позволила вернуться к тебе... - Деннис с нежностью поднес ладонку Полины к губам и поцеловал ее.

- Деннис, у меня нет времени для шуток. Пока я могу удерживать Николь там, где она сейчас находится, но боюсь долго это не продлится. Деннис, мы существа иного мира. Как мы с тобой знаем - миров бесконечное множество и лишь некоторые из них соприкасаются настолько тесно, что можно переходить границы когда и кому угодно. Так мы с Николь нашли выход на Землю.

- Значит, если ты не шутишь, вы с моей женушкой и не люди вовсе. Но уж очень похожи... - он рассмеялся и звонко поцеловал Полли в ухо, та сердито шлепнула его по руке, и совершенно серьезно продолжала:

- Мы - Настоящие Ведьмы, принадлежащие к роду Агри! Мы знаем Высокую и Низкую магию, можем летать, переноситься мгновенно из одного места в другое, творить... Знаем, какие травы следует смешать, чтобы приготовить не-

обходимый напиток, почувствовать время и отвлечься ото всех мыслей, сосредоточившись лишь на своем желании... Нам очень понравилось жить среди людей, постигать их природу, здесь так весело! Мы с Николь "родились" в обычных семьях, росли неподалеку друг от друга, вместе шалили, учились, влюблялись. Все было нормально, пока однажды я не встретила тебя. Помнишь, мы шли по коридору главного корпуса университета, навстречу тебе... Николь почувствовала изменение происшедшее во мне в тот же миг! О, она никогда не позволяла мне слишком расслабляться, мы с ней были скорее соперницы, чем подруги. Вечером она объявила мне о своей разгоревшейся страсти, и я растерялась. Впервые я пожалела, что не обладаю более привлекательной внешностью, когда я выбирала человеческий облик, ну совсем как платье, я полагалась лишь на свой вкус, и мое "одеяние" мне безумно нравилось... Впоследствии оказалось, что Николь сделала ставку на человеческие пристрастия и ее оболочка бывшая слишком вычурной на мой взгляд, для людей является лакомым кусочком. В общем, я поняла, если Николь вступила в игру - шансов у меня никаких! Мы увивались вокруг тебя, а ты лишь смущался, и одинаково хорошо относился к нам обеим. Я приходила в отчаяние, ведь я так сильно любила тебя, но однажды случилось чудо - ты пригласил меня в кино...

- Мы потом гуляли всю ночь, и я набрался храбрости и поцеловал тебя. Меня все считали "ловеласом", а я и заговорить-то с девушкой боялся.

- Но я-то этого не знала, мне казалось тогда, что тебе и Николь нравится, и ты никак не можешь выбрать кого-нибудь из нас...

- Странно, но красавица-Ник, меня не волновала ни секунды, я терпел ее лишь из-за тебя, а она всюду преследовала нас.

- А теперь, наберись терпения и выслушай меня насколько можно беспристрастно. Я никогда бы не призналась тебе, но обстоятельства сложились не в нашу с тобой пользу, и не ухмыляйся так противно, я говорю совершенно серьезно! Вспомни, мы были в парке, у меня внезапно закружилась голова...

- Да-да, и ты потеряла сознание, совсем как сегодня, - взволнованно перебил Деннис.

- Я не теряла сознания, просто Николь вызвала меня в... одно место в нашем мире... У нас был долгий и очень серьезный разговор. Она умоляла не предавать нашу дружбу, не рвать родственные связи, они много значили для меня, и я согласилась на ее условия. Мне до сих пор стыдно за свое поведение, прожив довольно долго среди людей я понимаю, это решение было ужасным... Мы договорились бросить жребий, и выигравшая получала тебя в безраздельное пользование на десять лет. По нашему уговору, она должна была напоить тебя своим любовным напитком, ты влюблялся без памяти и женился.

По прошествии десяти лет счастливого супружества в твою жизнь вторглась проигравшая, поила своим настоем и история повторялась. Поверь, я страдала и переживала как человек, но не могла найти выхода из тупика, я приходила в ужас от одной только мысли, что ты достанешься Никки, во мне говорили ревность и дух соперничества, я не знала, какие муки ожидают меня в будущем.

Я выиграла, ты женился на мне, Николь отступила, я была счастлива! День шел за днем, мы всегда были вместе и внезапно пришло откровение: я не

готова отдавать тебя кому бы то ни было, я привыкла ложиться и вставать вместе с тобой, видеть твой добрый взгляд, твою ласковую улыбку, смеяться твоим бесчисленными шутками и участвовать в твоих проказах... Ты мечтал о ребенке, а я, скрывая свою тайну за отговорками, обещала подарить когда-нибудь милую крошку... Ты строил планы на будущее, а я со страхом считала дни, которые летели как осенние листья. В конце концов, на древе моего брака осталось всего несколько листочков, и в нашу жизнь вернулась Николь. Я отдала ей тебя страдая от горя и ревности... И вдруг ты вернулся...

Любимый, теперь ты знаешь мою ужасную тайну... К сожалению, мы, Настоящие Ведьмы, не можем покончить с собой, иначе я предпочла бы наложить на себя руки, чем обидеть тебя. Если ты сейчас уйдешь, я не осужу тебя. Но молчать я больше не могла. Николь узнав, что ее обошли, готова к решительным действиям. Не получив желаемое, она сделает все, что в ее силах, чтобы отомстить. Все теперь зависит только от твоей доброй воли. Или ты идешь со мной или уходим мы с Николь. Там, в своем мире, я сильнее Николь, она не так уж хорошо разбирается в Высокой Магии, и мне удастся удержать ее подальше от Земли, где она может навредить тебе... - голос Полли неожиданно упал до шепота, холодные слезы солеными озерцами скопились в опущенных уголках рта.

Деннис в раздумье прохаживался по комнате, его широкий лоб расчертили глубокие складки, он растирал мочку уха, оттягивая ее книзу, жевал губами и все молчал. Наконец, он вернулся к Полли, умирающей от нетерпения.

- Полли, то что ты мне поведала - безусловно интересно, особенно для психиатра, хотя если это действие твоего фантастического романа, то издав его мы озолотимся... - Деннис вдруг расхохотался, и Полли поняла, что все это время, ее возлюбленного терзали не сомнения, а едва сдерживаемый смех. Она схватила диванную подушку и швырнула в него. Завязалась шумная возня, Деннис победив, повалил Полли на пол и придавил своим телом.

- Пусти, дурак, у нас мало времени, - чуть не плача, взмолилась Полли, тщетно пытаясь вырваться из железных тисков. - Деннис, от твоего ответа зависит наша с тобой жизнь...

- Полли, я согласен удрать от Николь хоть на край света! Мне не нужны ни она, ни ее дом с бассейном, ни счет в банке, ни-че-го! Я люблю тебя!

- Подумай хорошенько, ты ведь и представить себе не можешь насколько все серьезно, ты даже не знаешь, впрочем, как и я, где мы окажемся, и что с нами станет...

- С тобой и без Николь - хоть в аду!

- Если ты не хочешь прекратить дураковаление, я принимаю решение сама! Полли поднялась, оправила одежду, встряхнула головой и твердыми шагами направилась в кухню. Через несколько минут она вернулась с крошечным кувшинчиком в руках.

- Деннис, сейчас ты должен выпить это и положиться во всем на меня. Сначала тебе будет страшно, превращение всегда вызывает немного болезненные ощущения и смутнение, но это быстро закончится. Мы освободимся от всего земного и отправимся в другой мир. Я лишь приблизительно могу вообразить, что нас там ожидает, но по крайней мере, там мы будем вместе.

Деннис принял кувшинчик, ухмыляясь, и опять в его глазах мелькнуло детское ожидание чудесного, а Полли извлекла из кармана его куртки блокнот,

где размашистым почерком что-то начертила.

- Полли, а что это? - немного нервничая, спросил Деннис, нюхая содержимое своего кувшинчика.

- Любовный напиток №3! Впрочем, в первый раз я давала тебе выпить нечто совсем земное! Тогда, когда пыталась убедить Николь, что привораживаю тебя... Все-таки, хоть ты и был робок, что-то подсказывало мне, что я тебе не безразлично. У меня был шанс!

- И что это был за напиток?

- Если ты помнишь химические формулы, то смотри!

Деннис удивленно вскинул брови, усмехнулся и одним махом выпил предложенное питье.

Николь дернулась всем телом от громкого стука и открыла глаза. Подле машины стоял молоденький полицейский.

- В чем дело? - прерывающимся голосом, все еще не придя в себя ото сна, спросила она, опуская стекло.

- Мадам, я думал, может вам плохо, вы так давно спите, а я наблюдаю за вами, а вы все спите и спите, вот я и подумал...

- Спасибо за заботу, мне действительно очень плохо.

Машина Николь медленно тронулась с места, женщина еще раз взглянула на полицейского с некоторым сожалением, этот юнец взирал на нее с нескрываемым восторгом, здесь могло что-нибудь случиться... Но все-таки Деннис и Полли должны понести наказание.

Николь вошла в дом и сразу почувствовала его одиночество. Брошенный дом жалобно вздыхал и поскрипывал деревянными половицами и шпалерами. Ветер безнаказанно трепыхался в кружевных занавесках, и только пылящая кофеварка ябедничала, что обитатели покинули дом совсем недавно. Николь выдернула шнур кофеварки из розетки и подошла к кушетке, где на смятом покрывале лежал блокнот. С ним в руках подошла к окну и сквозь пелену слез посмотрела в сад. Перед глазами ее стояла насмешливая фраза, наспех написанная Полиной: "Ты хотела узнать формулу моего любовного напитка, пожалуйста, она очень проста - $H_2O!$ ".

Она не видела как высоко в небе все кружат и кружат две птицы, прощаясь с землей, запоминая зелень ее холмов...

Содержание

Страничка редактора.....	3
Наши юбиляры	4
Валерий ГОРДЕЕВ. "Мелекесс, год 1918". Очерк.	7
Александр ОСИПОВ. "И, все же, есть очарование". Стихотворный цикл	35
Василий СТРЮЧКОВ. "Покоробленные судьбы". Рассказы.	40
Павел СЛЮНЯЕВ. "Ночь, луна и ветер". Из новой книги стихов.	55
Дмитрий СМОЛЬНИКОВ. "Катка". Бытовая повесть.	64
Владимир ЗИНОВЬЕВ. Сатиризмы.	95
ИНГА. "Дамский альбом". Рассказы.	101

